

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Том 17, № 3

Июль – сентябрь 2024

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ

СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77–39119
выдано 11 марта 2010 года Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Учредитель журнала
Тюменский индустриальный университет

Соучредители журнала
Институт социально-политических исследований РАН
Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН
Российский университет дружбы народов

Аккредитован международным агентством научных журналов «Cabell» (США)

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакционная коллегия
Алексеенко А. Н., Барбаков О. М., Батырова Н. Т., Гаврилюк В. В., Гасанов Э. Л., Генин В.,
Голенкова З. Т., Данилов А. Н., Докторов Б. З., Енгоян А. П., Енсенев К. А., Зборовский Г. Е.,
Ильиных С. А., Левашов В. К., Максимова С. Г., Мартынов М. Ю., Нагымжанова К. М.,
Нарбут Н. П., Пленкина В. В., Рой О. М., Сартбекова Н. К., Силин А. Н., Тараданов А. А.,
Укубасова Г. С., Хайруллина Н. Г. (зам. гл. редактора), Янчаркова Ю.

Редакторы — О. С. Булдакова
Оператор электронной верстки, редактор — Н. В. Шуваева
Адрес редакции (издателя): 625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38
Тел./факс: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru>
E-mail: belonozhktml@tyuiu.ru

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий**

ISSN 1993–1824

16 +

© Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет», 2024

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vol. 17, No. 3

July – September 2024

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

**SOCIOLOGY.
ECONOMICS. POLITICS**

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings from higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration Certificate of Mass Communication Media PI № FS 77–39119
Issued in March 11, 2010 the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology and Communications**

Founder
Industrial University of Tyumen

Co-Founders
Institute of Social and Political Research of the Russian Academy of Sciences Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
Peoples' Friendship University of Russia

*Accredited by "Cabell", the international publishing directory of journals
for professors and researchers (U.S.A.)*

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editorial Board
Alekseyenko A. N., Barbakov O. M., Batyrova N. T., Gavriulik V. V., Hasanov E. L., Genin V.,
Golenkova Z. T., Danilov A. N., Doctorov B. Z., Engoyan A. P., Yensenov K. A., Zborovsky G. E.,
Zvonnikov V. I., Iljinyh S. A., Levashov V. K., Maximova S. G., Martynov M. U., Nagymzhanova K. M.
Narbut N. P., Plenkina V. V., Roy O. M., Sartbekova N. K., Silin A. N., Taradanov A. A., Ukubasova G. S.
Khairullina N. G. (Deputy Editor-in-Chief), Jančárková Ju.

Editors — O. S. Buldakova
Computer design, editor — N. V. Shuvaeva
Address: 38, Volodarskogo St., Tyumen, Russia, 625000
Telephone/Fax: 8 (3452) 28–30–76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications**

ISSN 1993–1824

16 +

© Federal State Budget
Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen", 2024

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна

д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич

д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна

к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна

д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу

PhD (доктор философии по истории), ученый секретарь Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад

PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна

д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович

д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович

д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсенов Канат Алексеевич

к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович

д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович

д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна

д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич

д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна

д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович

д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна

д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич

д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович

д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна

Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие

PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Marina L. Belonozhko

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Nursafa G. Khairullina

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksander N. Alekseenko

Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Oleg M. Barbakov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Nazygul T. Batyrova

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Vera V. Gavriiliuk

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Elnur L. Hasanov

PhD in History, Academic Secretary of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Vlad Genin

PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Zinaida T. Golenkova

Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Alexander N. Danilov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Boris Z. Doctorov

PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Ashot P. Engoyan

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Kanat A. Yensenov

Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Garold E. Zborovsky

Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Svetlana A. Iljinyh

Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Viktor K. Levashov

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Svetlana G. Maximova

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Mikhail Yu. Martynov

Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Karakat M. Nagymzhanova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Nikolai P. Narbut

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Vera V. Plenkina

Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Oleg M. Roy

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Nurzhan K. Sartbekova

Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Anatoliy N. Silin

Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksandr A. Taradanov

Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Galia S. Ukubasova

Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Julie Jančárková

PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Амбарова П. А., Шаброва Н. В.

Любовь к науке vs вознаграждение: место терминальных и инструментальных мотивов в структуре научно-исследовательской активности студентов 9

Амбрушкевич К. В., Хайруллина Н. Г.

Традиции Сибирского купечества как основа ролевых моделей современных молодых предпринимателей 25

Белоножко М. Л., Головин П. Ю.

Профессиональная идентичность и карьера молодежи на современном этапе развития социума 36

Рожкова Л. В., Сальникова О. В.

Дифференциация представлений молодежи о внешней политике России 63

Фомичев И. Ю., Павлова И. В.

Общественная культура как процесс 77

Шаброва Н. В., Дмитриева Т. В., Неделина В. А., Новоселов А. Г., Шаркунова К. А.

Профориентационная работа в школе: мнение учителей, учащихся и родителей 90

Шестаков С. А.

Продвижение консервативного идеологического дискурса в политико-правовом поле постсоветской России 105

CONTENTS

Ambarova P. A., Shabrova N. V. Love of science vs reward: the place of terminal and instrumental motives in the structure of students' research activity	9
Ambrushkevich K. V., Khairullina N. G. Traditions of siberian merchants as a foundation for role models of modern young entrepreneurs	25
Belonozhko M. L., Golovin P. Yu. Professional identity and career of youth at the present stage of society development	36
Rozhkova L. V., Salnikova O. V. Differentiation of youth views about Russian foreign policy	63
Fomichev I. J., Pavlova I. V. Public culture as a process	77
Shabrova N. V., Dmitrieva T. V., Nedelina V. A., Novoselov A. G., Sharkunova K. A. Career guidance work at school: opinion of teachers, high school students and parents	90
Shestakov S. A. The promotion of conservative ideological discourse in the political and legal field of post-Soviet Russia	105

УДК 316.4.066

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-9-24

Любовь к науке vs вознаграждение: место терминальных и инструментальных мотивов в структуре научно-исследовательской активности студентов

П. А. Амбарова*, Н. В. Шаброва

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

**p.a.ambarova@urfu.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты изучения мотивации студентов российских вузов к научно-исследовательской работе. Опираясь на традиционную теорию терминальной и инструментальной мотивации, авторы рассматривают влияние на их формирование различных факторов, присутствующих в современной академической среде. Актуальность исследования обусловлена необходимостью мониторинга научно-исследовательской мотивации студентов в условиях кадрового кризиса высшей школы. Студенты, вовлеченные в науку, имеющие опыт ранней академической карьеры, сегодня рассматриваются как наиболее качественный кадровый резерв вузовской науки. Проблема заключается в том, что внешние институциональные меры поддержки научной молодежи обеспечивают ее вход в академическое сообщество, но не способны удержать в нем. Формирование устойчивого ценностно-мотивационного ядра научно-исследовательской деятельности (НИД) студентов может обеспечить решение этой задачи. Цель статьи — определить доминирующие мотивы участия в научно-исследовательской деятельности российских студентов двух первых ступеней высшего образования. Предметом анализа выступают влияние на мотивацию студентов социально-демографических характеристик студентов (пол, уровень образования, направление подготовки, форма обучения, место жительства до поступления в вуз и материальное положение семьи), успешности (обучение и научно-исследовательская деятельность), наличия научного наставника и планов на будущее.

Эмпирическая база статьи — результаты всероссийского исследования научно-исследовательской культуры российского студенчества, проведенного в феврале–марте 2023 г. Методом массового онлайн-опроса были опрошены студенты из 37 вузов всех федеральных округов страны. Объем выборочной совокупности составил 3 032 чел. Сделаны выводы о том, что участие современных российских студентов в научно-исследовательской деятельности основывается на сочетании терминальных и инструментальных мотивов. Крайние формы проявления терминальных или инструментальных мотивов не свойственны современной молодежи. Показано, что факторы академической среды (академическая успешность, наличие научного наставника) выступают более значимыми условиями для формирования терминальной мотивации участия студентов в НИД, чем социально-демографические факторы. Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования при разработке программ вовлечения студентов в научно-исследовательскую сферу, а также программ научного наставничества в российских вузах.

Ключевые слова: научно-исследовательская работа студентов, мотивация студентов к научно-исследовательской деятельности, терминальная и инструментальная мотивация, научное наставничество

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>

Для цитирования: Амбарова, П. А. Любовь к науке vs вознаграждение: место терминальных и инструментальных мотивов в структуре научно-исследовательской активности студентов / П. А. Амбарова, Н. В. Шаброва. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-3-9-24 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 3. – С. 9–24.

Love of science vs reward: the place of terminal and instrumental motives in the structure of students' research activity

Polina A. Ambarova*, Nina V. Shabrova

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
*p.a.ambarova@urfu.ru

Abstract. This article presents the results of a study on the motivation of students in Russian universities for research work. The authors consider the influence of various factors in the modern academic environment on students' motivation based on the traditional theory of terminal and instrumental motivation. The study's relevance lies in the necessity to monitor research on student motivation in the workforce crisis of higher education, as students involved in science with early academic career experience are considered today as the highest quality talent pool for university science. The issue is that while external institutional support measures for young researchers facilitate their entry into the academic community, they cannot retain them. The formation of a stable value-motivational core of students' research activities is seen as a potential solution to this issue. The goal of the article is to determine the dominant motives for students' participation in research activities in the first two levels of higher education in Russia. The analysis also considers the influence of students' socio-demographic characteristics (gender, educational background, field of study, form of education, place of residence before entering university, and the financial situation of the family), success (training and research activities), the presence of a research tutor, and plans. The empirical basis of the article is the results of a nationwide study on the research culture among Russian students, conducted in February–March 2023. 3,032 students from 37 universities across all federal districts of the country were interviewed by mass online survey. The study concludes that the participation of modern Russian students in research activities is motivated by a combination of terminal and instrumental motives. Extreme forms of terminal or instrumental motives are not typical of modern youth. Factors of the academic environment such as academic success and the presence of a research tutor are more significant for the creation of terminal motivation for students to participate in research than socio-demographic factors. The practical importance of the results lies in the possibility of their application in the development of programs for involving students in research fields, as well as scientific mentoring programs in Russian universities.

Keywords: research student's activity, student's motivation to research activities, terminal and instrumental motivation, scientific mentoring.

Acknowledgments: The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-01291, <https://rscf.ru/project/23-28-01291/>

For citation: Ambarova, P. A., Shabrova, N. V. (2024). Love of science vs reward: the place of terminal and instrumental motives in the structure of students' research activity. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 9-24. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-9-24

Введение

Одна из статей, размещенных в 2015 г. на портале Physics Forums Insights, носила звучное название «Должны ли вы заниматься наукой по любви или за деньги» [1]. Ее автор в контексте прагматично построенной американской науки доказывал на своем жизненном опыте, что наукой можно и нужно заниматься, несмотря на отсутствие денег, финансовые и технические ограничения. В противовес автору поста прозвучал комментарий одного из читателей: «Заниматься наукой “из любви к ней” становится очень скучно, когда тебе приближается 40 лет, у тебя мало сбережений, все еще есть задолженность по студенческому кредиту, которую нужно погасить, и ты все еще аспирант, надеющийся и молящийся о должности преподавателя, которой не существует». Если бы не знать, что эта дискуссия развернулась в другой стране, на другом континенте, можно было бы вполне назвать ее тему традиционной для российской действительности. Именно в таком ракурсе сформулирована тема настоящей статьи, в которой мы

рассмотрим, из каких побуждений — «по любви» или «за деньги» — российские студенты вовлекаются в научно-исследовательскую работу (НИР).

Мотивация студентов к научно-исследовательской деятельности (НИД) неизменно остается в фокусе внимания российских и зарубежных исследователей на протяжении многих лет [2–6]. С одной стороны, это говорит о сформировавшейся классической теме социологии высшего образования, своеобразной исследовательской традиции. С другой — о том, что проблемы высшей школы, решаемые путем создания кадрового резерва научно-педагогического сообщества из талантливых студентов, по-прежнему остаются неразрешенными. Тенденция старения научно-педагогических кадров с трудом преодолевается за счет жестких административных методов (например, путем квотирования ставок для молодых специалистов в возрасте до 39 лет), и то не во всех российских вузах [7]. Аспирантура также перестала быть основным институтом кадрового воспроизводства в высшем образовании и академической науке: снизились показатели ее эффективности, измеряемые по количеству защит во время обучения и на выпуске (в 2020 г. этот показатель был рекордно низким — 9 % [8]), в академическом секторе остается только 40–45 % выпускников аспирантских программ [9; 10]. Стратегия селекции талантливой студенческой молодежи при отсутствии привлекательных условий академического труда в России в свое время привела к активной утечке молодых «мозгов» в другие страны: от 20 до 85 % студентов, публикующих статьи и доклады в бакалавриате, переезжают в Европу и США [11].

В противовес критическому взгляду на молодежный вопрос авторов научных публикаций официальные структуры, отвечающие за популяризацию науки и профессии ученого, приводят кейсы успешных молодых российских исследователей, чья академическая история берет свое начало в студенческие годы. У подобных публикаций есть важная задача — информирование о мерах государственной поддержки молодежи в академическом секторе. Понятно, что без институциональной поддержки проблема вовлечения молодежи в вузовскую науку была бы еще более острой. Однако государственная политика создает только внешний каркас, который, как и любая механическая структура, не оживляет академическую среду без внутреннего наполнения реальным взаимодействием различных поколений научно-педагогических работников (НПР), аспирантов и студентов.

Мотивационная тематика была и остается сквозной для социологии высшего образования, поскольку обеспечивает понимание основ и перспектив развития межпоколенческого взаимодействия вузовских исследователей. Цель статьи — выявление доминирующих мотивов участия российских студентов бакалавриата и магистратуры в научно-исследовательской деятельности. Предметом изучения является влияние на мотивацию к участию студентов в НИД социально-демографических факторов и факторов академической среды. С изучением последних связана новизна исследования: мы стре-

мимся понять, насколько существенное значение для формирования интереса студента к науке имеет его академическая успешность и наличие научного наставника.

Литературный обзор

Одним из самых масштабных по объему выборки за последние годы стало исследование Центра стратегии развития образования Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, реализованное в 2022 г. [12]. Оно было посвящено удовлетворенности студентов обучением и возможностями, предоставляемыми российскими вузами. В рамках этого исследования большой блок вопросов был связан с различными аспектами вовлеченности студентов в НИР, в том числе мотивацией к участию. Исследование показало различия в мотивации к научной деятельности у студентов разных курсов: устойчивое усиление интереса к ней от 1 к 4 курсу бакалавриата и неравномерное у студентов специалитета. Кроме того, была определена группа высокомотивированных на НИР студентов, имеющих высокое качество подготовки к вузу (победители олимпиад, студенты с высокими баллами ЕГЭ). Между тем данное исследование показало, что даже мотивированные на НИР студенты, принадлежащие группе отличников, не всегда к своим академическим успехам относят научные результаты, например публикации (только 10 % опрошенных отметили их в таком качестве).

Несмотря на устойчивый интерес к проблеме мотивации к НИРС, как правило, ее исследования носят локальный характер и сфокусированы на кейсах отдельных российских вузов. Так, группой исследователей Государственного университета управления в 2014 г. был проведен опрос студентов очной формы обучения 2–5 курсов [3]. На выборке, ограниченной участниками конкурса студенческих грантов, была выявлена их мотивация к НИР, проведен анализ эффективности тех или иных подходов формирования научно-исследовательских компетенций в повседневном обучении. Важным результатом исследования стало мотивирующее влияние таких факторов, как наличие возможностей участия в грантовых конкурсах, создание студенческих научных лабораторий.

П. М. Лапин и Е. А. Балежина предложили выделить мотивацию к НИР студентов национальных исследовательских университетов в качестве специфичного предмета изучения, поскольку данный тип российских вузов ориентирован на создание и внедрение инновационных разработок, а также подготовку кадров для этой сферы [4]. В 2020 г. социологи на выборке студентов 2–4 курсов трех пермских национальных исследовательских университетов (Пермского государственного национального исследовательского университета, Пермского национального исследовательского политехнического университета, Пермского филиала национального исследовательского университета «Высшая школа экономики») проанализировали структуру мотивации студентов-бакалавров к выполнению НИР и ее связь с установкой на академическую карьеру в вузе. На основе модели дихотомических эталонных переменных Т. Парсонса для анализа мотивации студентов к НИР авторы выделили 8 типов мотивов: социальный, коммуникативный, вынужденный, ситуа-

тивный, ценностный, личностный, профессиональный, формально-академический [4], а в эмпирическом исследовании выделили 4 типа студентов в зависимости от проявленности каждого мотива: случайные исследователи, ведомые, увлеченные, стратеги.

О. И. Лаптева и А. Г. Корнилова в своем микроисследовании (в 2020 г.) подчеркнули особенности мотивации к НИР студентов технических специальностей [13]. Авторы в качестве главного фактора успешной НИР выделили наличие в университете специального современного оборудования для проведения экспериментов. В практическом плане данное исследование оказалось важным для понимания особенностей организации НИР и мотивации к ней у студентов различных профилей подготовки. Необходимость рассмотрения мотивации к НИР в разрезе различных групп обучающихся также показало исследование коллектива Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. В данном исследовании акцент был сделан на специфике мотивации к НИР у студентов разных уровней обучения (бакалавров, магистрантов и аспирантов) [14].

На качество академической среды и научную активность НИР как на факторы вовлечения студентов в науку и развития у них мотивации к НИР указывают результаты всероссийского исследования, проведенного в 2015 г. под руководством С. Д. Резника. Опрос 350 заведующих кафедрами в российских вузах показал, что 45,6 % из них с трудом находят время на научную работу со студентами, а 3,6 % вообще не ведут такую [15]. Авторы критически оценивают данную ситуацию, поскольку рассматривают заведующих кафедрами как инициаторов, вдохновителей и лидеров научной работы на уровне кафедральных коллективов. По их мнению, заведующие обладают ресурсами для создания и трансляции образцов мотивации к НИР, а также научного взаимодействия разных поколений ученых, включая студентов.

По мнению Е. И. Коган, изучение мотивационного профиля студентов по отношению к НИР является важным основанием для планирования серьезной работы в области студенческой науки и планирования академической карьеры для наиболее перспективной группы обучающихся. Исследование, проведенное в 2018 г. Е. А. Коган в трех московских вузах, показало, что только 14 % студентов являются бесперспективным сегментом, а 11,4 % — потенциально потерянными для кадрового пополнения вузовской науки (в силу отсутствия у этих студентов мотивации к НИР и планов построения академической карьеры) [16]. Автор исследования сделала позитивный вывод о том, что остальных студентов возможно и необходимо заинтересовывать в этой деятельности.

Обобщая результаты обзора исследований, разных по фокусу внимания и масштабам, отметим, что в них выделены общие проблемы и тенденции вовлеченности российских студентов в НИР, а также отмечается влияние на них как объективных факторов (институциональной и организационной поддержки научно-исследовательской активности студентов, адекватной системы морального и материального ее вознаграждения, наличия современной научно-технической инфраструктуры и др.), так и субъективных факторов (отношения к науке, академической профессии, сформированности познава-

тельного интереса, интеллектуальных запросов студентов). Исходя из понимания накопленного опыта изучения научно-исследовательской деятельности студентов и ограничений, которые имелись в уже реализованных исследованиях, мы предприняли анализ мотивации к НИР у студентов российских вузов в масштабе всероссийского исследования.

Материалы и методы

В основу статьи легли результаты эмпирического исследования, проведенного в феврале–марте 2023 г. Методом сбора информации выступил массовый онлайн-опрос студентов из 37 российских вузов всех федеральных округов страны. Объем выборочной совокупности составил 3 032 чел., предельная ошибка выборки не превышала 2 %. Репрезентативность выборки обеспечивалась за счет квотного отбора и формировалась на основе статистических данных по уровням (88 % — бакалавриат и специалитет, 12 % — магистратура) и направлениям подготовки (34 % — инженерно-техническое, 24 % — естественно-научное, 18 % — гуманитарное, 25 % — социально-экономическое). Опрос был проведен с использованием online-сервиса Google-Forms. Ссылка на анкету рассылалась ответственным за проведение опроса в вузе, которые распространяли ее в своем учебном заведении среди студентов в соответствии с квотами.

Анкета для сбора данных включала в себя два вопроса, так или иначе нацеленных на изучение мотивации к участию студентов в НИД. Оба вопроса были сформулированы в косвенной форме. Первый из них звучал так: «Выберите продолжение фразы: “Я занимаюсь научной деятельностью, потому что хочу...”». Второй вопрос выступал контрольным и был ориентирован на выявление факторов, которые, по мнению самих студентов, являются наиболее значимыми для достижения успеха в научно-исследовательской деятельности. В работе проанализировано влияние на терминальную и инструментальную мотивацию к участию студентов в НИД социально-демографических характеристик студентов (пол, уровень образования, направление подготовки, форма обучения, место жительства до поступления в вуз и материальное положение семьи), успешности (обучения и научно-исследовательской деятельности), наличия научного наставника и планов на будущее.

Полученные количественные данные были обработаны в программе Vortex 10.34.2. Для статистического анализа информации были использованы частотный, корреляционный методы и метод кросстабуляции (сопряжения). В качестве значимых были приняты связи, которые имели асимптотическую значимость (2-стороннюю) $< 0,05$ (далее — значимость).

Результаты и обсуждение

Анализ данных опроса позволил зафиксировать позитивный факт доминирования у студентов терминальных мотивов участия в НИД (табл. 1). Более половины опрошен-

ных (53,5 %) занимаются наукой для получения компетенций, необходимых в дальнейшей учебе, в том числе в магистратуре и аспирантуре. Студенты стремятся таким образом реализовать свои способности (42 %) и узнать что-то новое (40,2 %). Инструментальные мотивы участия студентов в НИД встречаются реже. Более трети респондентов, участвуя в НИД, пытаются получить компетенции, которые им понадобятся для дальнейшей работы (35,4 %) и хорошего портфолио (35 %). Только около четверти опрошенных (24,3 %) отметили, что участвуют в НИД, чтобы получить материальное вознаграждение (стипендию, премию, грант). Необходимо отметить, что мотивы, формирующиеся под влиянием внешних нематериальных факторов, не характерны для студентов. Так, соответствовать ожиданиям педагогов стремится лишь каждый десятый опрошенный (11,2 %). Тех, кто пытается таким образом заслужить уважение родителей и авторитет среди сверстников, еще меньше — 8,2 % и 7,7 % соответственно.

Таблица 1

**Мотивы участия студентов в научно-исследовательской деятельности,
% от числа ответивших**

Продолжение фразы: «Я занимаюсь научной деятельностью, потому что хочу...»	% от ответивших
Получить компетенции (знания, умения и навыки), которые мне нужны для дальнейшей учебы (в том числе в магистратуре, аспирантуре)	53,5
Реализовать свои способности	42
Узнавать что-то новое	40,2
Получить компетенции (знания, умения и навыки), которые мне нужны для дальнейшей работы	35,4
Собрать хорошее портфолио	35
Доказать самому себе, что мне это по силам	32,4
Развиваться как творческая личность	30
Получить материальное вознаграждение (стипендию, премию, грант)	24,3
Соответствовать ожиданиям педагогов	11,2
Заслужить уважение родителей	8,2
Заслужить авторитет среди сверстников	7,7

Ответы на контрольный вопрос о наиболее значимых, с точки зрения студентов, факторах достижения успеха в науке подтвердили приоритетность внутренних терминальных мотивов участия студентов в НИД (табл. 2). Более половины опрошенных (63,1 %) считают особенно важной для достижения успеха в НИД способность студента к самоорганизации. Больше половины опрошенных отметили важное значение мотивации к поиску нового знания и способов его получения (52,5 %) и активности студентов (50,1 %).

Обратим внимание на два важных момента, проявившихся в ответах на вопрос о факторах успеха в НИД. Во-первых, в сравнении с прямым вопросом о мотивах участия в НИД они показали более высокую значимость для студентов материальных поощрений (грантов, премий, стипендий). Отвечая на контрольный вопрос, такую позицию выбрало 34,8 % опрошенных против 24,3 % тех, кто выбрал ее в вопросе об индивидуальных мотивах участия в НИД. Во-вторых, однозначно способствуют успешности студентов в науке научные наставники, обладающие необходимыми профессиональными и личностными качествами (37,1 %).

Таблица 2

Мнение студентов о значимых факторах для достижения успеха в научно-исследовательской деятельности, % от числа ответивших

Фактор успеха в НИД	% от ответивших
Способность студента к самоорганизации	63,1
Мотивация к поиску нового знания и способов его получения	52,5
Активность студента	50,1
Профессиональные и личностные качества научного наставника	37,1
Материальные поощрения (гранты, премии, стипендии)	34,8
Возможность постоянного контакта, взаимодействия с теми, кто занимается наукой	30,7
Наличие материально-технической базы	29,4
Умение общаться с обучающимися, педагогами и администрацией	27,9
Поддержка близких людей (родителей, родственников, друзей, приятелей и т. д.)	16,8
Возможность честно соревноваться	11,9

Для понимания способов активизации участия студентов в НИД и выбора программ стимулирования НИРС был проведен корреляционный анализ на основе ответов студентов об их индивидуальных мотивах участия в НИД (см. табл. 1). В основу анализа были положены переменные, характеризующие мотивацию к участию студентов в НИД: терминальная (получить компетенции для дальнейшей учебы, узнать что-то новое, реализовать свои способности) и инструментальная (получить компетенции для работы, собрать хорошее портфолио, получить материальное вознаграждение).

Первый блок факторов, который был изучен, — это социально-демографические характеристики студентов. Анализ показал отсутствие различий в характере мотивации студентов по таким социально-демографическим характеристикам, как пол и место жительства до поступления в вуз. По остальным социально-демографическим параметрам была выявлена, хотя и очень слабая, связь (коэффициент Крамера менее 0,100). Во-первых, нужно отметить более высокий уровень мотивации к участию в НИД у студентов магистратуры, нежели бакалавриата и специалитета. Мотивация магистрантов как по инструментальным, так и терминальным показателям в два с лишним раза превосхо-

дила мотивацию бакалавров и специалистов по тем же показателям. Например, 34,8 % магистрантов отметили, что они участвуют в НИД для получения компетенций, необходимых для дальнейшей учебы, еще 26,6 % — для дальнейшей работы. Среди бакалавров и специалистов таких студентов было только 18 и 11,5 % соответственно. Схожая ситуация наблюдалась в анализе мотивации студентов, обучающихся по разным направлениям подготовки. Студенты социогуманитарного профиля несколько чаще, чем студенты естественно-технического профиля, отмечали равное значение двух типов мотивов.

Интересны результаты сравнительного анализа ответов респондентов по форме обучения. По четырем из шести показателей инструментальной и терминальной мотивации (по 2 показателям из каждой группы) отличия у студентов бюджетной и контрактной формы обучения находятся в пределах ошибки выборки, однако по двум показателям отличия существенные. Так, студенты бюджетной формы обучения несколько чаще, чем студенты-контрактники, отмечали такой мотив участия в НИД, как желание получить материальное вознаграждение (10,1 против 4,3 %) и стремление узнавать что-то новое (15,3 против 12,1 %).

Не менее интересны результаты анализа мотивов участия студентов в НИД по критерию материального положения семьи. Как видно из таблицы 3, студенты из разных социальных слоев слабо отличаются друг от друга (деление на высший, средний, низший слои — результат преобразования шкалы вопроса о материальном положении семьи, содержавшей 6 вариантов ответов). Вместе с тем у опрошенных из высшего и среднего слоев более выражены, чем у студентов из низшего слоя, такие мотивы участия в НИД, как стремление узнавать что-то новое (15 против 10,9 %) и получение компетенций для дальнейшей работы (13,4 против 7,9 %).

Таблица 3

Мотивы участия студентов в НИД в зависимости от материального положения семьи, % от числа ответивших

Мотивы участия в НИД	Высший слой	Средний слой	Низший слой	В среднем по массиву
Получить компетенции (знания, умения и навыки), которые нужны для дальнейшей учебы (в том числе в магистратуре, аспирантуре)	19,5	19,6	18,4	19,5
Реализовать свои способности	15,6	15,4	13,1	15,3
Узнавать что-то новое	15,1	14,9	10,9	14,6
Получить компетенции (знания, умения и навыки), которые нужны для дальнейшей работы	13,5	13,3	7,9	12,9
Собрать хорошее портфолио	13,3	12,3	14,6	12,7
Получить материальное вознаграждение (стипендию, премию, грант)	7,5	9,5	7,9	8,8

*Коэффициент Крамера = 0,070; вероятность ошибки (значимость) = 0,021

Вторая группа факторов, влияющих на мотивы участия студентов в НИД, — успешность в обучении и научно-исследовательской деятельности. Корреляционный анализ показал, что мотивация успешных в обучении студентов как по инструментальным, так и терминальным показателям в два с лишним раза превосходит мотивацию по этим же показателям у середнячков и неуспешных. (К успешным были отнесены студенты, ответившие, что учатся только на пятерки или преимущественно на пятерки. К середнячкам — студенты, которые ответили, что учатся преимущественно на четверки, а к неуспешным — те, кто ответил, что учится преимущественно на удовлетворительные оценки и/или имеет угрозу неаттестации). Например, 26 % успешных в обучении студентов отметили, что они участвуют в НИД для получения компетенций, необходимых для дальнейшей учебы, а еще 17,1 % — для дальнейшей работы. Среди середнячков таких было только 13,9 и 8,9 % соответственно, а среди неуспешных еще меньше (5,5 и 5,1 % соответственно).

Рассмотрим результаты корреляционного анализа, показывающие связь между субъективной самооценкой достигнутых студентами успехов в НИД и характером мотивации. Как видно из таблицы 4, студенты, которые считают себя успешным в НИД, в большей мере имеют терминальную мотивацию, тогда как студенты, которые не считают себя успешными в НИД, продемонстрировали доминирование инструментальных мотивов. В частности, о стремлении реализовать в рамках НИД свои способности заявило 52,9 % студентов, которые считают, что достигли успехов в НИД, и только 35,3 % опрошенных, которые считают, что не имеют таких успехов. О стремлении получить за участие в НИД материальное вознаграждение сказало 28,1 % субъективно неуспешных в НИД студентов и только 19,5 % успешных.

Таблица 4

Мотивы участия студентов в НИД в зависимости от субъективной самооценки успешности в НИД, % от числа ответивших

Мотивы участия в НИД	Достигли успехов в НИД	Не достигли успехов в НИД	Затрудняюсь ответить	В среднем по массиву
Получить компетенции (знания, умения и навыки), которые мне нужны для дальнейшей учебы (в том числе в магистратуре, аспирантуре)	59,6	48,4	54,2	19,5
Реализовать свои способности	52,9	35,3	35,7	15,3
Узнавать что-то новое	41,6	38,3	42,3	14,6
Собрать хорошее портфолио	38,9	32,8	32,1	12,7
Получить компетенции (знания, умения и навыки), которые мне нужны для дальнейшей работы	31,7	36,4	41,1	12,9
Получить материальное вознаграждение (стипендию, премию, грант)	19,5	28,1	24,4	8,8

* Коэффициент Крамера = 0,082; вероятность ошибки (значимость) = 0,001

Третья группа факторов, которая определяет мотивы участия студентов в НИД, — наличие научного наставника и планов на будущее. Наличие научного наставника (особенно постоянного) повышает мотивацию участия в НИД как по инструментальным показателям, так и терминальным (коэффициент Крамера = 0,062; вероятность ошибки (значимость) = 0,022). Так, студенты, имеющие постоянного научного наставника, чаще, чем студенты, имеющие научного наставника ситуативно или не имеющие его вообще, отмечали, что мотивом их участия в НИД выступает стремление реализовать свои способности (32,5, 29,3 и 7,7 % соответственно), получить материальное вознаграждение (21, 15,2 и 4,5 % соответственно).

В ходе анализа соотношения мотивов участия студентов в НИД и их планов на будущее был выявлен интересный момент. Более мотивированными на занятие НИД (вне зависимости от характера мотивации) оказались студенты, планирующие после окончания учебы работать преподавателем или исследователем в вузе, научном институте. Причем студенты с данным профессиональным треком оказались более мотивированными не только на фоне тех студентов, которые планируют работать в сферах, не связанных с научной деятельностью, или тех, кто планирует открыть свое дело, но и тех, кто планирует продолжить обучение в магистратуре и/или аспирантуре. Например, участие в НИД как возможность реализовать свои способности отметили 33 % студентов, планирующих после окончания университета пойти работать преподавателем или исследователем в академические организации. Среди тех, кто планирует продолжить обучение (в магистратуре, аспирантуре), таких оказалось только 21,8 %, а среди тех, кто планирует работать в сферах, не связанных с научной деятельностью, еще меньше — лишь 14 %.

Таким образом, проведенное исследование показало, что у студентов доминируют терминальные мотивы участия в НИД, такие как реализация своих способностей, получение компетенций, необходимых для дальнейшей учебы, стремление узнавать новое. Инструментальные мотивы, связанные с получением компетенций для будущей работы, материального вознаграждения, подготовкой хорошего портфолио, реже выступают побудительной силой участия студентов в НИД. Корреляционный анализ показал отсутствие различий в мотивах участия в НИД по таким социально-демографическим характеристикам студентов, как пол и место жительства до поступления в вуз. Однако выяснилось, что более мотивированными (вне зависимости от группы мотиваторов) являются магистранты, чем бакалавры и специалисты; студенты социально-гуманитарных направлений подготовки, чем инженерно-технических; бюджетной формы обучения, нежели внебюджетной; из среднего и высшего слоев, нежели из низшего; успешные в обучении студенты, нежели середнячки и неуспешные; те студенты, кто имеет постоянного научного наставника, чем те, кто такого не имеет; студенты, планирующие после окончания обучения пойти работать преподавателем или исследователем в университет, научный институт, чем те студенты, которые планируют работать в сферах, не связанных с научной деятельностью, открыть свое дело, и те, кто

планирует продолжить обучение (в магистратуре и/или аспирантуре). Доминирование терминальной мотивации участия в НИД над инструментальной присуща студентам, субъективно считающим себя успешными в НИД.

Выводы

В анализе мотивации студентов к НИР мы исходили из понимания академической профессии как деятельности по призванию. Духовными ее основаниями традиционно выступают терминальные ценности — знание, познание, саморазвитие, самореализация, творчество. В то же время мы понимаем, что в современных условиях академического капитализма все виды вузовской активности переведены в рыночную логику и определяются такими инструментальными ценностями, как польза, выгода, стоимость, вознаграждение. Развитие научно-исследовательской деятельности студентов происходит именно в таком противоречивом контексте изменяющейся академической культуры, что, безусловно, влияет и на ценностно-мотивационные структуры студенчества.

Результаты проведенного исследования с очевидностью показывают, что эти противоречия отражаются на мотивации студентов к научно-исследовательской деятельности. Их активность в науке и интерес к ней сегодня определяются не только терминальными, но и инструментальными мотивами. Для многих студентов важной является возможность не только заниматься интересным интеллектуальным трудом, но и получать за него достойное вознаграждение, карьерные преимущества, в некотором смысле — академическую ренту за свой статус молодого исследователя.

В то же время мы видим, что для большей части студентов доминирующими все же остаются традиционные академические ориентиры — потребность в самореализации, желание узнавать и создавать новое. Косвенно эта ситуация подтверждается тем фактом, что студенты, которые не испытывают материальных трудностей, в меньшей степени привержены прагматическому интересу к научной активности и ярче проявляют «чистый» интерес к научному творчеству. Это означает, что базовые ценностные основания вузовской науки сохраняются не на декларативном, а на реальном уровне.

При этом анализ трех групп факторов (социально-демографических характеристик, академической успешности, наличия научного наставника и планов на будущее) очень четко показывает сильное влияние на студенческую научную активность научных наставников. Это согласуется с позицией психологов о том, что трансляция научного опыта между поколениями лично окрашена и включает в себя не только эксплицитное знание, но и эмоциональную разметку пространства интеллектуальной работы [17]. Как главные представители академического сообщества они выступают носителями и терминальных, и соответствующих современному университетскому контексту инструментальных ценностей. По всей видимости, в тесном наставническом взаимодействии они транслируют свои противоречивые ценностные установки студентам. Исходя из этих результатов исследования, мы можем сделать вывод о том, что си-

стема поддержки и развития научной активности в вузе должна логично и комплексно охватывать всех — и студентов, и преподавателей (научных наставников). Выступая как сообщающиеся сосуды, взрослая и студенческая сферы науки соединены между собой не только формальными структурами и отношениями, но и более глубокими ценностно-мотивационными связями.

Список источников

1. Should You Do Science for Love or for Money. – Text : electronic // Physics Forums : website. – 2015. – 16 july. – URL: <https://www.physicsforums.com/insights/science-love-money/> (accessed 17.05.2022).
2. Формирование у студентов вузов мотивации к научно-исследовательской деятельности / Е. В. Реутов, Л. В. Колпина, М. Н. Реутова, Е. Н. Шиянова. – Текст : непосредственный // Среднерусский вестник общественных наук. – 2012. – № 4–1 (25). – С. 59–64.
3. Проблема мотивации научной деятельности студентов вуза / В. В. Балашов, А. В. Пацула, Р. В. Ленков, Е. А. Гайдукова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2016. – № 4 (384). – С. 127–130.
4. Лапин, П. М. Мотивация студентов к выполнению научно-исследовательской работы и ее связь с установкой на построение академической карьеры в вузе / П. М. Лапин, Е. А. Балежина. – DOI 10.17072/2078-7898/2021-4-662-672. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 4. – С. 662–672.
5. «Looking at myself in the future» : How mentoring shapes scientific identity for STEM students from underrepresented groups / K. Atkins, B. M. Dougan, M. S. Dromgold-Sermen [et al.]. – Direct text // International Journal of STEM Education. – 2020. Vol. 42, Issue 7. – P. 1–15.
6. How science really works the student experience of researched education / L. Smyth, F. Davila, T. Sloan [et al.]. – Direct text // Higher Education. – 2016. – Vol. 72. – P. 191–207.
7. Доклад Правительства Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. – Текст : электронный. – URL: <http://static.government.ru/media/files/7wTyuCH7RUXZb5RgUqReX4nWt6TuUAN4.pdf> (дата обращения: 10.10.2023).
8. Багдасарьян, Н. Г. Аспирантура регионального вуза : проблемы и пути решения / Н. Г. Багдасарьян, Т. В. Балужева. – DOI 10.14515/monitoring.2022.5.2200. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2022. – № 5 (171). – С. 373–393.
9. Бедный, Б. И. Трансформационные процессы в современной российской аспирантуре : учебное пособие / Б. И. Бедный, Н. В. Рыбаков. – Нижний Новгород : Издательство Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского. – 2022. – 139 с. – Текст : непосредственный.

10. Михалкина, Е. В. Почему выпускники аспирантуры не выбирают работу в университетах? / Е. В. Михалкина, Л. С. Скачкова. – DOI 10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129. – Текст : непосредственный // Terra Economicus. – 2018. – Т. 16, № 4. – С. 116–129.
11. Научный руководитель ВШЭ предложил создать систему привлечения и закрепления в науке талантливой молодежи. – Текст : электронный // НИУ ВШЭ : сайт. – 2021. – 27 сен. – URL: <https://www.hse.ru/news/science/510279564.html> (дата обращения: 13.05.2024).
12. Вовлеченность студентов в научную работу в период обучения в вузе : социологический анализ / Н. П. Нарбут, И. А. Алешковский, А. Т. Гаспаришвили [и др.]. – DOI 10.22363/2313-2272-2023-23-2-256-271. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2023. – Т. 23, № 2. – С. 256–271.
13. Лаптева, О. И. Мотивация студентов технических специальностей к научной деятельности / О. И. Лаптева, А. Г. Корнилова. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 6. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN620.pdf> (дата обращения: 17.05.2024).
14. Исследование особенностей мотивации студентов разных уровней высшего образования к участию в научно-исследовательской деятельности / С. А. Писарева, Е. И. Бражник, И. В. Гладкая [и др.]. – DOI 10.15293/2658-6762.2401.02. – Текст : непосредственный // Science for Education Today. – 2024. – Т.14, № 1. – С. 25–53.
15. Резник, С. Д. Система организации научной работы на университетской кафедре : механизмы управления «неуправляемыми» учеными / С. Д. Резник, О. А. Сазыкина. – DOI 10.31992/0869-3617-2019-28-4-21-36. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2019. – Т. 28, № 4. – С. 21–36.
16. Коган, Е. А. Отношение студентов вузов к научно-исследовательской работе / Е. А. Коган. – DOI 10.25629/НС.2020.08.17. – Текст : непосредственный // Человеческий капитал. – 2020. – № 8 (140). – С. 179–187.
17. Гаврилова, Е. В. Трансляция научного опыта и личностное знание / Е. В. Гаврилова, Д. В. Ушаков, А. В. Юревич. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 9 (377). – С. 28–35.

References

1. Should You Do Science for Love or for Money (2015). (In Russian). Available at: <https://www.physicsforums.com/insights/science-love-money>
2. Reutov, E. V., Kolpina, L. V., Reutova, M. N., & Shiyanova, E. N. (2012). Formirovanie u studentov vuzov motivatsii k nauchno-issledovatel'skoy deyatel'nosti. Central Russian journal of social sciences, (4-1(25)), pp. 59-64. (In Russian).
3. Balashov, V. V., Patsula, A. V., Lenkov, R. V., & Gaidukova, E. A. (2016). Problem of motivating scientific activity of university students: an empirical study. Sotsiologicheskie issledovaniya, (4(384)), pp.127-130. (In Russian).

4. Lapin, P. M., & Balezina, E. A. (2021). Students' motivation for performing research work and its relationship with their orientation toward building an academic career at university. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofia. Psihologia. Sociologia*, (4), pp. 662-672. (In Russian). DOI: 10.17072/2078-7898/2021-4-662-672
5. Atkins, K., Dougan, B. M., Dromgold-Sermen, M. S., Potter, H., Sathy, V., & Panter, A. T. (2020). "Looking at Myself in the Future": how mentoring shapes scientific identity for STEM students from underrepresented groups. *International Journal of STEM Education*, 42(7), pp. 1-15. (In English).
6. Smyth, L., Davila, F., Sloan, T., Rykers, E., Backwell, S., & Jones, S. B. (2016). How science really works: the student experience of researchled education. *Higher Education*, (72), pp. 191-207. (In English).
7. Doklad Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii Federal'nomu sobraniyu Rossiyskoy Federatsii o realizatsii gosudarstvennoy politiki v sfere obrazovaniya. (In Russian). Available at: <http://static.government.ru/media/files/7wTyuCH7RUXZb5RgUqReX4nWt6TuUAH4.pdf>
8. Bagdasaryan, N. G., & Balueva, T. V. (2022). Regional university's postgraduate: problems and ways of solution. *Monitoring of public opinion: economic and social changes*, (5(171)), pp. 373-393. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2200
9. Bednyy, B. I., & Rybakov, N. V. (2022). Transformatsionnye protsessy v sovremennoy rossiyskoy aspiranture. *Nizhny Novgorod, Natsional'nyy issledovatel'skiy Nizhegorodskiy gosudarstvennyy universitet im. N. I. Lobachevskogo Publ.*, 139 p. (In Russian).
10. Mikhalkina, E. V., & Skachkova, L. S. (2018). Why Do Not PhD Students Choose Job in Universities? *Terra Economicus*, 16(4), pp. 116-129. (In Russian). DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-4-116-129
11. Nauchnyy rukovoditel' VSHE predlozhit sozdat' sistemu privlecheniya i zakrepleniya v nauke talantlivoy molodezhi. (In Russian). Available at: <https://www.hse.ru/news/science/510279564.html>
12. Narbut, N. P., Aleshkovski, I. A., Gasparishvili, A. T., Krukhmaleva, O. V., & Savina, N. E. (2023). Students' engagement in research at the university: A sociological analysis. *RUDN Journal of Sociology*, 23(2), pp. 256-271. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-2272-2023-23-2-256-271
13. Lapteva, O. I., Kornilova, A. G. (2020). Motivation of students of technical specialties for scientific activity. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 8(6). (In Russian). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/10PDMN620.pdf>
14. Pisareva, S. A., Brazhnik, E. I., Gladkaya, I. V., Piskunova, E. V., & Fedorova, N. M. (2024). Studying the peculiarities of the universities students' motivation for research activities. *Science for Education Today*, 14(1), pp. 24-53. (In Russian). DOI: 10.15293/2658-6762.2401.02
15. Reznik, S. D., & Sazykina, O. A. (2019). Organization of Research Activities at University Department: Management Mechanisms for "Uncontrollable" Scientists. *Higher Education in Russia*, 28(4), pp. 21-36. (In Russian). DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-4-21-36
16. Kogan, E. A. (2020). Attitude of university students to scientific research. *Che-lovecheskiy kapital*, (8(140)), pp. 179-187. (In Russian). DOI: 10.25629/HC.2020.08.17

17. Gavrilova, E. V., Ushakov, D. V., & Yurevich, A. V. (2015). Translation of scientific experience and tacit knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (9(377)), pp. 28-35. (In Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Амбарова Полина Анатольевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, p.a.ambarova@urfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

Шаброва Нина Васильевна, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5694-1040>

Polina A. Ambarova, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, p.a.ambarova@urfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3613-4003>

Nina V. Shabrova, Doctor of Sociology, Associate Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5694-1040>

Статья поступила в редакцию 15.07.2024; одобрена после рецензирования 24.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 15.07.2024; approved after reviewing 24.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

УДК: 316.334.23

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-25-35

Традиции Сибирского купечества как основа ролевых моделей современных молодых предпринимателей

К. В. Амбрушкевич, Н. Г. Хайруллина*

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**nursafa@inbox.ru*

Аннотация. Цель статьи — рассмотреть возможности использования традиций Сибирского купечества в целом и отдельных его персоналий для формирования просоциальных и деловых качеств современной молодежи, ориентированной на предпринимательскую деятельность. В работе актуализируется проблематика развития молодежного предпринимательства в современной России, обозначается недооценка использования аспекта ролевых моделей в соответствующем направлении государственной политики. В теоретической части раскрывается понятие ролевой модели и синонимичного термина «образец для подражания», приводятся основные направления исследований влияния ролевых моделей на реципиентов. Исходя из анализа научной литературы, выделены функции ролевых моделей в предпринимательстве: обучение, мотивация и формирование самооценки личности. Раскрываются особенности взаимоотношений предпринимателей и ролевых моделей, которые проявляются в неодинаковом влиянии последних. Эмпирическая часть работы базируется на контент-анализе биографий. Всего было отобрано 5 персон известных тюменских купцов, в ходе анализа биографий которых были выделены показательные эпизоды их жизни, демонстрирующие позитивные для развития личности предпринимателя и общества черты характера и виды деятельности. Сделаны выводы о потенциале положительного влияния ролевых моделей Сибирских купцов на будущих и действующих молодых предпринимателей.

Ключевые слова: ролевые модели, русское купечество, предпринимательство, бизнес, молодежь, контент-анализ

Для цитирования: Амбрушкевич, К. В. Традиции Сибирского купечества как основа ролевых моделей современных молодых предпринимателей / К. В. Амбрушкевич, Н. Г. Хайруллина. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-3-25-35 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 3. – С. 25–35.

Traditions of Siberian Merchants as a Foundation for Role Models of Modern Young Entrepreneurs

Konstantin V. Ambrushkevich, Nursafa G. Khairullina*

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**nursafa@inbox.ru*

Abstract. The article aims to consider the possibilities of using the traditions of the Siberian merchants as a whole and their personalities to develop pro-social and business qualities among modern youth focused on entrepreneurial activity. The work updates the problems of the development of youth entrepreneurship in modern Russia. The authors point out the role models underestimation in the youth public policy. The theoretical part reveals the concept of a role model and provides the main directions of research into the influence of role models on recipients. Based on analysis of scientific literature, the functions of role models in entrepreneurship were highlighted: training, motivation, and the formation of individual self-esteem. The features of the relationship between entrepreneurs and role models, which are manifested in the unequal influence of the latter, are revealed. The empirical part of the work is based on content analysis of biographies. In total, 5 persons of famous Tyumen merchants were selected. During the analysis of their biographies, indicative episodes of their lives were highlighted. These episodes demonstrate character traits and activities that were positive for the development of the entrepreneur and society. Role models of Siberian merchants is positive for future and current young entrepreneurs.

Keywords: role models, Russian merchants, entrepreneurship, business, youth, content analysis

For citation: Ambrushkevich, K. V., & Khairullina, N. G. Traditions of Siberian Merchants as a Foundation for Role Models of Modern Young Entrepreneurs. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 25-35. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-25-35

Введение

Стимулирование предпринимательской деятельности является одним из приоритетных направлений государственной политики и обусловлено позитивными эффектами от занятия населения бизнесом. Помимо экономического эффекта данный вид деятельности имеет большое социальное значение: формирует активную прослойку населения, способную генерировать новые идеи, реализовывать их, взвешивая риски и принимая ответственные решения. Усилия государства по развитию малого и среднего предпринимательства проявляются в широком спектре разнообразных программ и проектов, среди которых особое место отводится популяризации предпринимательской деятельности в молодежной среде. Формирование предприимчивости у этой возрастной когорты имеет особое значение, так как позволяет предоставить дополнительные возможности на рынке труда.

Проведенный нами анализ таких программ показывает, что в них недостаточно внимания уделяется социально-психологическим аспектам становления молодых предпринимателей. В частности, мы не обнаружили системного подхода к использованию ролевых моделей в популяризации бизнес-деятельности, хотя это направление, на наш взгляд, обладает большим потенциалом. Так, согласно результатам исследования, проведенного в декабре 2022 года аналитическим центром НАФИ совместно с Федеральным агентством по делам молодежи, значительная часть молодежи встала на путь предпринимательства под влиянием ролевых моделей успешных предпринимателей (37 %) и блогеров (23 %) [1]. Отметим, что к числу других значимых личностей и факторов влияния респонденты отнесли родственников (29 %), знакомых и друзей (26 %), работодателя (20 %), а также чтение бизнес-литературы. В другом исследовании НАФИ, прове-

денном в апреле 2023 года, отмечается, что более половины (56 %) молодых предпринимателей в России вдохновились успехами известных бизнесменов [2].

Следует отметить, что в научных работах проблематике ролевых моделей предпринимательства также уделяется недостаточно внимания, хотя более глубокое понимание этого мотивирующего фактора может дать ощутимый эффект в деле привлечения молодежи.

Литературный обзор

Понятие ролевой модели, введенное в 1950-х годах Р. Мертоном, предполагает самоидентификацию индивида с референтными группами, выполняющими социальную роль, к которой он стремится [3]. Данное понятие используется в психологии, педагогике, социологии и широко распространено в рамках ролевых теорий, позволяющих описать личность, ее становление и поведение в социуме. Сами же ролевые теории начали разрабатываться и широко использоваться с 1920–1930-х гг. в работах классиков современной социологии (Дж. Мида, Р. Парка, Г. Зиммеля и Р. Линтона) и стали отправной точкой для создания и развития большей части социологической литературы [4].

В СМИ и деловой прессе часто встречаются утверждения предпринимателей о том, что их бизнес возник под влиянием других известных предпринимателей, которых они считают образцами для подражания. Отметим, что в настоящей работе термин «образец для подражания» будет использоваться наряду с понятием «ролевая модель» как его синоним. Современные трактовки ролевых моделей соответствуют духу времени и позволяют эффективно изучать лидеров общественного мнения, популярных блогеров и других личностей, воспринимаемых общественным мнением как пример для подражания [5]. Дж. Скотт определяет ролевую модель как значимый «другой», образ которого является основой для формирования собственного поведения в рамках избранной социальной роли. Ученый отмечает, что ролевыми моделями могут служить как ныне живущие, так и легендарные, исторические персонажи [6]. В свою очередь, М. Прайс-Митчел подчеркивает мотивационную функцию ролевых моделей, полагая, что молодое поколение выбирает примеры для подражания с целью формирования лучшей версии себя. Она выделяет пять ключевых качеств личности ролевой модели: страстность и способность вдохновлять, четкое представление о собственных ценностях, включенность в социальные связи, бескорыстность и принятие других людей и, наконец, умение преодолевать трудности [7]. Д. Гибсон, резюмируя ключевые функции ролевых моделей, выделяет три взаимосвязанных аспекта: обучение, мотивацию и самооценку [8].

В зарубежной научной литературе выделяется три направления исследований, указывающих на решающую роль образцов для подражания в принятии решения о начале предпринимательской деятельности.

К первому направлению можно отнести исследования предпринимательской преемственности поколений. Доказано, что решение о начале молодыми людьми пред-

принимательской деятельности прямо связано с наличием бизнесменов среди их родителей [9]. В то же время не всегда представляется возможным четко выделить аспект, связанный с подражанием, поскольку в рамках семьи влияние оказывает и множество других факторов. Среди них: особый тип психики, обусловленный генетическими особенностями и спецификой первичной социализации, возможность изучить дело и попробовать себя в роли предпринимателя под присмотром родителей, мощная финансовая и психологическая поддержка.

Второе направление исследований связано с изучением влияния сверстников и социального окружения. Включенность в предпринимательскую повестку, доминирование в повседневном общении с друзьями бизнес-тематики, подписки в социальных сетях на соответствующие паблики и группы неизменно формируют погруженность в информационное поле, стимулирующее начало предпринимательской деятельности. Эмпирически данное положение зафиксировано, например, П. Кёллингером с коллегами, установившими, что «знакомство с другими предпринимателями положительно связано со склонностью создавать собственные стартапы» [10].

Третье направление исследований демонстрирует неоднородность влияния образцов для подражания на решение стать предпринимателем, которая может проявляться как в географическом, так и социальном измерении. Так, исследования разных территориальных общностей показывают, что склонность к предпринимательству распространена неравномерно и возникает точечно, что объясняется наличием и разной степенью доступности ролевых моделей. При этом территории с высоким уровнем предпринимательской культуры способны самовоспроизводить тренды на бизнес-занятость, и поощрять предпринимательские инициативы [11].

Ролевые модели оказывают неодинаковое влияние на потенциальных предпринимателей, и значительную роль здесь играет уровень человеческого капитала личности. Понимаемый как совокупность жизненного опыта, знаний, компетенций человеческий капитал способен замещать функции, выполняемые ролевыми моделями, а после запуска бизнеса имеет решающее значение для эффективности предприятия [12]. Влияние ролевых моделей на личность имеет и временное измерение: вдохновение и мотивация более важны при принятии решения о начале деятельности, фактическое же обучение, наоборот, будет более заметно уже после запуска бизнеса [8]. Согласно теории ролевой идентификации, повышение личной эффективности на основе ролевой модели будет осуществляться более продуктивно в случае некоторой степени сходства между личностью и ролевой моделью. Существует ряд исследований, свидетельствующих о взаимосвязи демографического сходства (например, пола и национальности) и соответствия между людьми и их образцами для подражания [13]. С точки зрения близости в научной литературе выделяют ролевые модели из группы так называемых сильных и слабых связей. По мере погружения в деятельность слабые связи вытесняют сильные и становятся более

важными на поздних этапах бизнеса [14]. Таким образом, обращение к близким или отдаленным ролевым моделям зависит от этапа карьеры, на котором находится реципиент.

Приведенный теоретический обзор показывает, насколько значительным и разноплановым может быть влияние ролевых моделей на потенциальных и состоявшихся предпринимателей. Однако многие аспекты остаются неизученными. Так, мы не встречали основательных работ, раскрывающих влияние ролевых моделей, в качестве которых выступают исторические персонажи. В связи с этим мы посчитали продуктивным рассмотреть гипотетическое влияние отдельных представителей русского купечества XIX–XX вв., внесших значительный вклад в становление российской государственности [15]. Освоение Сибири было тесно связано с деятельностью купцов, поэтому традиции тюменского предпринимательства начали возникать практически с момента появления города.

Материалы и методы

С целью изучения возможности использования исторического опыта отечественного предпринимательства в современных условиях нами было инициировано и проведено исследование методом контент-анализа (N = 5). Источником анализа выступили работы историков о жизни и деятельности наиболее известных тюменских купцов, обобщенные на сайте «История российского предпринимательства». При отборе персоналий, чьи биографии подверглись анализу, мы выделили 5 персон, особо известных среди общественности региона. В ходе анализа были выделены наиболее показательные эпизоды биографии, предпринимательской деятельности и личностные характеристики, которые могли бы способствовать развитию профессиональных и просоциальных качеств нынешних молодых предпринимателей (действующих и потенциальных).

Результаты и обсуждение

Одним из наиболее ярких представителей тюменского купечества стал **Текутьев Андрей Иванович** (1838–1916 гг.). Являясь купцом 1-й гильдии, он одновременно возглавлял г. Тюмень, являлся его почетным гражданином. Родился в семье крестьянина-кожевенника и сформировал крупное состояние благодаря своему трудолюбию. Обладая недюжинной силой, Андрей Иванович сам носил многопудовые мешки с зерном на паровую мельницу, которую он арендовал, а впоследствии выкупил у промышленника Карманова. Обладая феноменальной работоспособностью и упорством в достижении поставленных целей, предприниматель-самородок быстро добился коммерческого успеха. Текутьев был известен как крупнейший мукомольный фабрикант в Западной Сибири, имеющий, кроме того, мыловаренный, салотопенный, свечной и лесопильный заводы, а также большое количество недвижимости и торговых лавок. Андрей Иванович ярко проявил себя и как управленец, существенно увеличив на посту городского головы доходность г. Тюмени. Однако наибольшую известность он получил как щед-

рый меценат, построив на свои средства первый в городе театр, школу ремесленных учеников, больничный комплекс, пожарное депо и множество других зданий для горожан. Ведя довольно скромный образ жизни, свое жалованье городского головы Текутьев направлял на нужды города, а незадолго до смерти все свои накопления отписал монастырям, церквям, училищам, школам и детским приютам.

Другой известный современник Текутьева — предприниматель **Колокольников Иван Петрович** (1830–1895 гг.) — купец 1-й гильдии, общественный деятель, гласный городской думы, меценат. Родился в г. Тюмени в семье купцов и, будучи потомственным предпринимателем, имел значительные торговые связи не только в России, но и за рубежом. Это во многом определило его основной вид деятельности — оптовые поставки и розничную торговлю чаем и сахаром из Китая. Активная общественная деятельность Колокольникова проявилась в участии в городском самоуправлении и создании общественного банка. Как меценат Иван Петрович спонсировал образование, культуру и здравоохранение, занимался благоустройством города, а в качестве благотворителя помогал нуждающимся (погорельцам, переселенцам, бедным, больным, сиротам, инвалидам и престарелым — практически всем социально уязвимым категориям населения). Примечательно, что в наши дни потомок купца Евгений Ледовский-Колокольников — основатель компании «Колокольников Чай» продолжает традиции своего прапрадеда и держит чайную лавку в Кривоколенном переулке в г. Москве, тесно сотрудничает с музеем «Усадьба Колокольниковых» в Тюмени и навещает родовое гнездо. В данном случае имеет место яркий пример предпринимательской преемственности поколений.

Чукмалдин Николай Мартемьянович (1836–1901 гг.) — купец, писатель, общественный деятель, гласный городской думы, просветитель и меценат. Родился в семье старообрядцев, с детства отличался трудолюбием и любознательностью. Начал торговать с 16 лет, в основном шерстью, чаем, кожей, хлебом, а первые предпринимательские успехи были связаны с поисками путей честной торговли. Впервые в г. Тюмени ввел способ продажи товаров с минимальной наценкой, составляющей 20 %. Честность и порядочность были отличительными свойствами купца, а прямотушие и добросовестность зачастую противоречили материальным интересам. Чукмалдин способствовал развитию традиционного тюменского ковроткачества, открыл в городе фабрику-школу с современным оборудованием. Также он основал музей, коллекция которого стала основой создания областного краеведческого музея, а личная библиотека купца впоследствии вошла в фонды открытого в 1930 году педагогического института. Свое жизненное кредо купец обозначил в автобиографии следующими словами: «Выигрывает и богатеет в торговле только тот, кто оказывает услугу обществу».

Один из самых богатых и влиятельных купцов в истории г. Тюмени **Подаруев Прокопий Иванович** (1823–1900 гг.) родился в семье купца и городского головы. Избравшись городским головой, его отец Иван Алексеевич, видя затруднения населения с водоснабжением, инициировал строительство в г. Тюмени первого в Сибири водопро-

вода и оплатил более половины его стоимости из собственных средств. Прокопий Иванович состоял в ряде благотворительных обществ и постоянно жертвовал средства на развитие города. Наиболее ярким напоминанием наследия Подаруева для современных тюменцев является здание Александровского реального училища, которое он построил на собственные средства и передал в дар городу. Другим образовательным учреждением, возведенным на средства купца, стало Алексеевское сельское училище, на поддержание нужд которого меценат открыл банковский вклад «на вечные времена» с ежегодным перечислением процентов училищу. Основным источником его благосостояния являлась торговля водкой, инвестирование в золотодобычу и разработку приисков. Он занимался кредитованием и обменом драгоценных металлов, в качестве любимого занятия Прокопий Иванович держал конный завод, а в 1871 году в кооперации с другими коллегами, любителями лошадей, открыл первый в Сибири ипподром.

Игнатов Иван Иванович (1833–1915 гг.) родился в Тульской области в семье старообрядцев. В 1863 году переехал в Сибирь в поисках новых возможностей и остановился в Тюмени, где в товариществе с сарапульским купцом Курбатовым вложил в механический судостроительный чугунно- и меднолитейный завод, а также в пароходное дело. Купец с уважением относился к инженерам и мастерам, следил за техническими новшествами и старался внедрять их на своих предприятиях. Готовил статьи по судостроению, экономике речного дела и публиковал их в журнале «Нижегородский вестник пароходства и промышленности», издал книгу очерков «3 000 верст по рекам Западной Сибири». Игнатов является основоположником регулярного судоходства в Сибири, за что впоследствии получил прозвище «король сибирских рек». Его инициатива привлекла купцов, заинтересованных в быстрой и предсказуемой транспортировке грузов. Иван Иванович один из первых в Сибири запустил собственную электростанцию, которая использовалась для нужд завода, где круглосуточно осуществлялась сборка судов. На собственные средства электрифицировал жилые дома работников и Ильинскую церковь, расположенную недалеко от речного порта. Игнатов состоял во многих попечительских советах, поддерживая городские и частные проекты по развитию образования, экономики, здравоохранения, промышленности г. Тюмени. В годы неурожая держал низкие цены на муку и соль.

Выводы

Приведенные теоретические подходы и фрагменты биографий тюменских купцов, выделенные в результате контент-анализа, позволили нам сформулировать несколько содержательных выводов.

Во-первых, современная молодежь в большей степени ориентирована на западные ценности и модели ведения бизнеса, где прибыль является основной целью. Социальная ответственность и меценатство, безусловно, сегодня также существуют, но в подавляющем большинстве они воспринимаются компаниями как повинность перед

государством, средство поддержания репутации или способ получить налоговые послабления. В традициях русского купечества материальные стимулы были второстепенны. Заботясь о доходности своего дела, большинство купцов в то же время стремились развивать культуру, науку и искусство, а также выделяли значительную часть своего состояния на благотворительность.

Во-вторых, для современных предпринимателей территориальные границы остаются достаточно условными, чему способствует развитие информационно-коммуникационная среда, сервисы доставки товаров, платежная инфраструктура. Это сильно нивелирует привязку человека к определенному месту: большинство бизнесов сегодня можно вести дистанционно, в связи с чем получают распространение дауншифтинг и удаленная работа. Деятельность же купцов была локализована географически и связана с определенной территорией: практически в каждом регионе России имеются представители купечества, оставившие глубокий след в его истории. Многие из купцов одновременно занимали должность главы города и стремились его развивать. Здания, медицинские, культурные и образовательные учреждения, основанные купцами, сегодня являются историческими памятниками, а инициативы и начинания продолжают действовать вплоть до наших дней.

В-третьих, ролевые модели сибирских купцов близки российскому населению по менталитету в первую очередь благодаря таким чертам, как самоотверженное трудолюбие, сильный характер, широта души и доверие, честность и справедливость, умение в трудные моменты не отчаиваться и начать дело заново. Таким образом купцы демонстрируют целый ряд профессиональных и общечеловеческих качеств, которые актуальны во все времена и способны стать ориентиром для современных предпринимателей в стремлении выстраивать справедливые и гармоничные общественные отношения.

В-четвертых, жизненные траектории рассмотренных биографий нередко демонстрируют преемственность поколений, что может способствовать формированию предпринимательских династий и очагов бизнес-культуры.

В-пятых, несмотря на высокий уровень компетентности современной молодежи в научно-технических трендах, упоминание фактов поиска и внедрения купцами инноваций может служить напоминанием о необходимости постоянно совершенствовать технологическую сторону своего дела. Стремление к поиску новых подходов, исследовательские наклонности не только способствуют развитию дела, но и за счет синергетического эффекта позволяют развиваться другим направлениям, толкая развитие общества в целом.

Выводы, сделанные в настоящей работе, на наш взгляд, могут быть использованы в совершенствовании политики молодежного предпринимательства. Разработка дополнительных управленческих инструментов на этой основе и их реализация через СМИ, систему образования и другие каналы способны существенно повысить предпринимательскую активность в молодежной среде, а научные работы — увеличить эффективность выделяемых на эти цели ресурсов.

Представляется, что ролевые модели сибирского купечества позволяют не только формировать позитивные предпринимательские качества, но и связать профессиональную и региональную идентичности. Это, в свою очередь, способно развивать у молодых предпринимателей ответственное отношение к территории, где они осуществляют свою деятельность, мотивировать к общественному участию, преодолевать психологию «временщиков». Таким образом, ориентация на ролевые модели регионального купечества может носить и элементы гражданско-патриотического воспитания.

Конкретными механизмами демонстрации ролевых моделей сибирских купцов предприимчивой молодежи могут стать образовательные программы, например в виде элективных курсов, просветительских экскурсий по историческим местам, связанным с жизнью купцов, разнообразные квесты, викторины, конкурсы и т. д. Разработка таких программ и мероприятий в разных регионах страны может отличаться с учетом исторических традиций и характерных особенностей местного купечества.

Список источников

1. Чужой пример заразителен : треть молодых предпринимателей открыли свое дело, вдохновившись успешными бизнесменами. – Текст : электронный // НАФИ : сайт. – 2023. – 11 января. – URL: <https://nafi.ru/analytics/chuzhoy-primer-zarazitelen-tret-molodykh-predprinimateley-otkryli-svoe-delo-vdokhnovivshis-uspeshnym/> (дата обращения: 18.06.2024).
2. Предприниматели-инфлюенсеры : кто вдохновляет молодых россиян открывать свой бизнес. – Текст : электронный // НАФИ : сайт. – 2023. – 15 мая. – URL: <https://nafi.ru/analytics/predprinimateli-inflyuensery-kto-vdokhnovlyaet-molodykh-rossiyan-otkryvat-svoy-biznes/> (дата обращения: 18.06.2024).
3. Holton, G. Robert K. Merton — Biographical Memoirs / G. Holton. – Direct text // Proceedings of the American Philosophical Society. – 2004. – Vol. 148, Issue 4. – P. 506–517.
4. Turner, J. H. Handbook of Sociological Theory / J. H. Turner. – DOI 10.1007/0-387-36274-6. – New York : Springer, 2006. – 745 p. – Direct text.
5. Колпинец, Е. В. Женские ролевые модели в российском сегменте Instagram / Е. В. Колпинец, М. В. Кожаринова – Текст : непосредственный // Теория моды : одежда, тело, культура. – 2022. – № 1 (63). – С. 268–286.
6. Scott, J. A Dictionary of Sociology / J. Scott., G. Marshall. – DOI 10.1093/acref/9780199533008.001.0001. – Oxford : Oxford University Press. – 2015. – 745 p. – Direct text.
7. Price-Mitchell, M. Civic learning at the edge : Transformative stories of highly engaged youth / M. Price-Mitchell. – Santa Barbara : Fielding Graduate University, 2010. – 188 p. – Direct text.
8. Gibson, D. Role models in career development : New directions for theory and research / D. Gibson. – DOI 10.1016/S0001-8791(03)00051-4. – Direct text // Journal of Vocational Behavior. – 2004. – Vol. 65 – P. 134–156.

9. Parker, S. *The Economics of Entrepreneurship* / S. Parker. – DOI 10.1017/9781316756706. – Direct text. – Cambridge : Cambridge University Press, 2009. – 570 p.
10. Koellinger, P. «I think I can, I think I can» : Overconfidence and entrepreneurial behavior / P. Koellinger, M. Minniti, C. Schade. – DOI 10.1016/j.joep.2006.11.002. – Direct text // *Journal of Economic Psychology*. – 2007. – Vol. 28, Issue 4. – P. 502–527.
11. Sternberg, R. Regional implications of Entrepreneurship / R. Sternberg. – DOI 10.1561/03000000024. – Direct text // *Foundations and Trends in Entrepreneurship*. – 2010. – Vol. 5, Issue 4. – P. 211–340.
12. Hartog, J. If You Are So Smart, Why Aren't You an Entrepreneur? Returns to Cognitive and Social Ability : Entrepreneurs Versus Employees / J. Hartog, M. Praag, J. Van Der Sluis. – DOI 10.1111/j.1530-9134.2010.00274.x. – Direct text // *Journal of Economics & Management Strategy*. – 2008. – Vol. 19, Issue 4, – P. 947–989.
13. Slack, J. The New Entrepreneur Scholarships : self-employment as a means to tackle social deprivation / J. Slack. – DOI 10.1108/00400910510617060. – Direct text // *Education + Training*. – 2005 – Vol. 47, Issue 6. – P. 447–455.
14. Davidsson, P. The role of social and human capital among nascent / P. Davidsson, B. Honig. – DOI 10.1016/S0883-9026(02)00097-6. – Direct text // *Entrepreneurs. Journal of Business Venturing*. – 2003. – Vol. 18, Issue 3. – P. 301–331.
15. Минжуренко, А. Купцы : борьба за свои права в форме строительства государства – Текст : электронный // РАПСИ : сайт. – 2019. – 23 июля. – URL: https://rapsinews.ru/incident_publication/20190723/301900744.html (дата обращения: 18.06.2024).

References

1. Chuzhoj primer zarazitelen: tret' molodyh predprinimatelej otkryli svoe delo, vdohnovivshis' uspeshnymi biznesmenami. (2023). (In Russian). Available at: <https://nafi.ru/analytics/chuzhoj-primer-zarazitelen-tret-molodykh-predprinimateley-otkryli-svoe-delo-vdohnovivshis-uspeshnym/>
2. Predprinimateli-inflyuensery: kto vdohnovljaet molodyh rossijan otkryvat' svoj biznes. (2023). (In Russian). Available at: <https://nafi.ru/analytics/predprinimateli-inflyuensery-kto-vdohnovljaet-molodykh-rossijan-otkryvat-svoy-biznes/>
3. Holton, G. (2004). Robert K. Merton - Biographical Memoirs. *Proceedings of the American Philosophical Society*, 148(4), pp. 506-517. (In English).
4. Turner, J. H. (2006). *Handbook of Sociological Theory*. New York, Springer, 745 p. (In English). DOI: 10.1007/0-387-36274-6
5. Kolpynec, E. V., & Kozharinova, M. V. (2022). Female role models in the Russian segment of Instagram. *Fashion theory: clothing, body, culture*, 1(63), pp. 268-286. (In Russian).
6. Scott, J., & Marshall, G. (2015). *Dictionary of Sociology*. Oxford, Oxford University Press, 745 p. (In English). DOI: 10.1093/acref/9780199533008.001.0001
7. Price-Mitchell, M. (2010). *Civic learning at the edge: Transformative stories of highly engaged youth*. Santa Barbara, Fielding Graduate University, 188 p. (In English).

8. Gibson, D. (2004). Role Models in Career Development: New Directions for Theory and Research. *Journal of Vocational Behavior*, (65), pp. 134-156. (In English). DOI: 10.1016/S0001-8791(03)00051-4
9. Parker, S. (2009). *The Economics of Entrepreneurship*. Cambridge, Cambridge University Press, 570 p. (In English). DOI: 10.1017/9781316756706
10. Koellinger, P., Minniti, M., & Schade, C. (2007). "I think I can, I think I can": Overconfidence and entrepreneurial behavior. *Journal of Economic Psychology*, 28(4), pp. 502-527. (In English). DOI: 10.1016/j.joep.2006.11.002
11. Sternberg, R. (2010). Regional Dimensions of Entrepreneurship. *Foundations and Trends in Entrepreneurship*, 5(4), pp. 211-340 (In English). DOI: 10.1561/03000000024
12. Hartog, J., Praag, M., & Van der Sluis, J. (2008). If You Are So Smart, Why Aren't You an Entrepreneur? Returns to Cognitive and Social Ability: Entrepreneurs Versus Employees. *Journal of Economics & Management Strategy*, 19(4), pp. 947-989. (In English). DOI: 10.1111/j.1530-9134.2010.00274.x
13. Slack, J. (2005). The New Entrepreneur Scholarships: self-employment as a means to tackle social deprivation. *Education + Training*, 47(6), pp. 447-455. (In English). DOI: 10.1108/00400910510617060
14. Davidsson, P., & Honig, B. (2003). The role of social and human capital among nascent entrepreneurs. *Entrepreneurs. Journal of Business Venturing*, 18(3), pp. 301-331. (In English). DOI: 10.1016/S0883-9026(02)00097-6
15. Minzhurenko, A. (2019). Купцы: бор'ба за свои права в форме строител'ства государства. (In Russian). Available at: https://rapsinews.ru/incident_publication/20190723/301900744.html

Информация об авторах / Information about the authors

Амбрушкевич Константин Владимирович, соискатель кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Хайруллина Нурсафа Гафуровна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, hajrullinang@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>

Konstantin V. Ambrushevich, Applicant for Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Nursafa G. Khairullina, Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, hajrullinang@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7290-3290>

Статья поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 30.07.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 30.07.2024; accepted for publication 12.08.2024.

УДК 316.477-053.81

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-36-62

Профессиональная идентичность и карьера молодежи на современном этапе развития социума

М. Л. Белоножко*, П. Ю. Головин

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**mlb@inbox.ru*

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена профессиональной идентичности современной молодежи. Авторами рассмотрены существующие направления по совершенствованию формирования профессионализма молодых специалистов: установлены тенденции, оказывающие влияние на изменение образовательных стандартов, обозначены действующие государственные программы, направленные на формирование профессионализма молодежи, указана проблематика становления профессиональной идентичности, рассмотрено понятие «карьера» как неотъемлемая часть современного труда. Проведенный анализ литературы помог сформулировать теоретические выводы, разработать практические рекомендации, наметить перспективы изучения. Обосновано, что самоуважение в деле может быть сформировано благодаря реализации в профессии, профессиональная идентичность обеспечивает человеку самовыражение. Карьера является категорией мобильности человека, ее основное содержание — продвижение, профессиональная идентичность является категорией подлинности человека, ее основное содержание — самовыражение.

Ключевые слова: профессия, рынок труда, идентичность, карьера

Для цитирования: Белоножко, М. Л. Профессиональная идентичность и карьера молодежи на современном этапе развития социума / М. Л. Белоножко, П. Ю. Головин. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-3-36-62 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 3. – С. 36–62.

Professional identity and career of youth at the present stage of society development

Marina L. Belonozhko*, Petr Yu. Golovin

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**mlb@inbox.ru*

Abstract. This article analyzes the phenomenon of professional identity among modern youth. The authors examine existing approaches to improving the formation of professionalism in young specialists, identifying trends that influence changes in educational standards. The article also outlines current state programs aimed at fostering the professionalism of youth and highlights the challenges in developing professional identity. The concept of a "career" is an integral part of modern work. The literature analysis helped to formulate theoretical conclu-

sions, develop practical recommendations, and outline future research prospects. It was argued that self-esteem in one's work can be developed through professional implementation and that professional identity provides an individual with a means of self-expression. A career is seen as a category of human mobility, with its focus on advancement while professional identity is viewed as a category of human authenticity, with its focus on self-expression.

Keywords: Profession, labor market, identity, career

For citation: Belonozhko, M. L., & Golovin, P. Yu. (2024). Professional Identity and Career of Youth at the Present Stage of Society Development. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (3), pp. 36-62. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-36-62

Введение

Сегодня наша страна и мировое сообщество переживают важный этап существенных изменений и ключевых исторических событий, необратимо меняющих сложившиеся основы миропорядка.

Продолжающийся украинский конфликт оказывает значительное влияние на социально-экономические, энергетические, внешнеполитические и военно-политические аспекты не только на европейском континенте, но и в глобальном масштабе. Кризис усугубляется синергетическим эффектом, при котором военно-политический конфликт взаимодействует с рядом глобальных дисбалансов, вызванных пандемией COVID-19 в период 2019–2021 годов, а также климатическими изменениями. Это сочетание факторов приводит к увеличению стоимости продовольственных товаров и энергетических ресурсов, а также к их потенциальному дефициту.

В свете значительных трансформаций в международной политической обстановке возникла необходимость в разработке и внедрении инновационных методологий стратегического планирования. Это, в свою очередь, подразумевает необходимость пересмотра существующих ключевых нормативно-правовых актов. Они оказывают существенное влияние на процессы, связанные с формированием и реализацией внешнеполитических и внутригосударственных стратегий, а также на разработку документов, определяющих стратегические направления развития Российской Федерации [1].

Следует отметить, что началом изменений стало Послание Президента России Федеральному Собранию Российской Федерации от 15 января 2020 года. В своем обращении Президент подчеркнул важность решения широкого круга социальных, экономических и технологических задач.

Материалы и методы

Для достижения поставленной цели и задач в качестве основных методов исследования в данной статье используются вторичный анализ публикаций заявленной проблематики

из открытых источников, нормативных документов Правительства Российской Федерации, университетов г. Тюмени, диалектический метод, благодаря которому определены состояние, тенденции и перспективы изучения феноменов профессиональной идентичности и карьеры. В качестве общенаучных методов исследования применялись сравнительный и системный анализы, методология статистического аппарата обработки информации, а из специально-научных — документальный метод.

Результаты и обсуждение

В 2022 году стало очевидным, что существуют определенные уязвимые аспекты, которые препятствуют устранению глобального кризиса. Кроме того, были выявлены ключевые проблемы, требующие реструктуризации в различных секторах экономики и на различных уровнях управления. Не все предстоящие изменения могут быть исключительно объяснены эксцессами предшествующих лет, поскольку их причины уходят в более глубокую историю. Определение масштабов и временной продолжительности предстоящих трансформаций представляется сложной задачей. На данный момент прогнозирование горизонта этих изменений в основном связано с прогнозированием продолжительности кризиса, который, как предполагается, будет длиться до 2025 года [2].

В период с 2022 по 2023 годы внешнеполитическая обстановка сложилась таким образом, что потребовался пересмотр ключевого документа, определяющего вектор внешней политики государства. В этом документе также отмечались изменения в развитии в системе глобальных приоритетов. 31 марта 2023 года состоялся важный поворот — цивилизационный выбор, который был зафиксирован в новой Концепции внешней политики Российской Федерации. В документе отражены ключевые аспекты глобальных приоритетов, которые определяют путь развития страны на международной арене. Принимая во внимание сложившуюся обстановку и вызовы времени, Российская Федерация стремится к укреплению своего положения на мировой арене и защите национальных интересов. «Новая концепция внешней политики закрепила на доктринальном уровне определение России как «самобытного государства-цивилизации» [3].

Отказ от участия в Болонской системе образования представляет собой стратегически верное решение, направленное на разработку и внедрение собственного подхода к формированию системы высшего образования. Данный шаг предполагает адаптацию отечественных образовательных стандартов к специфическим потребностям экономического развития Российской Федерации, что предполагает формирование специалистов, способных эффективно содействовать модернизации национальной экономики.

12 мая 2023 года Президент Российской Федерации подписал Указ о запуске пилотного проекта реализации национальной системы образования, направленного на развитие национальной системы высшего образования и подготовку высококвалифицированных специалистов для удовлетворения долгосрочных потребностей экономических и социальных секторов. Данный проект предполагает структурирование образова-

тельного процесса на два уровня: базовое и специализированное высшее образование, а также один уровень профессионального образования — аспирантуру. На уровне специализированного высшего образования предусмотрены программы, включающие в себя магистратуру, ординатуру и ассистентуру-стажировку.

Университеты — участники пилотного проекта самостоятельно разрабатывают и утверждают образовательные стандарты всех перечисленных уровней образования. В ходе данной деятельности университеты принимают решения о периоде освоения образовательных программ, учитывая при этом специфику учебных направлений, специализаций, квалификаций и сфер экономической или социальной активности, в рамках которых осуществляется подготовка специалистов.

«Участники пилотного проекта, начиная с 2024 года, каждые полгода будут представлять в Правительство Российской Федерации доклад о ходе его реализации, включающий и предложения по его корректировке» [1].

Стоит отметить, что процесс профориентации, согласно актуализированным программам, будет начинаться ранее, чем будущий специалист определится с местом получения профессии. В 2023 году была проведена разработка нормативного документа, определяющего «золотой стандарт» школьного образования — необходимый минимум предметов. Кроме того, был написан новый школьный учебник по истории России, в программу введены занятия по профориентации, пересмотрена программа предмета «Основы безопасности и защиты Родины».

В современном обществе наблюдается значительный интерес к концепции профессиональной идентичности молодежи, начиная с раннего возраста и до момента окончания образовательного учреждения. С детского сада предпринимаются попытки формирования у детей представлений о различных профессиях. Также существует тенденция к непрерывному образованию, при которой рынок труда ожидает от специалиста не только глубоких знаний и навыков в рамках его основной профессии, но и компетенций, связанных со смежными и даже не связанными с его специализацией областями.

Например, трудно сегодня представить молодого специалиста, который неуверенно владеет электронными устройствами, не ориентируется в информационно-коммуникационной сети Интернет.

В процессе профессионального развития молодые специалисты обязаны осуществлять гармоничное сочетание *hard skills* — навыков, представляющих собой профессиональные знания и практические умения, связанные с конкретной профессией, и *soft skills* — навыков социального взаимодействия. Первый тип навыков необходим для эффективной реализации профессиональных задач и включает в себя специфические знания и умения, связанные с выбранной сферой деятельности. Второй тип навыков преимущественно связан с личностными качествами, способствующими успешной коммуникации и взаимодействию с коллегами, партнерами и клиентами, что является ключевым аспектом в современной профессиональной среде.

Процесс профессионального обучения начинающих специалистов происходит через их непосредственное вовлечение в производственный процесс, в то время как развитие социальных компетенций осуществляется на основе профессионального и личного опыта на протяжении всей их карьеры.

В 2019 году началась пандемия COVID-19, которая стала катализатором для обсуждения вопросов сохранения человеческого капитала в долгосрочной перспективе. Особое внимание уделялось влиянию пандемии на молодежь, которая из-за временного прекращения доступа к образовательным учреждениям, получила снижение вероятности перспективного трудоустройства.

Исследования указывают на потенциальное ухудшение качества человеческого капитала в долгосрочной перспективе, если не будут приняты меры для решения проблем, возникших у молодежи вследствие пандемии. Сокращение рабочего времени или временное прекращение трудовой деятельности многих работников, а также ограничения на социальные контакты, вызванные пандемией, привели к уменьшению круга социальных связей и затруднению возможностей для формирования новых рабочих и социальных взаимоотношений.

В современной социологии профессионального выбора существует тенденция к тому, что молодые индивиды склонны к выбору будущей деятельности на основе личных предпочтений и внутреннего влечения. Однако мы считаем, что такой подход может быть обусловлен недостаточной развитостью системы профессиональной ориентации. Как было сказано ранее, необходимо, чтобы молодежь была интегрирована в процесс формирования профессиональной идентичности, что позволит принимать взвешенное решение о выборе профессии на основе сформированных карьерных планов.

В рамках профессионального развития субъекта крайне важно четко определить профессиональные цели. В современной экономической реальности не наблюдается активности в выборе профессии со стороны индивида в отличие от ситуации, когда профессиональный путь определяется самим рынком труда. Опросы среди выпускников высших учебных заведений показывают, что значительная их часть не находит применения полученным вузовским знаниям и навыкам, а лишь незначительное число специалистов осуществляет профессиональную деятельность в соответствии с профильной специальностью.

Процесс профессионального самоопределения и формирования карьерного пути студентов начинается задолго до их официального окончания высшего учебного заведения. На этапе выбора будущей профессии происходит определение ключевых аспектов, которые будут влиять на дальнейший профессиональный рост личности. Определение специализации подвержено воздействию разнообразных социальных, культурных и экономических факторов. Исследования, посвященные анализу тенденций поступления в высшие учебные заведения, показывают, что молодые люди в большей степени принимают решение о выборе профессии под влиянием мнений родителей и друзей, учитывая

престижность выбранного направления и финансовые аспекты получения образования. Одновременно с этим современный рынок труда демонстрирует перенасыщение специалистами в определенных областях, что является следствием двух взаимодействующих факторов. С одной стороны, перенасыщение обусловлено инерционностью системы высшего образования, которая не всегда способна оперативно адаптироваться к изменениям на рынке труда. С другой стороны, перенасыщение связано с высокой динамичностью социально-экономических процессов, которые требуют от образовательных учреждений более гибкого подхода к формированию учебных программ и специализаций [4].

В свете этих обстоятельств актуальной представляется задача о систематической работе по формированию профессиональной идентичности учащихся школ и студентов высших учебных заведений.

Исследование, опубликованное Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) в апреле 2024 года, показывает, что в прошлом выбор профессии основывали на личных предпочтениях или мнении родственников. «На интерес к профессии указали 40 %, на рекомендации родителей — 20 %, на пример родителей и личный опыт — по 19 %. Достаточно часто решение получить ту или иную профессию приходит «через окружение» и пример других: рассказы старших (10 %), учителей (8 %), пример других знакомых (8 %) или известных людей (4 %), фильмы, книги (3 %), обсуждения в интернете (2 %) и советы репетиторов (1 %). Часть опрошенных при выборе будущей профессии ориентировались на место проживания и возможности трудоустройства в нем (16 %). При этом только 2 % россиян выбирали профессию, опираясь на потенциально высокий доход в выбранной отрасли» [5].

«Россияне оказались единодушны в том, что профориентационная работа в школах и дошкольных учреждениях нужна (86 %). В том числе 70 % высказываются за ее начало в шестом классе и позже. Среди опрошенных до 44 лет показатель еще выше — 77–78 %. Вводить такую работу в 1–5 классах или в детском саду считают целесообразным в общей сложности 16 %, этот взгляд ближе россиянам старше 60 лет (28 %). Только 5 % россиян полагают, что профориентационную работу проводить в школах и детских садах не нужно вовсе» [5].

В свете представленных данных мы приходим к выводу о том, что социальные нормативы, характерные для советской эпохи, утратили свою актуальность. К таким нормативам относятся, в частности, установки о приоритете общественных интересов над личными, о безусловном служении Отечеству и народу и прочее. Очевидно, что один из ключевых аспектов трудовой активности — концепция служения потеряла свою значимость, уступив место концепции заработка, которая приобретает значение независимо от методов достижения этой цели. Данный процесс приводит к формированию новых типов трудовых отношений и к развитию рынка труда, отличающегося от прежних условий, что является уникальной для страны ситуацией.

В современной научной дискуссии актуален вопрос о том, насколько осознанность выбора профессии является гарантией успешной карьеры. Конкурентоспособность выпускника определяется не только его академическими достижениями, но и качеством практической подготовки, полученной в период обучения. Важной предпосылкой успешной адаптации к профессиональной деятельности является развитое чувство личностной готовности к выполнению задач, связанных с избранной специальностью.

Исследование современной ситуации на рынке труда показывает, что для выпускников высших учебных заведений недостаточно иметь только высокие академические достижения. Работодатели акцентируют внимание на наличии у кандидатов начального опыта в профессиональной сфере, а также на способности к решению конкретных практических задач и готовности принимать на себя ответственность за принятые в рабочем процессе решения.

Считаем важным акцентировать внимание на том, что чрезмерная теоретическая нагрузка и академическая специфика высшего образования создают противоречие между хорошей теоретической подготовкой и низким практическим опытом у выпускников вузов. Данное противоречие приводит к необходимости корректировки образовательных программ с целью создания процесса передачи практических умений и знаний, которые являются ключевыми для успешной профессиональной самореализации.

Требования рынка к качеству производительного труда определяют современные тенденции развития профессионального образования. Специалист нового типа — это продукт системы самостоятельных интегративных процессов в многоуровневой структуре образования. Современный специалист, действующий в контексте XXI века, характеризуется как многоаспектный профессионал, обладающий способностью к нестандартному мышлению и обширными знаниями в рамках своей профессиональной специализации. Такой специалист проявляет активность в гражданской жизни, обладает высоким уровнем духовных, моральных и профессиональных качеств, что позволяет ему эффективно осуществлять свои функции в рамках избранной области деятельности. Он осведомлен о своей стоимости на рынке труда и обладает способностью адаптировать свою специализацию, если это необходимо, в соответствии с требованиями рынка.

Такой специалист обладает психологической готовностью к конструктивному взаимодействию с коллегами, уважает мнения других участников социальной среды, проявляет толерантность и умеет находить решения для разрешения производственных и бытовых конфликтов. Основным капиталом такого специалиста является развитое чувство социальной ответственности перед обществом, семьей, коллективом и личным самосознанием.

В последние десятилетия наблюдается интенсивный процесс социальных трансформаций, которые оказали значительное влияние на динамику развития системы образования. В рамках этих изменений были реализованы инициативы, которые получили отражение в официальных государственных документах, в том числе Федеральном законе Российской Федерации от 29 декабря 2012 года № 278-ФЗ «Об образовании в Рос-

сийской Федерации», Указах Президента, постановлениях Правительства Российской Федерации.

В данных документах закреплены ключевые направления развития системы профессионального образования. Внесение инновационных элементов в данную сферу имеет решающее значение для обеспечения прогрессивного развития и стабильности системы профессионального образования, а также для ее адаптации к современным социально-экономическим реалиям. Изменения в системе образования также связаны с изменениями культурных ценностей. Сегодня молодые люди одной из основных причин выбора учебного заведения называют возможность зарабатывать. «Согласно информации Всероссийского центра изучения общественного мнения в Российской Федерации почти 50 % молодых людей начинают работать во время обучения» [6].

Необходимо отметить, что те субъекты, которые отрицательно относятся к совмещению работы и учебной деятельности, объясняют свою позицию тем, что остается недостаточно времени на учебу, что приводит к низкому уровню знаний. Также студенты отмечают, что работа отвлекает их от учебы.

Тем не менее результаты показывают, что «работающий студент — новый социальный тип, обладающий высокой трудовой мотивацией, вполне адаптированный к современным условиям развития рыночной экономики, активный субъект трансформации нашего общества» [7]. Отсюда следует вывод, что системе образования необходимы механизмы воспитания профессиональных компетенций у студентов путем организации стажировок и практик.

Отечественный исследователь Н. Н. Богдан указывает на возможность усиления практической ориентации образовательного процесса. «Это достигается как традиционными методами, такими как проведение практических занятий студентов в условиях действующего производства, привлечение к образовательной деятельности специалистов с практическим опытом, выполнение курсовых и дипломных работ на заказ предприятий, организаций и фирм, так и применением инновационных методов. Под последними мы понимаем организацию проектной деятельности и стимулирование развития студенческого предпринимательства, а также сочетание обучения с трудовой деятельностью в соответствующей специальности» [4].

В рамках изучения данного вопроса представим классификацию студентов по четырем основным категориям.

Процессы, побуждающие к успешному развитию карьеры, привлекают внимание специалистов в области социологии, психологии и экономики. Исследователи стремятся выявить причины и условия, которые способствуют карьерному прогрессу, а также установления закономерностей, определяющих динамику и характер карьерного роста.

Исследование научной литературы, связанной с карьерой и карьеризмом, позволило сделать вывод, что понятие «карьера» каждый исследователь трактует в зависимости от собственных научных изысканий.

Согласно энциклопедии социологии, «трудовая карьера — это продвижение индивида по ступеням профессиональной лестницы в течение всей трудовой жизни, его профессиональные перемещения, смена видов работ на пути к достижению успеха на служебном поприще, выражающемся в занятии более престижными видами труда, более высокой оплате труда, большей служебной ответственности и власти» [8].

Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова объясняет понятие «карьера» как «будущность», «поприще», «судьба» [9].

Если мы обратимся к этимологии этого слова, то неслучайно слово «карьера» с итальянского означает жизненный путь, поприще. Это значит, что выбор карьеры, как бы предопределяет всю дальнейшую жизнь человека. Это значит, что попустительское отношение к собственной карьере оставит неизгладимый отпечаток на самой жизни.

В современной науке карьера рассматривается как индивидуальный процесс, характеризующийся целенаправленным развитием профессионального пути индивида, который является ключевым элементом его личностной самореализации. Этот процесс включает в себя последовательное продвижение по служебной лестнице, динамическое развитие профессиональных навыков и компетенций, а также соответствующее изменение уровня вознаграждения, которое коррелирует с особенностями трудовой деятельности индивида.

В рамках анализа концепция карьеры может быть определена как комплексный процесс профессионального развития индивида, охватывающий его динамику движения вверх по профессиональной иерархии и трансформацию профессиональных компетенций от одного уровня к следующему. Кроме того, данный процесс включает в себя и должностное продвижение, которое предполагает достижение определенного статуса и занятие соответствующей должности. Индивид обладает способностью дифференцировать свой карьерный путь, что касается как профессионального развития, так и должностного роста, при этом эти два аспекта карьерного роста могут функционировать автономно и не обязательно совпадать.

Понятие «карьера» не является синонимом непрерывного направленного на продвижение по организационной структуре движения. В научной интерпретации карьера определяется как индивидуально воспринимаемая профессиональная позиция субъекта труда, которая формируется на основе его трудового опыта и личных качеств. Специалист управления персоналом И. Д. Ладанов считает, что «сущностной характеристикой карьеры является не только продвижение индивида по должностным ступеням, но и реализацию им своих возможностей в условиях профессиональной деятельности» [10; 11].

«Карьера — это поступательное продвижение по служебной лестнице, изменение навыков, способностей, квалификационных возможностей и размеров вознаграждения, связанных с деятельностью работника» [12].

В контексте нашего исследования подход к концепции карьеры предполагает ее многоаспектность, включая как профессиональный, так и личностный элементы развития индивида.

«Профессиональный путь индивида представляет собой процесс воплощения его личностной стратегии развития, в рамках которой он направляется на достижение целей, соответствующих его внутреннему «Я» [13].

Часто в исследованиях отечественных и зарубежных авторов, помимо понятия «карьера», мы сталкивались и с понятием «карьеризм». В нашей работе феномен карьеризма пристально рассматриваться не будет, так как не представляет для нас научного интереса.

Термин «карьеризм» может быть определен как «карьерная агрессия», что означает насильственное вторжение в профессиональное пространство, активное захватывание и удержание позиций на карьерной лестнице, что ведет к подавлению естественных карьерных процессов, искажению кадровой политики и деформации структуры социального управления.

В советское время слова «карьера» и «карьеризм» были одинаково ругательными. Они ассоциировались с чисто русскими словами «выскочка», «заснайка», «ловкач» и играли роль обвинительного штампа. «На Руси и в СССР, когда в сознании населения преобладал общинный характер, «выскочка» считался эгоистом, заслуживающим порицания, поскольку, внося в нормативную систему отношений «свой размер», разрушал ее» [14].

Феномен карьерного развития характеризуется высокой многоаспектностью и сложностью, что находит отражение в широком диапазоне его проявлений и в разнообразии методологических подходов к формированию типологических классификаций карьер. Для глубокого анализа данного явления необходимо провести детальный анализ его видового многообразия.

В рамках классической теории карьерного развития, карьера рассматривается как процесс, включающий в себя профессиональную и внутриорганизационную компоненты. «Профессиональная карьера определяется как последовательность этапов, которые индивид преодолевает на пути к профессиональному самоопределению: начальное образование, трудоустройство, профессиональное развитие, совершенствование личных качеств и профессиональных навыков, достижение пенсионного возраста» [15].

Внутриорганизационная карьера охватывает процесс профессионального роста работника в рамках одной и той же организации, включая его движение по иерархической лестнице. Этот тип карьеры характеризуется тремя основными направлениями развития: вертикальным (продвижение по иерархической лестнице вверх), горизонтальным (перемещение на должности, аналогичные по уровню в организации) и центростремительным (переход на должности, требующие специализированных знаний и навыков) [16].

В рамках изучения карьеры индивида в контексте его трудовой деятельности можно выделить две основные категории карьерного развития: структурированную и неструктурированную. «Структурированная карьера описывается как организованная последовательность профессиональных позиций, которые тесно связаны между собой и часто организованы в иерархическую структуру, отражающую рост доходов и социального статуса индивида» [17]. В свою очередь, неструктурированная карьера обычно ассоциируется с лицами, занятыми в квалифицированных видах работ, таких как рабочие профессии.

Известные специалисты в области деловых отношений С. Самыгин и А. Руденко выделяют следующие виды карьер [18].

- Типичная карьера предполагает постепенную и стабильную эволюцию профессионального роста индивида, которая обычно занимает период в пределах 35–40 лет. В течение данного времени специалист может перемещаться через 8–12 различных должностных уровней, отражая рост его профессионализма.

- Скоростная карьера отличается более интенсивным и ускоренным продвижением по вертикали иерархии, что может сократить временные рамки карьерного роста в 2–3 раза по сравнению с типичной карьерой. Средний срок пребывания в каждой должности для представителей данной группы составляет от одного до двух лет, в то время как для представителей стандартной карьерной модели этот период колеблется от трех до четырех лет.

- Десантная карьера отличается высокой мобильностью и готовностью специалистов занимать различные должности без строгой привязки к определенной профессиональной стезе. Такие специалисты часто демонстрируют способность к быстрой адаптации и возможности заменять других сотрудников внезапно и без предварительного планирования.

- Атипичная карьера описывает ситуацию, когда продвижение по карьерной лестнице происходит с непредсказуемыми взлетами и падениями. Такие специалисты могут перескакивать через одну или две ступени вверх или вниз, что приводит к неравномерной карьерной динамике.

- Непрерывно-прогрессивная карьера отличается поступательным развитием в направлении увеличения уровня квалификации и масштабов профессиональной деятельности. Каждый следующий этап в такой карьере предполагает углубление специализированных знаний и навыков, а также расширение сферы ответственности и возможностей для профессионального роста.

- Прогрессивно-прерывистая карьера — нестабильное профессиональное развитие, характеризующееся периодами роста и падения.

- Внутриорганизационная карьера описывает процесс профессионального развития сотрудника в рамках одной корпоративной структуры. Этот процесс охватывает различные этапы профессионального пути работника, начиная с обучающего этапа, продолжаясь через стадии адаптации, профессионального прогресса, в том числе

развитие и формирование специфических компетенций, и заканчивая реализацией возможностей для карьерного роста в пределах установленного пенсионного возраста.

- Специализированная карьерная траектория определяется последовательным прохождением специалистом ряда этапов профессионального роста, которые осуществляются в контексте одной или нескольких организаций, при этом придерживаясь постоянной профессиональной направленности и сферы деятельности.

- Неспециализированная карьерная модель, которая получила широкое распространение в Японии, основана на убеждении, согласно которому руководитель должен обладать универсальными знаниями и навыками, что позволяет ему эффективно функционировать на любом участке предприятия вне зависимости от его основного профиля деятельности. Процесс карьерного роста в такой модели предполагает приобретение работником способности к многоаспектному восприятию структуры организации, что достигается за счет регулярного перемещения на новые должности не более чем на срок в три года.

- Вертикальная карьерная модель описывает процесс продвижения по служебной лестнице, который включает в себя повышение в должности и, как следствие, увеличение уровня оплаты труда.

- Горизонтальная карьерная модель определяется как расширение или усложнение полномочий на прежнем уровне управления, что предполагает соответствующее корректирование вознаграждения.

- Ступенчатая карьерная модель представляет собой синтез горизонтальной и вертикальной карьерных траекторий, когда смена должностей происходит в сочетании с изменением уровня ответственности и соответствующей компенсацией.

- Скрытая карьерная стратегия характеризуется минимизацией видимости профессионального роста для широкой публики и ограниченной доступностью для индивидов, обладающих обширными сетями деловых контактов вне пределов организации.

- Центростремительная карьерная стратегия, в свою очередь, определяется стремлением к руководящим должностям в структуре компании и связана с повышенными вознаграждениями за труд на занимаемой позиции.

- Замедленная карьерная стратегия отличается длительным пребыванием работника на одной и той же должности, обычно превышающем пять или шесть лет, что приводит к застою и стагнации в профессиональном развитии.

В рамках социологической науки была разработана классификация карьерных путей, которая включает в себя различные типы карьерных траекторий [19]. В частности, выделяются прогрессивный и регрессивный типы карьер. Прогрессивный тип характеризуется непрерывным и стабильным улучшением квалификации и профессионального статуса сотрудника, что предполагает повышение его компетенций и возможностей. Регрессивный тип, напротив, описывает ситуацию, когда уровень компетенций и активности работника не соответствует требованиям его занимаемой должности,

что может привести к снижению профессионального статуса, часто вследствие организационных изменений.

Кроме того, различаются линейные и нелинейные карьеры. Линейная карьера представляет собой последовательное и непрерывное профессиональное развитие, при котором каждый следующий этап карьеры является логическим продолжением предыдущего. Нелинейная карьера, в свою очередь, характеризуется наличием скачков или перерывов в профессиональном росте, что может быть связано с различными обстоятельствами, такими как продолжительные перерывы в трудовой деятельности, смена профессиональной ориентации и другие факторы.

Отечественный исследователь Л. А. Зайцева, ссылаясь на Д. Сьюпера, а также ряд других исследователей в своих работах, выделила стабильные и нестабильные карьеры. «Нестабильные карьеры характеризуются нестабильностью рода занятий либо работой не по специальности. Стабильные карьеры рассматриваются как прямое движение от профессионального обучения к единственно постоянному типу карьеры» [20].

Отечественный ученый А. Долгоруков рассматривает карьеру как процесс многовекторного совершенствования человека. «Основными составляющими процесса являются:

- реальная ситуация;
- желаемая ситуация;
- индивид, который проходит путь от первой ко второй, постепенно повышая степень собственного совершенства» [21].

В научной литературе широко распространено мнение о том, что индивидуальные черты личности оказывают значительное влияние на различные аспекты профессиональной деятельности индивида [21; 22]. Исследования показывают, что личностные ценности играют ключевую роль в формировании мотивационных установок и поведенческих реакций индивида [23]. В числе основных факторов, формирующих личностные ценности, выделяются стремление к материальному благополучию, стремление к уважению со стороны окружающих, а также самореализация и саморазвитие [24].

Исследователи разделяют личностные ценности на базовые и инструментальные. Базовые ценности характеризуются наличием автономного значения для индивида, то есть они ценятся им независимо от их функциональной роли в достижении конкретных целей. В то же время инструментальные ценности выступают в качестве средств или методов для достижения определенных целей, и их значимость зависит от их эффективности в данном контексте.

В рамках исследований, посвященных анализу ключевых личностных характеристик, особое внимание уделяется таким детерминантам, как локус контроля, эмоциональная устойчивость и карьерный инсайт.

Понятие «локус контроля» было введено в научный оборот социальным психологом Дж. Роттером в 1954 году. Данная концепция описывает тенденцию индивидов

приписывать свои достижения и провалы к внутренним или внешним причинам. Приписывание результатов деятельности внешним причинам классифицируется как внешний локус контроля или экстернальность. Исследования показывают, что «склонность к внешней атрибуции является фактором, способствующим усилению чувства беспомощности у индивида» [25].

Приписывание внутренним факторам личностных характеристик результатов деятельности носит название внутреннего локуса контроля или интернальности. Данный термин описывает склонность индивида к восприятию собственных усилий, положительных и отрицательных личностных качеств, наличия или отсутствия специализированных знаний, умений и навыков как определяющих факторов в достижении успеха. Исследователи полагают, что люди, демонстрирующие высокий уровень интернальности, более склонны к достижению выдающихся результатов. Однако они также могут испытывать чувство вины за неблагоприятные события, с которыми сталкиваются в жизни [26].

Эмоциональная стабильность является одним из ключевых атрибутов, определяющих способность индивида адаптироваться к различным внешним условиям. Способность поддерживать внутреннее равновесие в условиях стресса способствует выработке эффективных стратегий решения проблем и успешной адаптации к меняющимся обстоятельствам. Этот аспект оказывает положительное влияние на профессиональный рост и развитие. В контрасте с этим эмоциональная нестабильность может привести к формированию негативного карьерного сценария, при котором возможные препятствия к достижению целей воспринимаются как непреодолимые. Устранение эмоциональной нестабильности считается одним из основных условий для профессионального успеха.

Карьерный инсайт представляет собой глубокое понимание индивидом своих профессиональных сильных и слабых сторон, что позволяет оптимизировать стратегию развития карьеры путем усиления позитивных характеристик и коррекции негативных. Определение четко сформулированных целей профессионального роста и разработка стратегий их достижения в течение определенного времени способствуют повышению устойчивости и предсказуемости карьерного пути.

А. Фонарев акцентирует внимание на том, что индивидуальные особенности личности проявляются и развиваются в процессе жизненной активности и профессионального роста. Он указывает на влияние, оказываемое на эти процессы модулями человеческого существования, которые были сформулированы С. Рубинштейном [27]. Данные модули охватывают три основных аспекта: обладание, социальные достижения и служение.

Согласно бизнес-тренеру А. Слободянюку, в современном обществе можно выделить три категории людей, делающих карьеру:

- те, кто строит карьеру по типу «все как-нибудь собой образуется» (около 70 % респондентов);

- те, кто строит карьеру с использованием хитрых маневров (20–25 %);
- те, кто строит карьеру через личностное развитие.

Исходя из анализа данных, можно сделать вывод, что 70 % трудоспособного населения не демонстрируют значительного интереса к карьерному прогрессу и, следовательно, не являются конкурентами для тех, кто стремится к профессиональному росту. А. Слободянюк указывает на то, что данная карьерная аморфность обусловлена различными факторами. Некоторые считают, что карьерный рост ограничен возрастом, у других вопрос карьерного развития не стоит на повестке дня, третьи рассматривают возможность карьерного продвижения в долгосрочной перспективе. Кроме того, существует группа работников, которые удовлетворены текущим положением и не проявляют стремления к карьерному росту [28].

Четко сформулированное желание субъекта труда заниматься собственной карьерой в социологии называется профессиональным планированием. Планирование карьеры положительно сказывается на трудовой мотивации работников, стимулирует профессиональное развитие, способствует повышению производительности труда.

Н. П. Беляцкий и С. Е. Велесько указывают на то, что планирование карьеры сотрудников положительно влияет на личный успех и успех всей организации [29].

Если же говорить о факторах, тормозящих карьерное развитие, то здесь предлагается классификация групп факторов, оказывающих негативное развитие на карьерное продвижение [30]:

- физические факторы обусловлены состоянием организма человека;
- социальные факторы обусловлены дезорганизацией на политическом, государственном, экономическом и других уровнях социального устройства;
- идеальные факторы порождают девиации в сферах культуры, нравственности и идеологии;
- психологические факторы связаны с деструкциями в отношениях субъектов карьеры к себе и своему окружению, нерешительностью, опасениями, проблемами интеллекта.

В рамках социологических исследований выявлено, что карьерный прогресс индивида определяется двумя основными факторами: персональным и социально-управленческим. Первый фактор коррелирует с реализацией индивидом потребности в достижении уровня жизни, обеспечивающего его физическую и психологическую безопасность. Второй фактор связан с усиливающейся важностью человеческого ресурса в рамках управленческих процессов, где под человеческим фактором понимаются индивидуальные карьерные амбиции и способности сотрудников, которые могут быть мобилизованы и структурированы для достижения целей организации [31].

Изучением теоретических основ, относящихся к формированию профессиональной карьеры, занимался также Д. Сьюпер, который является основоположником теории развития [32].

Исследование профессионального развития человека, проведенное Д. Сьюпером, выявило ключевую роль Я-концепции в определении профессионального пути индивида. Профессиональная Я-концепция представляет собой уникальный набор представлений о собственной личности, который формируется в ходе жизненного опыта и влияет на серию карьерных выборов, осуществляемых индивидом. Профессиональные предпочтения и выбор типа карьеры являются способом человека ответить на фундаментальный вопрос о самоидентификации: «Кто я?». Таким образом, в процессе карьерного развития индивид может реализовывать свои профессиональные ориентации на уровне бессознательного.

В рамках своего исследования Д. Сьюпер предложил концептуальную модель профессионального пути, основанную на анализе самоконцепции, которая позволяет объяснить динамику карьерных выборов и их связь с личностными качествами индивида.

В рамках исследования особенностей развития профессиональной идентичности Д. Сьюпер предложил теоретическую модель профессионального развития индивида, которая включает в себя пять этапов:

- этап роста (от рождения до 14 лет) характеризуется формированием первичных представлений о собственной идентичности в процессе игровой активности ребенка, которая служит прообразом для будущего профессионального самовыражения;
- этап исследования (от 15 до 24 лет) подразумевает процесс самоопределения молодежи, включающий в себя идентификацию личных интересов, способностей и ценностей, что является предпосылкой для формирования предпочтений в отношении будущей профессиональной деятельности;
- этап стабилизации профессионального статуса (от 25 до 44 лет) отмечается стремлением индивида утвердиться в выбранной сфере деятельности, что требует усилий по улучшению профессиональных навыков и достижения устойчивого положения в рабочей среде;
- этап сохранения профессионального положения (от 45 до 64 лет) отражает желание индивида сохранять достигнутые уровни профессионального статуса и уважения в рабочей среде, что может включать в себя адаптацию к изменениям в рабочей среде и отраслевых стандартах;
- этап уменьшения активности (после 65 лет) характеризуется снижением физической и профессиональной активности индивида, может привести к прекращению трудовой деятельности.

Эта модель представляет собой гипотетическую структуру, которая может служить основой для дальнейших исследований в области развития профессиональной идентичности и карьерного пути индивида.

В рамках своего исследования, изложенного в труде «Человек для себя», Э. Фромм проанализировал структуру личности, выделив пять основных типов, которые различаются по уровню продуктивности. Согласно концепции Фромма, только

один из этих типов, который он обозначил как продуктивный, обладает способностью к творческому самовыражению и самосовершенствованию в профессиональной деятельности, что способствует одновременному развитию личностных качеств и улучшению условий социальной среды. В качестве противопоставления продуктивному типу Фромм описал четыре непродуктивных типа личности: рецептивный, эксплуататорский, накопительский и рыночный. Каждый из этих типов личности обладает специфическим восприятием успешности в профессиональной сфере. Однако, по мнению исследователя, все они, кроме продуктивного типа, не соответствуют истинной продуктивности и, следовательно, являются детерминированными и не отражают реального состояния дел [33].

В контексте академической дискуссии, связанной с изучением феномена профессионализма, значительный вклад внес американский психолог Э. Берн. Он разработал теорию, утверждающую, что родители бессознательно оказывают важное влияние на формирование жизненного пути своих детей, что в конечном итоге может предопределить их будущее. В своей работе «Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры» Берн подчеркнул значимость даже незначительных фрагментов речи, таких как прозвища, шутки или высказывания, которые родители адресуют своим детям. Он утверждал, что такие элементы могут оказывать значительное влияние на дальнейшую жизнь индивида, способствуя либо достижению высоких успехов, либо приводя к социально неприемлемым положениям [34].

Отечественный исследователь Л. Шнейдер представила концепцию, согласно которой управление карьерным развитием неразрывно связано с формированием профессиональной идентичности. В то же время появившиеся в последнее время теоретические подходы к изучению карьерного пути расширяют его определение, включая в него не только достижения в профессиональной сфере, но и осознанную роль в общей успешности индивидуума в жизни [35]. В своем труде «Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления» Шнейдер акцентирует внимание на том, что карьерная концепция и профессиональная идентичность показываются аналогичными в психологическом аспекте. Тем не менее исследователь отмечает, что необходимо провести более глубокое исследование для обоснования этого соответствия.

Ранее было отмечено, что процесс карьерного развития и формирование профессиональной идентичности базируются на Я-концепции, которая является относительно стабильной структурой, подвергающейся эволюции в течение жизненного пути индивида. Хотя концепции карьеры и профессиональной идентичности разделяют некоторые общие атрибуты, они также демонстрируют ряд существенных различий. Подход к карьерному развитию предполагает высокую степень мобильности, отражающую частое изменение места работы, в то время как профессиональная идентичность характеризуется подлинностью, которая подразумевает глубокое осмысление и понимание профессиональной роли индивида.

Профессиональная идентичность является ключевым аспектом профессиональной компетентности, необходимой для ее признания, а карьерный путь представляет собой стратегию, которую следует реализовывать. В рамках Я-концепции профессиональное будущее индивида отображается в форме универсального образа профессиональной деятельности или же конкретной профессиональной цели. Процесс профессиональной идентичности предполагает активность, основанную на осознанном принятии ответственности, тогда как становление карьеры является целенаправленной деятельностью индивида, которая опирается на эффективное управление рабочими процессами.

Процесс осуществления карьерного пути способствует укреплению самооценки индивида в профессиональной области, что влечет за собой достижение уровня благополучия. В свою очередь, реализация профессиональной идентичности способствует самовыражению личности. Карьерный путь динамичен и характеризуется изменчивостью и направленностью на прогресс, в то время как профессиональная идентичность является базовым аспектом личности, отражающим направленность на самовыражение.

Карьерный путь обладает четкими временными рамками с известными начальным и конечным этапами и неизбежно приходит к завершению. В отличие от этого, профессиональная идентичность обеспечивает профессиональное долголетие индивида, благодаря чему обеспечивается непрерывность и стабильность в профессиональной сфере.

В рамках научного анализа отечественный исследователь Е. Н. Руднева высказывает предположение о взаимосвязи профессиональной идентичности с формой самосознания личности. Согласно ее концепции, формирование профессиональной идентичности является одним из важнейших условий для стабильности и устойчивости самосознания индивида. Е. Н. Руднева утверждает, что процесс профессионального самоопределения сопряжен с поиском деятельности, соответствующей личностным представлениям о себе, и что вхождение в профессиональную сферу предполагает реализацию этого соответствия.

В рамках данной дискуссии понятие «образ Я» используется для описания многоаспектного конструкта, который включает в себя как физические, так и психические атрибуты индивида, а также моральные качества, подверженные изменениям в ответ на социальные и психологические условия. Согласно мнению Е. Н. Рудневой, процесс самоопределения индивида не сводится к простому открытию или познанию, а предполагает активное саморазвитие. Осознание собственных возможностей влечет за собой корректировку самооценки и изменение уровня личных амбиций. При этом способности индивида не только проявляются в его деятельности, но и продолжают изменяться в ходе ее реализации.

Таким образом, профессиональная идентичность является интегральной частью самосознания личности, наряду с самооценкой, и играет важную роль в процессе саморазвития и самосовершенствования индивида.

Исследователь С. Резник с группой ученых также считают, что, вступая в трудовые отношения, необходимо четко поставить перед собой цель, чего именно хочет добиться субъект труда, а значит нужно сделать правильный выбор профессии [36]. К подобному заключению пришел американский ученый С. Р. Кови. Согласно его точке зрения, «чтобы добиться жизненных высот и в том числе чтобы состоялась карьера, необходимо четко определить свои принципы» [37].

В процессе профессионального самоутверждения индивида, который стремится к соответствию своей трудовой деятельности Я-концепции, особое значение приобретает формирование стабильной профессиональной идентичности. Однако в условиях разнообразных объективных факторов, включая экономическую нестабильность, вступают в трудовой процесс с целью удовлетворения базовых материальных потребностей. В то же время для определенной категории лиц профессиональная деятельность представляет собой платформу для реализации творческих потенциалов, усиления личностной самооценки и получения признания в социальной среде. Реализация карьеры связана с переводом Я-концепции на язык профессиональных действий [13]. Отечественные исследователи В. Наумов и М. Гридасов также связывают высокие карьерные достижения с высокой самооценкой [38].

Л. А. Зайцевой выявлено, что «исследование “Я-концепции” в контексте выбора личностью карьеры позволяет раскрыть теснейшие связи между личностным и профессиональным, между тем, что человек есть сам для себя (“Я-концепцией” личности), и тем, как человек организует свою жизнь (выборами личности и выбором карьеры)» [20].

Учеными установлено, что рассогласование личной и профессиональной сфер жизни связано с выбором карьеры, обеспечивающей денежный доход и безопасность [39].

Разбирая понятие «карьера», стоит отметить карьерный рост, а именно этапы, которые проходит субъект деятельности. В этом процессе существует несколько точек зрения.

Первой концепцию разделения жизненного пути на этапы карьерного роста предложила Ш. Бюлер [40]:

- 16–20 лет — подготовительный период;
- от 16–20 до 25–30 лет — начало становления карьеры;
- от 25–30 до 45–50 лет — становление и профессиональный расцвет;
- от 45–50 до 65–70 лет — снижение трудовой активности;
- от 65–70 до смерти — «обряд понижения».

По словам отечественного исследователя В. Р. Веснина существует шесть этапов становления карьеры [41].

Первый этап охватывает возрастной период от 18 до 22 лет, характеризуется как подготовительный и включает в себя процесс получения высшего или среднего профессионального образования. Этот период является фундаментальным для формирова-

ния основ профессиональных компетенций и управленческих навыков будущего специалиста и руководителя.

Следующий адаптационный этап, охватывающий возрастную группу от 23 до 30 лет, связан с интеграцией молодого специалиста в рабочую среду, освоением новой профессии и определением собственного места в коллективе. В середине данного этапа может наступить момент начала карьерного роста в качестве руководителя, причем предыдущая должность специалиста может служить предпосылками для дальнейшего развития в управленческом направлении.

Третий этап, стабилизационный, охватывает возрастную группу от 30 до 40 лет и характеризуется окончательным разделением сотрудников на тех, чьи карьерные перспективы оцениваются как высокие, и тех, чьи карьерные возможности ограничены. Первая группа субъектов демонстрирует высокую мобильность в профессиональном развитии, что предполагает наличие значительных перспектив для карьерного прогресса. В то же время вторая группа субъектов, достигнув определенной ступени в организационной структуре, фиксируется на должностях уровня младших управленцев или специалистов. Однако к данному этапу большинство сотрудников уже обладают высоким уровнем профессионализма.

Этап консолидации, охватывающий период от 40 до 50 лет, характеризуется стабилизацией профессионального статуса и продвижением по служебной лестнице с промежутками в несколько лет. Субъекты труда с доминирующим характером склонны к продолжению карьеры в качестве линейных руководителей, в то время как менее решительные, но более размышляющие индивиды предпочитают работу в штабных должностях.

Отсутствие возможностей для дальнейшего карьерного роста, сопровождаемое психологическими трудностями, связанными с физиологическими изменениями организма, приводит большинство индивидов к так называемому кризису среднего возраста. В этот период люди склонны к оценке достигнутых результатов и осознанию ограниченности возможностей для дальнейшего профессионального роста. В качестве адаптации к новой ситуации они могут переориентироваться на освоение новых сфер деятельности и переход к так называемой горизонтальной карьере.

Этап зрелости, охватывающий возраст от 50 до 60 лет, характеризуется акцентом на передаче знаний и опыта молодому поколению. Последующий завершающий этап, начинающийся после 50–60 лет, связан с подготовкой к уходу на пенсию.

Исследователь подчеркивает, что указанные этапы карьерного развития обладают сугубо индивидуальным значением и зависят от множества факторов. Для одних лиц уход на пенсию может быть желательным с момента получения соответствующего юридического права, в то время как для других, обладающих физическими и духовными ресурсами, такой переход может быть отложен до более позднего возраста.

Выводы

Формирование профессиональной идентичности и развития карьерных путей у молодежи является сложным процессом, характеризующимся рядом постоянных элементов, таких как индивидуальный выбор, амбиции, перспективные взгляды, самоорганизация, система ценностей в социально-профессиональной сфере, профессиональная ориентация и самопознание. Каждый из этих элементов демонстрирует как стабильность, так и склонность к трансформации, что связано с влиянием внешних факторов. Эти элементы карьерной динамики молодежи взаимодействуют между собой, формируя интегрированную систему, которая опирается в первую очередь на комплекс социально-профессиональных ценностей. Профессиональная идентичность отражает способность индивида предвидеть свои будущие действия. Профессиональная ориентация указывает направление личностных профессиональных амбиций, корректирует установленные цели и оказывает влияние на процесс самопознания. Гармоничное согласование всех структурных компонентов карьерного пути способствует развитию устойчивого жизненного мировоззрения индивида.

В современной России молодежь, ориентированная на профессиональное развитие, характеризуется как сообщество, объединенное общими социально-демографическими признаками, психологическими чертами, активным жизненным стилем и совпадающими социально-экономическими, политическими и культурными аспектами. Процесс становления и развития профессиональной идентичности и карьеры среди молодежи проходит через рассмотренные стадии. Тем не менее молодежное сообщество в России обладает не только интегрированными, но и внутренне дифференцированными чертами. Это подтверждается наличием как объективных дифференцирующих характеристик, таких как разброс доходов и уровня жизни, уровень образования и социальное положение родителей, так и субъективных критериев, влияющих на профессиональный рост, которые индивидуально оцениваются каждой из групп молодежи.

Влияние на формирование профессиональной идентичности и карьеры будущих специалистов оказывается многоаспектным и включает в себя воздействие семьи, окружения, рыночных условий труда и педагогов. Каждый из этих факторов играет свою роль, и часто они взаимодействуют, влияя на выбор будущего профессионального пути. Семья может определить первые интересы и вкусы, окружение — открывать новые горизонты и возможности, рыночные условия труда накладывают свои рамки и требования, а педагоги помогают выстраивать взгляды на обучение и профессиональное развитие, предоставляя ключевые знания и навыки.

Список источников

1. Гражданское общество — основа развития России. – Текст : электронный // Общественная палата Российской Федерации. – URL: <https://report2023.oprf.ru/ru/introduction.html> (дата обращения: 20.02.2024).

2. Россия и мир : 2023. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / Руководители проекта: А. А. Дынкин, В. Г. Барановский ; ответственные редакторы: Г. И. Мачавариани, И. Я. Кобринская. – Москва : ИМЭМО РАН, 2022. – 130 с. – Текст : непосредственный.
3. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации : введ. в действие с 31.03.23. – Москва, 2023. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf> (дата обращения: 19.02.2024).
4. Богдан, Н. Н. Карьера молодого специалиста : взгляд вуза / Н. Н. Богдан, Е. Могилевкин. – Текст : непосредственный // Управление персоналом. – 2004. – № 13. – С. 34–35.
5. Профориентация : хорошо, но мало! – Текст : электронный // ВЦИОМ : сайт. – 2024. – 09 апр. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo> (дата обращения: 06.05.2024).
6. Ситникова, О. Работать во время учебы в вузе начинают почти 50 процентов россиян / О. Ситникова. – Текст : электронный // МГУ : сайт. – 2008. – 03 июля. – URL: https://msu.ru/press/federalpress/rabotat_vo_vremya_ucheby_v_vuze_nachinayut_rochti_50_prot_rossiyan.html (дата обращения: 21.02.2024).
7. Горюнов, М. А. Работающий студент как социальный феномен / М. А. Горюнов. – Текст : непосредственный // Педагогика. – 2010. – № 3. – С. 117–118.
8. Социология : Энциклопедия / Составители А. А. Грицанов, В. Л. Абушенко, Г. М. Евелькин, Г. Н. Соколова, О. В. Терещенко. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1312 с.
9. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / Н. Абрамов. – Москва : АСТ, 2008. – Текст : непосредственный.
10. Ладанов, И. Д. Мастерство делового взаимодействия : методическое пособие для менеджера / И. Д. Ладанов. – Москва : ЦМИПКС, 1989. – 186 с. – Текст : непосредственный.
11. Ладанов, И. Д. Психология управления рыночными структурами. Преобразующее лидерство / И. Д. Ладанов. – Москва : Перспектива, 1997. – 288 с. – Текст : непосредственный.
12. Ярушева, С. А. Становление и развитие карьеры как кадровая технология управления персоналом / С. А. Ярушева. – Текст : непосредственный // Общество, экономика, управление. – 2018. – Т. 3, № 1. – С. 78–84.
13. Кирт, Н. Л. Динамика представлений о профессиональной карьере психологов образования в процессе профессионального самоопределения : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Кирт Наталья Леонидовна. – Москва, 2000. – 21 с. – Текст : непосредственный.
14. Магнитов, С. Н. Дело как личная карьера : система принципов-постулатов : учебно-практическое пособие / С. Н. Магнитов. – Москва : Белые альвы, 2002. – 224 с.

15. Комаров, Е. И. Управление карьерой / Е. И. Комаров. – Текст : непосредственный // Управление персоналом. – 1999. – № 1. – С. 40–50.
16. Иванов, В. Ю. Карьера менеджера как объект исследования / В. Ю. Иванов. – Текст : непосредственный // Менеджмент в России и за рубежом. – 1998. – № 3. – С. 16–17.
17. Аберкробми, Н. Социологический словарь / Н. Аберкробми, С. Хилл, Б. С. Тернер ; перевод с английского под редакцией С. А. Ерофеева. – Казань : Казанский университет, 1997. – 406 с. – Текст : непосредственный.
18. Самыгин, С. И. Деловое общение : учебное пособие / С. И. Самыгин, А. М. Руденко. – Москва : КНОРУС, 2012. – 440 с. – Текст : непосредственный.
19. Новиков, С. В. Профессиональная социализация как основа карьеры государственных служащих : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Новиков Сергей Викторович. – Москва, 1999. – 152 с. – Текст : непосредственный.
20. Зайцева, Л. А. Характеристики и факторы выбора карьеры с индивидуально-психологическими особенностями и этапами профессионального становления субъектов : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Зайцева Людмила Александровна. – Ростов-на-Дону, 2006. – 185 с. – Текст : непосредственный.
21. Долгоруков, А. М. Стратегическое искусство : целеполагание в бизнесе, разработка стратегий, воплощение замысла в жизнь / А. М. Долгоруков. – Москва : ИС-Паблишинг, 2004. – 365 с. – Текст : непосредственный.
22. Васильев, В. Г. Карьера как фактор профессионального развития государственных служащих : специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Васильев Игорь Геннадьевич. – Москва, 1999. – 22 с. – Место защиты: Российская академия государственной службы при Президенте РФ. – Текст : непосредственный.
23. Митюнина, С. В. Модели профессиональной карьеры личности : специальность 22.00.08 «Социология управления» : диссертация на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Митюнина Светлана Вячеславовна. – Нижний Новгород, 2006. – 168 с. – Текст : непосредственный.
24. Яхонтова, Е. С. Управление ценностями как элемент управления человеческими ресурсами компании / Е. С. Яхонтова. – Текст : непосредственный // Менеджмент в России и за рубежом. – 2003. – № 4. – С. 73–81.
25. Петрушин, В. И. Психология карьеры / В. И. Петрушин. – Москва : Академический Проект : Альма Матер. – 2004. – 207 с. – Текст : непосредственный.
26. Локус контроля. – Текст : непосредственный // Wikipedia : сайт. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Локус_контроля (дата обращения: 17.02.2024).
27. Фонарев, А. Р. Профессиональный психологический отбор профессионала для работы в сфере сервиса : специальность 19.00.03 «Психология труда, инженерная

психология, эргономика» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Фонарев Александр Ратмирович. – Тверь, 1995. – 22 с. – Место защиты : Тверской государственный университет. – Текст : непосредственный.

28. Слободянюк, А. В. Поиск возможностей карьерного роста, управление развитием персонала / А. В. Слободянюк. – Текст : непосредственный // Управление развитием персонала. – 2009. – № 4. – С. 292–299.

29. Беляцкий, Н. П. Управление персоналом : учебное пособие / Н. П. Беляцкий, С. Е. Велесько, П. Ройш. – Минск : Экоперспектива, 2000. – 320 с. – Текст : непосредственный.

30. Титова, Е. В. Изучение психологических составляющих карьерной успешности в отечественной и зарубежной психологии / Е. В. Титова. – Текст : непосредственный // Психологический ресурс в экономике и предпринимательстве : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Ставрополь : СКСИ, 2002. – С. 197–202.

31. Кобзева, В. В. Карьера : суть, планирование, мотивация / В. В. Кобзева, Ю. А. Колесников. – Текст : непосредственный // Управление персоналом. – 2000. – № 1. – С. 46–52.

32. Super, D. E. The psychology of careers / D. E. Super. – New York : Harper & Brothers, 1957. – 150 p. – Direct text.

33. Фромм, Э. Бегство от свободы : человек для себя / Э. Фромм ; перевод с английского. – Москва : АСТ, 2004. – 573 с. – Перевод изд.: *Escape from Freedom* / Erich Fromm. New York, 1941. – Текст : непосредственный.

34. Берн, Э. Игры, в которые играют люди : Психология человеческих взаимоотношений; Люди, которые играют в игры : Психология человеческой судьбы / Э. Берн ; перевод с английского, под редакцией М. С. Мацковского. – Санкт-Петербург : Университетская книга; Москва : АСТ, 1992. – 397 с. – Перевод изд.: *Games People Play* / Eric Bern, New York, 1964; *What Do You Say After You Say Hello?* / Eric Bern, New York, 1972. – Текст : непосредственный.

35. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность : теория, эксперимент, тренинг : учебное пособие / Л. Б. Шнейдер. – Москва : Издательство Московского психолого-социального института, 2004. – 599 с. – Текст : непосредственный.

36. Персональный менеджмент учебник / С. Д. Резник, Ф. Е. Удалов, С. Н. Соколов, В. В. Бондаренко ; под редакцией С. Д. Резника. – Москва : Инфра-М. – 2002. – 620 с. – Текст : непосредственный.

37. Кови, С. Р. Семь навыков высокоэффективных людей : мощные инструменты развития личности / С. Р. Кови ; перевод с английского М. Ильина, О. Кириченко, под редакцией Е. Харитоновой. – Москва : Альпина Бизнес Букс, 2006. – 374 с. – Перевод изд.: *The 7 habits of highly effective people* / Stephen R. Covey. New York, 2004.

38. Наумов, В. В. Психология карьерного роста : новый взгляд на профориентацию, пути развития карьеры, тренинги карьерного роста / В. В. Наумов, М. А. Гридасов. – Минск : Современная школа, 2009. – 320 с. – Текст : непосредственный.

39. Dorn, F. I. Occupational Wellness : The Integration of Career Identity and Personal Identity / F. I. Dorn. – Direct text // *Journal of Counselling & Development*. – 1992. – Vol. 71. – P. 176–178.
40. Альперович, В. Д. Старость. Социально-философский анализ / В. Д. Альперович. – Ростов-на-Дону : Издательство СКНЦ ВШ, 1998. – 104 с. – Текст : непосредственный.
41. Веснин, В. Р. Этапы карьеры и ее планирование / В. Р. Веснин. – Текст : электронный // *Элитариум : сайт*. – URL: http://www.elitarium.ru/2006/11/30/jetapy_karery_i_ee_planirovanie.html (дата обращения: 16.02.2024).

References

1. Grazhdanskoe obshchestvo - osnova razvitiya Rossii. (In Russian). Available at: <https://report2023.oprf.ru/ru/introduction.html>.
2. Machavariani, G. I., & Kobrinskaya, I. Ya. (Eds) (2022). *Russia and the World: 2023. Annual Forecast: Economy and Foreign Policy*. Moscow, IMEMO Publ., 130 p. (In Russian).
3. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii". (In Russian). Available at: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/udpjZePcMAycLXOGGAgmVHQDIoFCN2Ae.pdf>
4. Bogdan, N. N., & Mogilevkin, E. (2004). Kar'era molodogo spetsialista: vzglyad vuza. *Upravlenie personalom*, (13), pp. 34-35. (In Russian).
5. Proforientatsiya: khorosho, no malo! (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/proforientacija-khorosho-no-malo>
6. Sitnikova, O. (2008). Rabotat' vo vremya ucheby v vuze nachinayut pochti 50 protsentov Rossiyan. (In Russian). Available at: https://msu.ru/press/federalpress/rabotat_vo_vremya_ucheby_v_vuze_nachinayut_pochti_50_prots_rossiyan.html
7. Goryunov, M. A. (2010). Rabotayushchiy student kak sotsial'nyy fenomen. *Pedagogika*, (3), pp. 117-118. (In Russian).
8. Gritsanov, A. A., Abushenko, V. L., Evel'kin, G. M., Sokolova, G. N., & Tereshchenko, O. V. (Eds) (2003). *Sotsiologiya: Entsiklopediya*. Minsk, Knizhnyy Dom Publ., 1312 p. (In Russian).
9. Abramov, N. (2008) *Slovar' russkikh sinonimov i skhodnykh po smyslu vyrazheniy*. Moscow, AST Publ. (In Russian).
10. Ladanov, I. D. (1989). *Masterstvo delovogo vzaimodeystviya*. Moscow, TSMIPKS Publ., 186 p. (In Russian).
11. Ladanov, I. D. (1997). *Psikhologiya upravleniya rynochnymi strukturami. Preobrazuyushchee liderstvo*. Moscow, Perspektiva Publ., 288 p. (In Russian).
12. Yarusheva, S. A. (2018). Formation and development of career as personnel technology of human resource management. *Society, economics, management*, 3(1), pp. 78-84. (In Russian).

13. Kirt, N. L. (2000). Dinamika predstavleniy o professional'noy kar'ere psikhologov obrazovaniya v protsesse professional'nogo samoopredeleniya. Avtoref. diss. ... kand. psikhologich. nauk. Moscow, 21 p. (In Russian).
14. Magnitov, S. N. (2002). Delo kak lichnaya kar'era : sistema printsipov-postulатов. Moscow, Belye al'vy Publ., 224 p. (In Russian).
15. Komarov, E. I. (1999). Upravlenie kar'eroy. Upravlenie personalom, (1), pp. 40-50. (In Russian).
16. Ivanov, V. Yu. (1998). Kar'era menedzhera kak ob'ekt issledovaniya. Menedzhment v Rossii i za rubezhom, (3), pp. 16-17. (In Russian).
17. Aberkrombi, N., Khill, S., & Terner, B. S. (1997). Sotsiologicheskii slovar'. Kazan, Kazanskiy universitet Publ., 406 p. (In Russian).
18. Samygin, S. I., & Rudenko, A. M. (2012). Delovoe obshchenie. Moscow, KNORUS Publ., 440 p. (In Russian).
19. Novikov, S. V. (1999). Professional'naya sotsializatsiya kak osnova kar'ery gosudarstvennykh sluzhashchikh. Diss. ... kand. sotsiolog. nauk. Moscow, 152 p. (In Russian).
20. Zaytseva, L. A. (2006). Kharakteristiki i faktory vybora kar'ery s individual'no-psikhologicheskimi osobennostyami i etapami professional'nogo stanovleniya sub"ektov. Diss. ... kand. psikholog. nauk. Rostov-na-Donu, 185 p. (In Russian).
21. Dolgorukov, A. M. (2004). Strategicheskoe iskusstvo: tselepolaganie v biznese, razrabotka strategiy, voploshchenie zamysla v zhizn'. Moscow, 1S-Publishing Publ., pp. 365. (In Russian).
22. Vasil'ev, V. G. (1999). Kar'era kak faktor professional'nogo razvitiya gosudarstvennykh sluzhashchikh. Avtoref. diss. ... kand. sotsiolog. nauk. Moscow, 22 p. (In Russian).
23. Mityunina, S. V. (2006). Modeli professional'noy kar'ery lichnosti. Diss. ... kand. sotsiolog. nauk. Nizhniy Novgorod, 168 p. (In Russian).
24. Yakhontova, E. S. (2020). Upravlenie tsennostyami kak element upravleniya chelovecheskimi resursami kompanii. Menedzhment v Rossii i za rubezhom, (4), pp. 73-81. (In Russian).
25. Petrushin, V. I. (2004). Psikhologiya kar'ery. Moscow, Al'ma Mater Publ., 207 p. (In Russian).
26. Lokus kontrolya. (In Russian). Available at: http://ru.wikipedia.org/wiki/Lokus_kontrolya
27. Fonarev, A. R. (1995). Professional'nyy psikhologicheskii otbor professionala dlya raboty v sfere servisa. Avtoref. diss. ... kand. psikholog. nauk. Tver', 22 p. (In Russian).
28. Slobodyanyuk, A. V. (2009). Poisk vozmozhnostey kar'ernogo rosta, upravlenie razvitiem personala. Upravlenie razvitiem personala, (4), pp. 292-299. (In Russian).
29. Belyatskiy, N. P., Veles'ko, S. E., & Roysh, P. (2000). Upravlenie personalom. Minsk, Ecomperspektiva Publ., 320 p. (In Russian).
30. Titova, E. V. (2002). Izuchenie psikhologicheskikh sostavlyayushchikh kar'ernoy uspechnosti v otechestvennoy i zarubezhnoy psikhologii. Psikhologicheskii resurs v ekonomike i predprinimatel'stve: materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Stavropol, SKSI Publ., pp. 197-202. (In Russian).

31. Kobzeva, V. V., & Kolesnikov, Yu. A. (2000). Kar'era: sut', planirovanie, motivatsiya. Upravlenie personalom, (1), pp. 46-52. (In Russian).
32. Super, D. E. (1957). The psychology of careers. New York, Harper & Brothers, 150 p. (In English).
33. Fromm, E. (1941). Escape from Freedom. New York, Farrar & Rinehart, 301 p. (In English).
34. Bern, E. (1964, 1972). Games People Play; What Do You Say After You Say Hello? New York. (In English).
35. Shneyder, L. B. (2004). Professional'naya identichnost': teoriya, eksperiment, trening. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta Publ., 599 p. (In Russian).
36. Reznik, S. D., Udalov, F. E., Sokolov, S. N., & Bondarenko, V. V. (2002). Personal'nyy menedzhment. Moscow, Infra-M Publ., 620 p. (In Russian).
37. Covey, S. R. (2004). The 7 habits of highly effective people. New York, Free Press, 384 p. (In English).
38. Naumov, V. V., Gridasov, M. A. (2009). Psikhologiya kar'ernogo rosta: novyy vzglyad na proforientatsiyu, puti razvitiya kar'ery, treningi kar'ernogo rosta. Minsk, Sovremennaya shkola Publ., 320 p. (In Russian).
39. Dorn, F. I. (1992). Occupational Wellness: The Integration of Career Identity and Personal Identity. Journal of Counselling & Development, 71, pp. 176-178. (English).
40. Al'perovich, V. D. (1998). Starost'. Sotsial'no-filosofskiy analiz. Rostov-na-Donu, SKNTS VSH Publ., 104 p. (In Russian).
41. Vesnin, V. R. Etapy kar'ery i ee planirovanie. (In Russian). Available at: http://www.elitarium.ru/2006/11/30/jetapy_karery_i_ee_planirovanie.html

Информация об авторах / Information about the authors

Белоножко Марина Львовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, mlb@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>

Петр Юрьевич Головин, исполнительный директор, ООО «Сытая морда», г. Тюмень

Marina L. Belonozhko, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, mlb@inbox.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5517-3740>

Petr Yu. Golovin, executive director, LLC "Sytaya morda", Tyumen

Статья поступила в редакцию 29.07.2024; одобрена после рецензирования 12.08.2024; принята к публикации 19.08.2024.

The article was submitted 29.07.2024; approved after reviewing 12.08.2024; accepted for publication 19.08.2024.

УДК 316

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-63-76

Дифференциация представлений молодежи о внешней политике России

Л. В. Рожкова*, О. В. Сальникова

Пензенский государственный университет, Пенза, Россия

*mamaeva_lv@mail.ru

Аннотация. В современных условиях кардинальных трансформаций на мировой арене меняется и вектор внешней политики России. Начиная с 2014 года, а в особенности после 2022 года страны Запада во главе с США активно проводят политику сдерживания нашей страны, что влечет и изменение параметров российского внешнеполитического курса. Несмотря на сохраняющиеся региональные приоритеты на постсоветском пространстве, сегодня Россия стремится участвовать в формировании нового мироустройства, что отражается в определении новых целей и задач в базовых документах, регулирующих сферу внешней политики Российской Федерации. Особый интерес представляет изучение отношения наиболее передовых социальных групп России, в частности молодежи, к проводимому внешнеполитическому курсу России. Это способствует выявлению готовности к поддержке со стороны наших сограждан различных направлений российской внешней политики. Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена и тем, что сфера внешнеполитических ориентаций разных групп молодежи изучена не достаточно; в том числе отсутствуют комплексные исследования отношения особой группы молодежи (студенческой) к современной внешнеполитической деятельности России. Цель работы — анализ представлений современной молодежи о внешнеполитическом курсе России с позиции их общей оценки и дифференциации мнений с учетом социально-демографических характеристик и социальных ресурсов молодых людей. В статье использовались материалы авторских социологических исследований внешнеполитических ориентаций молодежи, проведенных в 2023–2024 гг. в Пензенской, Тюменской и Саратовской областях, а также результаты других социологических исследований по сходной тематике. На основе проведенного анализа рассмотрены представления современной молодежи о реализуемой внешней политике России, выявлен достаточно высокий уровень интереса молодежи к мировым политическим событиям, общая положительная оценка проводимой сегодня РФ внешней политики; установлена взаимосвязь внешнеполитических ориентаций современной молодежи с гендерными, возрастными характеристиками, типом поселения и уровнем материального положения. Полученные данные могут быть использованы в рамках молодежной политики с целью разработки механизмов, способствующих формированию позитивного образа страны в глазах молодежи, пониманию и принятию проводимого внешнеполитического курса РФ.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, внешнеполитический курс, внешнеполитические ориентации, представления, молодежь

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках государственного задания в сфере общественно-политических наук в 2024 г. по проекту «Конфигурация внешнеполитических ориентаций современной молодежи: устойчивость vs лабильность в условиях геополитических вызовов и международной напряженности» (FSGE-2024-0005) 1024021300038-2-5.4.1;5.6.1

Для цитирования: Рожкова, Л. В. Дифференциация представлений молодежи о внешней политике России / Л. В. Рожкова, О. В. Сальникова. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-3-63-76 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 3. – С. 63–76.

Differentiation of youth views about Russian foreign policy

Lilia V. Rozhkova*, Olga V. Salnikova

Penza State University, Penza, Russia

*mamaeva_lv@mail.ru

Abstract. In the current global landscape of significant changes, Russian foreign policy is also undergoing notable transformations. Since 2014, and especially after 2022, Western countries, led by the United States, have been actively pursuing a policy of containing Russia, which entails a change in the parameters of Russian foreign policy.

Despite continuing regional priorities in the post-Soviet space, Russia now seeks to participate in shaping the new world order. This is reflected in redefinition of goals and objectives in the basic documents that guide the foreign policy of the Russian Federation. A significant area of interest is the study of Russians' attitudes, particularly those of progressive social groups such as young people, toward the ongoing course of Russian foreign policy. It helps to identify the readiness of citizens to support various directions of Russian foreign policy. The importance of the issue being discussed is also attributed to the fact that there has not been enough research into the foreign policy orientations of various young groups. In particular, there is a lack of comprehensive studies of the attitudes of young people, especially students, toward Russia's current foreign policy. The aim of this article is to analyze of the views of modern youth about the Russia's foreign policy course from the perspective of their general assessment and differentiation of opinions, taking into account the socio-demographic characteristics and social resources of young people. This article uses data from sociological research among youth in the regions of Penza, Tyumen, and Saratov in 2023-2024, as well as the findings of other sociological studies on similar topics. From this analysis, the author concludes that there is a high level of youth interest in global political events and a generally positive view of Russia's current foreign policy. Additionally, significant factors influencing the foreign policy orientations of modern youth include gender, age, type of settlement, and material well-being.

The findings can be used in the development of youth policies to create mechanisms that promote a positive perception of Russia's foreign policy among young people, which is crucial for supporting the country's current foreign policy direction.

Keywords: Russia, foreign policy, foreign policy course, foreign policy orientations, views, youth

Acknowledgments: the research was financially supported by the Ministry of Education and Science of Russia within the framework of state assignment in field of socio-political sciences in 2024, the project "Configuration of foreign policy orientations of modern youth: stability vs lability in context of geopolitical challenges and international tension" (FSGE-2024-0005) 1024021300038-2-5.4.1;5.6.1

For citation: Rozhkova, L. V., & Salnikova, O. V. (2024). Differentiation of youth views about Russian foreign policy. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 63-76. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-63-76

Введение

С периода распада СССР Россия стремится выстраивать справедливый миропорядок и продвигать идеи многополярности в международных отношениях. Российский внешнеполитический курс в последние годы демонстрирует преемственность в части продолжения сохранения стратегической установки о самостоятельном положении равенства с другими мировыми державами [1]. Несмотря на утрату былого сильного внешнеполитического статуса, Россия способна глобально мыслить и действовать [2].

По мнению Д. В. Тренина, «российская внешняя политика изменялась под влиянием обстоятельств и, как следствие, все большего осознания возможностей и ограничений для нее самой» [3]. В качестве основных факторов, которые оказали влияние на трансформацию российской внешней политики, исследователи выделяют следующие: общемировая политическая нестабильность, недружественные действия в отношении

Российской Федерации со стороны США и стран НАТО, политические и экономические санкции в отношении России в связи с событиями 2014 и 2022 гг., глобализация с опорой на принцип неокOLONиализма США и стран Запада [4].

В соответствии с новой Концепцией внешней политики Российской Федерации 2023 г. Россия проводит многовекторную и независимую внешнюю политику на основе учета своих национальных интересов и с «осознанием особой ответственности за поддержание мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях» [5]. Основными стратегическими целями России в рамках реализуемой внешнеполитической деятельности являются создание благоприятных внешних условий для обеспечения безопасности, целостности, суверенитета РФ, а также упрочение ее позиций в качестве влиятельного, самостоятельного, ответственного актора современного миропорядка [5].

Для реализации этих целей у России имеются все необходимые внешнеполитические ресурсы (членство в Совете Безопасности ООН, БРИКС и многих других международных организациях; ядерные и вооруженные силы; природные богатства; интеллектуальный потенциал; опытный дипломатический корпус и потенциал «мягкой силы»), а также мощный потенциал российской нации — «резерв внешней политики, способный к ее мобилизации в самые кризисные периоды» [1].

Особенно важно изучение внешнеполитических ориентаций особой группы — молодежи, которая представляет «будущее в настоящем». По справедливому замечанию К. Мангейма, молодежь — «...оживляющий посредник, резерв... для приспособления к быстро меняющимся или качественно новым обстоятельствам» [6]. Изучение ориентаций, мнений, оценок, представлений современной молодежи является важным направлением исследований не только с целью выявления доминирующих тенденций в области динамики их ценностных ориентаций, но и прогнозирования возможных изменений [7]. «Молодежь... пока еще не пришла в политику, но политика уже пришла в жизнь молодых людей...» [8]. Именно сегодняшние молодые люди будут завтра определять векторы и приоритеты внутренней и внешней политики России.

Материалы и методы

Для анализа отношения молодежи к российской внешней политике использовались анкетные опросы студентов Пензенского государственного университета (ПГУ) «Внешнеполитические ориентации и внешняя политика России глазами студенческой молодежи» (2023 г., г. Пенза, n = 393, выборка квотная — пол, курс обучения) [2; 9], «Внешнеполитические угрозы и отношение к внешней политике России» (январь 2024 г., г. Пенза, n = 351; выборка квотная — пол, курс обучения); материалы фокус-групповых дискуссий со студентами (2023, 2024 гг.; г. Пенза); опрос молодежи «Конфигурация внешнеполитических ориентаций современной молодежи» (июнь 2024 г., Пензенская, Саратовская, Тюменская области, n = 1400, выборка квотная — пол, возраст, молодые люди от 14 до 35 лет); данные других социологических исследований «Украинский

кризис глазами студенческой молодежи» (2015 г., г. Ростов-на-Дону, n = 718) [10]; «Внешняя политика глазами российских студентов» (2017 г., 72 региона, n = 3 062, «Кампус», Научно-исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)) [11]; «Россия и мир — сегодня и завтра» (2019 г., Южный федеральный округ (ЮФО) и Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО), n = 551) [10; 12]; «Влияние внешней политики России на ценностные ориентации студенческой молодежи Поволжья» (2019 г., вузы Приволжского федерального округа (ПФО), n = 600) [13] и др.

Результаты и обсуждение

Молодое поколение отличает ряд особенностей: возрастные характеристики, нестабильное положение в обществе, недостаток опыта, «пластилиновое» сознание (Ю. А. Зубок) [14]. Это накладывает отпечаток на мировоззрение, ценности, отношение к действительности молодежи. На вопрос о том, интересуются ли молодые люди политикой, следят ли за международными событиями, Ю. А. Зубок отвечает: «Основная часть молодежи — нет. Но это не значит, что они не в курсе происходящего. Долгое время среди молодых людей формировался устойчивый нигилизм по отношению к политике и своему участию в ней... Но чем больше молодежь размышляет на эту тему, тем лучше осознает свои возможности и начинает участвовать в этом» [14].

По результатам исследования «Кампус» в 2017 г. 41 % студентов внимательно следят за новостями внешней политики, 52 % в курсе важных внешнеполитических тем, но специально политическими событиями не интересуются, 7 % политикой не интересуются вообще [11].

Данные исследования 2019 г. среди студентов ПФО показали, что более 76 % опрошенных проявляют интерес к внешнеполитической ситуации, еще 8 % иногда проявляют такой интерес и 16 % внешняя политика не интересует. При этом чаще имеют такой интерес студенты, обучающиеся на специальностях социально-гуманитарного профиля [13], что вполне объяснимо с точки зрения структуры образовательной программы и личностной направленности и мотивации на изучение гуманитарных дисциплин. По данным опроса также было установлено, что 55 % респондентов регулярно и еще 28 % иногда смотрят новости о внешней политике, социальные сети являются основным источником информации для 87 % молодых людей [13]. Однако, как выяснилось из материалов фокус-групп, молодые люди сегодня изучают и анализируют разные источники информации, как российские, так и зарубежные. Они находят аргументы «за» и «против», сравнивают и на основе этого делают свои выводы о современной международной ситуации.

Результаты авторских исследований показали, что чаще студенты следят за мировыми политическими событиями (46,6 % в 2023 г. и 43,6 % в январе 2024 г.). Они считают, что сегодня крайне важно понимать происходящие мировые процессы (чаще этого мнения придерживались студенты социально-гуманитарных направлений). Подобные данные были получены и по более позднему исследованию, проведенному

в июне 2024 года. Так, 59,1 % молодых людей, проживающих в Пензенской, Саратовской и Тюменской областях, следят за политической ситуацией в России и в мире. Девушки (табл. 1) и респонденты, имеющее среднее материальное положение, чаще следят за мировыми политическими событиями. Этот интерес снижается по мере увеличения курса обучения: 29,4 % — на 1 курсе, 27,5 % — на 2 курсе, 21,6 % — на 3 курсе, 17,6 % — на 4 курсе и 3,9 % — на 5 курсе. Также, чем больше населенный пункт, где студент вырос, тем чаще он имеет интерес к внешнеполитической информации: 45,1 % из крупных городов, 29,4 % из малых городов и 25,5 % из сельской местности активно проявляют интерес.

Таблица 1

Интерес к внешней политике и пол респондентов, в %

Интерес к внешней политике РФ	Студенты, г. Пенза, январь 2024 г., n = 351	Пол	
		Юноши, n = 93	Девушки, n = 258
Скорее следят за внешней политикой РФ	43,6	35,3	64,7
Скорее не следят за внешней политикой РФ	29,9	14,3	85,7
Затруднились ответить	26,5	25,8	74,2

В числе событий 2014–2015 гг. студентов чаще интересовали (в порядке убывания): украинский кризис (75 %), санкции (64 %), война в Сирии (62 %), обострение отношений с США и странами Европы (47 %) [13]; в 2017 г. — вопросы экономического сотрудничества и соперничества (53 %), борьба с терроризмом (49 %), отношения РФ и США (49 %), участие России в урегулировании конфликтов в Сирии и на Украине (45 %) [11]. По данным фокус-групп 2024 г., основное внимание студентов сегодня обращено к событиям специальной военной операции (СВО). Опрос, проведенный в июне 2024 г., показал, что 49,4 % молодых людей сильно встревожены продолжением конфликта с Украиной, 37,9 % — испытывают некоторое беспокойство, 12,7 % — эти события не тревожат. Студентов также чаще волнуют и возможности возрождения холодной войны. При этом правильным решением о начале СВО на Украине считают 32,5 % студентов, 59 % затруднились ответить. По данным исследования 2024 г., 27,4 % респондентов относятся положительно к началу СВО (28,6 % — в г. Пензе, 29,7 % — в г. Саратове и 28,7 % — в г. Тюмени).

Интересна общая оценка молодежью внешней политики России. По данным исследования 2015 г. (г. Ростов-на-Дону), половина опрошенных студентов (50 %) считают, что внешней политике уделяется слишком большое внимание в ущерб внутренней (их мнение разделили 48,8 % студентов вузов ЮФО и СКФО в 2019 г.). Только 10,2 % в 2015 г. и 12 % в 2019 г. были согласны с утверждением о том, что несмотря на значительный интерес руководства страны к внешней политике, ее успехи обеспечивают прогресс внутреннего развития страны [10; 12].

По данным авторского исследования 2024 г., 52,1 % студентов считают, что сегодня руководство нашей страны уделяет внешней политике столько внимания, сколько нужно, 2,5 % полагают, что нужно уделять еще больше внимания. Было выявлено, что подобные оценки чаще дают студенты, которые имеют среднее материальное положение семьи, девушки (табл. 2), преимущественно те, кто проживают в больших городах, а также студенты младших курсов. Только 12,5 % опрошенных указали, что внешней политике РФ сегодня уделяется повышенное внимание.

Таблица 2

Оценка внимания к внешней политике со стороны руководства страны и пол респондентов, в %

Оценка внимания к внешней политике	Студенты, Пенза, январь 2024 г., n = 351	Пол	
		Юноши, n = 93	Девушки, n = 258
Слишком много	12,5	33,3	66,7
Слишком мало	2,6	100	0
Столько, сколько нужно	52,1	21,3	78,7
Затруднились ответить	32,8	26,3	73,7

В целом большая часть студентов в январе 2024 г. затруднились оценить результаты внешней политики за 2023 г., а 39,3 % отметили, что за последний год было больше успехов; в 2023 г. доля таких респондентов составила 32,3 %. О неудачах в 2024 г. высказались только 8,5 % респондентов (16,2 % — в 2023 г.). Подобные данные были получены и по опросу в июне 2024 г. Так, 45,5 % опрошенных затруднились ответить, а 34,3 % молодых людей сказали, что во внешней политике России было больше успехов, чем неудач.

По данным исследований видно, что присутствует взаимосвязь оценок успехов и неудач российской политики с оценкой ситуации в стране (табл. 3, 4).

Таблица 3

Оценка успехов и неудач внешней политики России за 2023 год и оценка политической ситуации в стране, в %

Оценка внешней политики РФ за 2023 год	Оценка социально-политической ситуации в стране				
	Благополучная	Скорее благополучная	Скорее кризисная	Кризисная	Затрудняюсь ответить
Больше успехов	19,6	45,7	13,0	2,2	19,6
Больше неудач	0,0	10,0	50,0	40,0	0,0
Затруднились ответить	4,9	21,3	26,2	0,0	47,5

Таблица 4

**Оценка успехов и неудач внешней политики России за 2023 год
и оценка экономической ситуации в стране, в %**

Оценка внешней политики РФ за 2023 год	Оценка социально-экономической ситуации в стране				
	Благополучная	Скорее Благополучная	Скорее кризисная	Кризисная	Затрудняюсь ответить
Больше успехов	17,4	47,8	21,7	0,0	13,0
Больше неудач	10,0	20,0	60,0	10,0	0,0
Затруднились ответить	3,3	24,6	27,9	0,0	44,3

Рассматривая структуру успехов во внешнеполитической сфере по данным 2023 г., можно выделить наиболее часто упоминаемые: улучшение внешних связей, налаживание отношений с Востоком, включение в состав РФ новых территорий.

По данным исследований 2023 и 2024 гг. видно, что почти не изменилась иерархия основных российских национальных интересов в сфере внешней политики. Это защита суверенитета страны, прав и свобод россиян, а также укрепление международного мира. Также, по мнению студентов, не изменились и основные приоритеты внешней политики РФ — безопасное, мирное существование РФ и восстановление ее авторитета в мире [9].

По мнению 47,8 % опрошенных в январе 2024 г., 46,1 % в июне 2024 г., 54,6 % в 2023 г., сегодня Россия отстаивает свои национальные интересы, не взирая на недовольство других стран. Чаще так считают девушки (табл. 5), студенты младших курсов, студенты, проживающие в крупных городах и студенты, имеющие среднее материальное положение. Также было выявлено, что студенты, которые выступают за независимую политику России по отстаиванию своих интересов, чаще характеризуют свою страну как сильную (37,3 %) и независимую (25 %).

Таблица 5

Оценка способности РФ отстаивать национальные интересы, в %

Способность РФ отстаивать свои национальные интересы	Молодежь, г. Пенза, г. Саратов, г. Тюмень, июнь 2024 г., n = 1 400	Студенты, г. Пенза, январь 2024 г., n = 351	Пол	
			Юноши, n = 93	Девушки, n = 258
РФ отстаивает свои национальные интересы вне зависимости от мнения других стран	46,1	47,8	23,2	76,8
РФ предпринимает попытки отстаивать национальные интересы, но не всегда получается	19,4	13,7	37,5	62,5
РФ не удастся отстаивать свои интересы	5,7	3,5	0,0	100
Затруднились ответить	28,7	35,0	29,3	70,7

По результатам исследования в июне 2024 г., 45,7 % молодых людей считают, что сегодня Россия проводит политику, которая является независимой (45,1 % — в г. Пензе, 47 % — в г. Саратове и 46 % — в г. Тюмени).

По мнению 42,7 % представителей студенческой молодежи, Россия должна вести свой независимый внешнеполитический курс, но не навязывать свои позиции другим странам. В числе таких респондентов чаще девушки (табл. 6), студенты, обучающиеся на младших курсах, имеющие средний достаток, из крупных городов. 11,1 % опрошенных согласны с утверждение о том, что «России следует вести себя как великой державе, диктовать свою волю другим странам».

Таблица 6

Оценка самостоятельности внешней политики РФ и пол респондентов, в %

Оценка самостоятельности внешней политики РФ	Студенты, Пенза, январь 2024 г., n = 351	Пол	
		Юноши, n = 93	Девушки, n = 258
РФ следует вести независимую внешнюю политику без навязывания своих условий другим странам	42,7	20,0	80,0
РФ необходимо вести себя как великой державе и диктовать свои условия другим странам	11,1	38,5	61,5
Внешняя политика РФ может не быть самостоятельной в случае не противоречия интересам граждан	2,6	33,3	66,7
Внешняя политика РФ всегда должна подчиняться общемировым интересам все зависимости от своих национальных интересов	1,7	100,0	0,0
Затруднились ответить	41,9	26,5	73,5

В соответствии с материалами авторских исследований 2023 г., 38,4 % респондентов согласны с ролью России как мирового лидера по поддержанию глобального миропорядка, 54,7 % затруднились ответить, а 9,4 % с этим не согласны. Интересно, что в июне 2024 г. 64,6 % молодых людей выразили согласие с утверждением о том, что «Россия должна быть мировым лидером по поддержанию глобального миропорядка, мира и безопасности», никто из респондентов не выразил противоположного мнения, а 37,4 % затруднились дать ответ. В этой связи необходимо подчеркнуть, что молодые люди, которые были согласны с ролью России как мирового лидера, чаще характеризовали Россию как сильную и справедливую.

По результатам исследования «Кампус» в 2017 г., 64 % студентов были уверены, что за 2015–2017 гг. влияние России возросло [11]. Подобные оценки высказываются и в настоящее время. Так, по данным опроса 2024 г., 35,9 % считают, что влияние России

в мире в последние годы (2022–2024 гг.) растет; о снижении сказали 9,4 % и еще 10,3 % респондентов отметили, что оно остается неизменным.

По данным анализа, студенты, которые выделяют ведущую роль России как мирового лидера, также считают, что ее влияние в последние годы растет (табл. 7).

Таблица 7

Согласие с ролью РФ как мирового лидера по поддержанию глобального миропорядка и оценка влияния России в мире за 2022–2024 гг., в %

Роль России — исторически сложившаяся уникальная миссия по поддержанию глобального мира	Влияние России в мире (2022–2024 гг.)			
	Растет	Снижается	Остается неизменным	Затруднились ответить
Согласен	62,2	6,7	17,8	13,3
Не согласен	12,5	50,0	12,5	25,0
Затруднились ответить	20,3	6,3	4,7	68,7

Интересны ответы студентов, касающиеся оценки политики РФ в отношении ряда стран. Так, в 2019 г. студенты выражали поддержку проводимой внешней политики России в отношении США и стран НАТО (39,5 и 18,6 % соответственно). Большая часть опрошенных студентов полностью (37,6 %) или частично (18,3 %) поддерживали политику РФ в отношении Украины [13]. Как отмечают исследователи, подобные оценки связаны с проводимым уже в тот период санкционным режимом против России [13].

В ходе авторского опроса 2023 г. студенты перечислили дружественные страны РФ, в число которых вошли Китайская Народная Республика и Республика Беларусь, реже назывались Сербия и Индия. Интересно, что еще в 2017 г. 51 % студентов считали Китай главным стратегическим и экономическим партнером России [11]. В числе недружественных стран были названы США, страны Европейского Союза, НАТО, Украина. Говоря о предпочтениях студентов в 2024 г. в отношении стран, с которыми следует сегодня выстраивать отношения, необходимо, в первую очередь, выделить страны Азии (34,3 %).

Что касается характера внешней политики РФ в отношении западных стран, то студенты считают, что внешнеполитические действия В. Путина носят в целом сбалансированный характер (40,4 % молодых людей отметили это в июне 2024 г., 38,5 % студентов — в январе 2024 г. и 50,4 % представителей студенческой молодежи — в 2023 г.). Этому мнению чаще придерживаются девушки, студенты младших курсов, студенты из больших городов и имеющие среднее материальное положение (табл. 8).

Оценка деятельности Президента РФ в отношении стран Запада, в %

Оценка деятельности Президента РФ в отношении стран Запада	Молодежь, г. Пенза, г. Саратов, г. Тюмень, июнь 2024 г., n = 1400	Студенты, г. Пенза, январь, 2024 г., n = 351	Пол	
			Юноши, n = 93	Девушки, n = 258
Демонстрирует излишнюю жесткость	7,6	3,4	50,0	50,0
Демонстрирует излишнюю мягкость	13,3	11,1	30,8	69,2
Внешнесполитические действия сбалансированы	40,4	38,5	20,0	80,0
Затруднились ответить	38,6	47	29,1	70,9

В соответствии с Концепцией внешней политики РФ 2023 г., страны СНГ были и остаются для России главным региональным приоритетом. По материалам опроса в июне 2024 г., 36,5 % молодых людей считают, что Россия является гарантом мира и стабильности на территории бывшего СССР.

По данным исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения в 2023 г., 52 % россиян полагали, что Россия выступает в качестве гаранта мира и безопасности на территории постсоветского пространства; больше четверти респондентов (26 %) были уверены в том, что Россия не вмешивается в политику этих стран и 11 % опрошенных были согласны с имперской политикой РФ в этом регионе [15]. По данным исследования 2023 г. (по мере упоминания) — 40,2; 10,2 и 3,9 % соответственно. Исследование 2019 г. показало, что 47 % респондентов полностью и 21,3 % частично поддерживали проводимую Россией политику в отношении стран СНГ [13]. По мнению трети студентов (33,3 %) сегодня отношение к России в мире необъективное, 13,7 % высказали обратную позицию и 53 % затруднились ответить.

Выводы

По данным исследований можно сделать ряд основных выводов. Современные молодые люди чаще следят за мировыми политическими событиями, поскольку считают, что в настоящее время крайне важно понимать происходящие процессы. В их числе чаще студенты социально-гуманитарных направлений, девушки, студенты, имеющие среднее материальное положение. Было установлено, что интерес к внешнеполитической информации снижается пропорционально увеличению курса обучения и уменьшению размера населенного пункта, где студент прожил большую часть своей жизни. В числе основных событий, которые волнуют молодежь, — СВО, возможности возрождения холодной войны, санкции, отношения с разными странами. При этом в числе дружественных стран молодые люди рассматривают Китайскую Народную Республику

и Республику Беларусь и считают, что в сложившихся условиях ухудшения отношений с Западом необходимо обратить внимание на развитие отношений со странами Азии. Общая оценка проводимой сегодня РФ внешней политики положительная, чаще со стороны девушек, студентов младших курсов, из крупных городов и со средним материальным положением. Большая часть молодежи, в том числе и представители студенчества, считают, что проводимый внешнеполитический курс РФ носит сбалансированный характер. Россия проводит самостоятельную и независимую внешнюю политику, отстаивая свои национальные интересы. Вместе с тем в силу своего исторического прошлого и геополитического статуса Россия может играть роль мирового лидера по поддержанию глобального миропорядка, и сегодня она выступает в качестве гаранта мира и безопасности на территории постсоветского пространства. В заключение следует отметить, что в современных условиях кардинальных социальных трансформаций необходим социологический мониторинг внешнеполитических взглядов и представлений различных социальных групп. Это позволит выявить условия и разработать механизмы, способствующие пониманию и принятию со стороны россиян и отдельных социальных групп проводимого внешнеполитического курса РФ по продвижению ее национальных интересов.

Список источников

1. Российская внешняя политика глазами экспертного сообщества / А. Ю. Мельвиль, М. В. Ильин, Б. И. Макаренко [и др.]. – Текст : непосредственный // Полис. Политические исследования. – 2009. – № 4. – С. 84–98.
2. Рожкова, Л. В. Внешнеполитический курс современной России в оценках студенческой молодежи / Л. В. Рожкова, А. Ш. Дубина. – DOI 10.21685/2072-3016-2023-3-2. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2023. – № 3 (67). – С. 20–40.
3. Новая Концепция внешней политики России. На пути к новому миропорядку : лекция Д. Тренина. – Текст : электронный // Фонд Горчакова : сайт. – 2023. – 12 авг. – URL: https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/novaia_kontseptsia_vneshnei_politiki_rossii_na_puti_k_novomu_miroporiadku_lektsiia_dmitriia_trenina_63140 (дата обращения: 03.03.2024).
4. Зуев, Н. А. Новая концепция внешней политики Российской Федерации : анализ основных положений / Н. А. Зуев. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2023. – Т. 1, № 5 (62). – С. 281–289.
5. Концепция внешней политики Российской Федерации / Утверждена Указом Президента РФ 31.03.2023 № 229. – Текст : электронный // Министерство иностранных дел Российской Федерации : сайт. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 09.03.2024).
6. Манхейм, К. Диагноз нашего времени / К. Манхейм ; перевод с немецкого и английского. – Москва : Юрист, 1994. – 700 с. – Текст : непосредственный.

7. Ростовская, Т. К. Ценностные ориентиры современной молодежи : особенности и тенденции : монография / Т. К. Ростовская, Т. Б. Калиев. – Москва : РУСАИНС, 2019. – 228 с. – Текст : непосредственный.
8. Петухов, В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества / В. В. Петухов. – DOI 10.14515/monitoring.2020.3.1621. – Текст : непосредственный // Мониторинг общественного мнения : экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3 (157). – С. 119–138.
9. Россия в современном миропорядке : представления и оценки студенческой молодежи / Л. В. Рожкова, Н. В. Розенберг, А. Ш. Дубина, О. В. Сальникова. – Текст : электронный // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2023. – Т. 11, № 2. – С. 86–99. – URL: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-9>.
10. Поцелуев, С. П. От энтузиазма «Крымской весны» — к фрустрациям «Русской зимы»? О когнитивных сдвигах в сознании студенческой молодежи юга России (по материалам серии социологических исследований 2015–2020 гг.) / С. П. Поцелуев, М. С. Константинов, П. Н. Лукичев. – DOI 10.31171/vlast.v28i2.7156. – Текст : непосредственный // Власть. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 190–198.
11. Внешняя политика глазами российских студентов. Опрос Центра студенческой социологии Агентства студенческих коммуникации «Кампус» совместно с НИУ ВШЭ. – Текст : электронный // Молодая гвардия : сайт. – 2017. – 16 мар. – URL: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2017/03/16/90809> (дата обращения: 09.03.2024).
12. Внукова, Л. Б. Общественно-политические настроения студенческой молодежи ЮФО и СКФО : на материалах социологического опроса / Л. Б. Внукова. – DOI 10.7256/2454-0617.2019.4.31790. – Текст : непосредственный // Конфликтология / nota bene. – 2019. – № 4. – С. 101–110.
13. Ростовская, Т. К. Внешнеполитические ориентации студенческой молодежи / Т. К. Ростовская, Р. А. Мулжанова. – Текст : непосредственный // «Как живешь, Россия?». Российское социальное государство и гражданское общество в реализации стратегии прорыва : результаты и резервы : материалы декабрьских социально-политических чтений. – Ростов-на-Дону : Перспектива, 2019. – С. 100–111.
14. Лебедева, Н. Эксперт : Основная часть молодежи не интересуется политикой / Н. Лебедева. – Текст : электронный // Российская газета : сайт. – 2015. – 10 мар. – URL: <https://rg.ru/2015/03/10/molodezh.html>.
15. Россия на пространстве бывшего СССР : мониторинг. – Текст : электронный // ВЦИОМ : сайт. – 2023. – 25 апр. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-na-prostranstve-byvshego-sssr-monitoring>.

References

1. Melville, A. Yu., Ilyin, M. V., Makarenko, B. I., Meleshkina, Ye. Yu., Mironyuk, M. G., Sergeyev, V. M.,... Timofeyev, I. N. (2009). Russian foreign policy as seen by the expert community. *Polis. Political Studies*, (4), pp. 84-98. (In Russian).

2. Rozhkova, L. V., & Dubina, A. Sh. (2023). The foreign policy course of modern Russia in the assessments of students. University proceedings. Volga region. Social sciences, (3(67)), pp. 20-40. (In Russian).
3. Novaya Kontsepsiya vneshney politiki Rossii. Na puti k novomu miroporядku: lektsiya D. Trenina. (2023). (In Russian). Available at: https://gorchakovfund.ru/portal/news/view/novaia_kontsepsiia_vneshnei_politiki_rossii_na_puti_k_novomu_miroporiadku_lektsiia_dmitriia_trenina_63140
4. Zuev, N. A. (2023). New concept of foreign policy of Russian Federation: analysis of main provisions. Vestnik Nauki, 1(5(62)), pp. 281-289. (In Russian).
5. Kontsepsiya vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii (2023). (In Russian). Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/>
6. Mannheim, K. (1994). Diagnostika nashego vremeni. Moscow, Yurist Publ., 700 p. (In Russian).
7. Rostovskaya, T. K., & Kaliev, T. B. (2019). Tsennostnye orientiry sovremennoy molodezhi: osobennosti i tendentsii: monografiya. Moscow, RUSAINS Publ., 228 p. (In Russian).
8. Petukhov, V. V. (2020). Russian youth and its role in society transformation. Monitoring of public opinion: economic and social changes, (3(157)), pp. 119-138. (In Russian). DOI: 10.14515/monitoring.2020.3.1621
9. Rozhkova, L. V., Rozenberg, N. V., Dubina, A. Sh., & Salnikova, O. V. (2023). Russia in the modern world order: perceptions and assessments of student youth. Science. Society. State, 11(2), pp. 86-99. (In Russian). Available at: <https://doi.org/10.21685/2307-9525-2023-11-2-9>
10. Potseluev, S. P., Konstantinov, M. S., & Lukichyov, P. N. (2020). From the enthusiasm of the "Crimean spring" to the frustrations of the "Russian winter"? On cognitive shifts in the minds of student youth of the Russian south (based on a series of sociological studies in 2015-2020). Vlast, 28(2), pp. 190-198. (In Russian). DOI: 10.31171/vlast.v28i2.7156
11. Vneshnyaya politika glazami rossiyskikh studentov (2017). (In Russian). Available at: <http://www.molgvardia.ru/nextday/2017/03/16/90809>
12. Vnukova, L. B. (2019). Sociopolitical moods of student youth of the Southern Federal District and North Caucasian Federal District: based on the materials of sociological survey. Conflict Studies, (4), pp. 101-110. (In Russian). DOI: 10.7256/2454-0617.2019.4.31790
13. Rostovskaya, T. K., Mulzhanova, R. A. (2019). Vneshnepoliticheskie orientatsii studencheskoy molodezhi. "Kak zhivesh', Rossiya?". Rossiyskoe sotsial'noe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo v realizatsii strategii proryva: rezul'taty i rezervy. Rostov-na-Donu, Perspektiva Publ, pp. 100-111.
14. Lebedeva, N. (2015). Ekspert: Osnovnaya chast' molodezhi ne interesuyutsya politikoy. (In Russian). Available at: <https://rg.ru/2015/03/10/molodezh.html>
15. Rossiya na prostranstve byvshego SSSR: monitoring (2023). (In Russian). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-na-prostranstve-byvshego-sssr-monitoring>

Информация об авторах / Information about the authors

Рожкова Лилия Валерьевна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии, экономической теории и международных процессов, Пензенский государственный университет, г. Пенза, mamaeva_lv@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

Сальникова Ольга Владимировна, доцент кафедры социологии, экономической теории и международных процессов, Пензенский государственный университет, г. Пенза, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6559-4909>

Liliya V. Rozhkova, Doctor of Sociological, Professor, Head of the Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, mamaeva_lv@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7058-4871>

Olga V. Salnikova, Associate Professor at the Department of Sociology, Economic Theory and International Processes, Penza State University, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6559-4909>

Статья поступила в редакцию 22.07.2024; одобрена после рецензирования 01.08.2024; принята к публикации 12.08.2024.

The article was submitted 22.07.2024; approved after reviewing 01.08.2024; accepted for publication 12.08.2024.

УДК 316.7

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-77-89

Общественная культура как процесс

И. Ю. Фомичев*, И. В. Павлова

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия

**fomichevij@tyuiu.ru*

Аннотация. Статья посвящена исследованию актуальной для современной социологии культуры темы — выявлению динамики трансформации общественной культуры в рамках диалектического отношения культура — цивилизация. С этой целью анализируются особенности содержания как того, так и другого понятия, их генезис и специфика применения в данной статье. Культурная трансформация раскрывается через сравнительный анализ классических произведений, которые в той или иной мере содержат теоретическое исследование данных явлений в контексте социальной динамики. К таким произведениям прежде всего авторы относят работы Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, Т. Лессинга, А. Тойнби, П. Сорокина, которые фактически заложили основы методологии цивилизационного подхода в современной социологии культуры, а также А. Дугина, в исследованиях которого обосновано понятие «государство-цивилизация» применительно к России. Понятие «общественная культура» в данной статье рассматривается как базовое интегральное понятие, отражающее присущие данной социальности общие и особенные черты. Из множественности определений культуры авторы опираются на определение А. Моля как наиболее соответствующее целям данного исследования. В результате фиксируется эволюционирование культуры в цивилизацию в рамках логики исторического процесса, выделяются характерные черты как того, так и другого явления. Кризисные явления современной цивилизации, получившие в социологической литературе наименование «отчуждение», рассматриваются как присущие социальным процессам переходного периода. Теоретическое содержание понятия выявляется авторами в рамках методологии, представленной в классических работах таких авторов, как К. Маркс, Ф. Ницше, Г. Маркузе, Э. Гидденс, Ж. Бодрийяр и других. Среди основных исследовательских задач, решение которых позволило достичь целей настоящей работы, можно назвать определение базовых элементов содержания понятий «культура» и «цивилизация», их соотношения в истории и современности, выявление характерных моментов социодинамики развития этих общественных явлений, репрезентация традиционного и современного понимания проблемы отчуждения применительно к современной социологии культуры.

Ключевые слова: общественная культура, диалектика отношения культура — цивилизация, проблема отчуждения в цивилизованном обществе, объективация субъекта, эволюция социума, материальное и духовное, общественное сознание

Для цитирования: Фомичев, И. Ю. Общественная культура как процесс / И. Ю. Фомичев, И. В. Павлова. — DOI 10.31660/1993-1824-2024-3-77-89 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2024. — № 3. — С. 77–89.

Public culture as a process

Igor J. Fomichev*, Irina V. Pavlova

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia

**fomichevij@tyuiu.ru*

Abstract. This article delves into the study of the transformation of public culture within the context of the interplay between culture and civilization, which is highly relevant to contemporary sociology of culture. It analyzes the features of both concepts, their origins, and their application in this article. The transformation of culture is explored through a comparative analysis of classical works that investigate these phenomena within the context of social dynamics. The article refers mainly to the works of N. Ya. Danilevsky, O. Spengler, T. Lessing, A. Toynbee, P. Sorokin, all of whom have significantly contributed to the methodology of the civilizational approach in modern sociology of culture, and A. Dugin, who substantiated the concept of "state-civilization" in relation to Russia. The concept of "public culture" is considered a fundamental integral concept reflecting the general and particular characteristics inherent in social interactions. Among various definitions of culture, the authors rely on A. Mol's definition as being most aligned with the goals of this study. The article notes the evolution of culture into civilization within the historical process and highlights the characteristic features of both phenomena. The crisis phenomena of modern civilization, labeled "alienation" in sociological literature, are considered inherent in the social processes of the transitional period. The theoretical content of the concept is identified by the authors within the methodology presented in the classical works of K. Marx, F. Nietzsche, H. Marcuse, A. Giddens, and J. Baudrillard, among others. The authors focus on defining the basic elements of the concepts of "culture" and "civilization," understanding their historical and modern correlation, identifying characteristic moments in the sociodynamics of these social phenomena, and comparing traditional and modern understandings of the problem of alienation as applied to contemporary sociology of culture.

Keywords: Public culture, dialectics of the relationship "culture - civilization", the problem of alienation in a civilized society, objectification of the subject, evolution of society, material and spiritual, public consciousness

For citation: Fomichev, I. J., & Pavlova, I. V. (2024). Public culture as a process. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 77-89. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-77-89

Введение

В социологии культуры диалектика соотношения понятий «культура» и «цивилизация» не получила достаточно полной научной интерпретации. В частности, в специальной литературе не было поставлено конкретных исследовательских задач по дифференциации данных феноменов, по раскрытию их содержательного наполнения, по идентификации характерных черт и определяющих факторов. В таком же положении в социологической теории оказывается понятие «общественная культура», не испытавшее фундаментальной понятийной проработки.

В этом смысле современная социология культуры (в силу многих и самых разнообразных обстоятельств) предоставляет исследователю довольно широкое поле для методологических поисков, что, однако, до сих пор не вылилось в какую-то целостную и внятную парадигму. В научном сообществе даже бытует позиция, утверждающая единство разнообразия как важное условие развития современной социологии культуры. В связи с такой мультипарадигмальной ситуацией авторы статьи обозначают свою приверженность цивилизационному подходу в исследовании социокультурной ситуации. Этот подход ведет свои истоки от выдающегося теоретического исследования

Н. Я. Данилевского «Россия и Европа», методологию которого в той или иной степени развили О. Шпенглер в своей работе «Закат Европы» и А. Тойнби в труде «Постижение истории» и других. Данилевский разработал понятие «культурно-исторический тип», а в более поздних по времени работах Шпенглер и Тойнби использовали аналогичное по содержанию понятие «цивилизация», которое и закрепилось в мировой научной традиции. В российской социальной науке понятие цивилизации в последнее время приобрело особое значение в парадигме «Россия как государство-цивилизация» А. Дугина. Подчеркнем, что если принять во внимание современную ситуацию интенсивного поиска и определения российской идентичности и общенациональных ценностей, то можно утверждать актуальность и своевременность научной разработки данной тематики.

Общественная культура в данной работе рассматривается как интегративная характеристика конкретной общности. Поэтому прежде всего внимание авторов статьи обращается к этому понятию, его основному содержанию, включающему в себя духовную и материальную жизнь общности, направленную на созидание общественных ценностей и социальные свершения. Не менее важным для достижения целей настоящей работы является исследование различных составляющих элементов общественной культуры, социальных общностей, образующих так называемые субкультуры и контркультуры, исследование роли индивида в общественной культуре как объекта социокультурной динамики и как созидающего субъекта. Необходимым инструментом изучения проблемы является выбор соответствующего определения понятия культуры, которых, как известно, несколько сотен. Выбор адекватного исследовательским задачам рабочего определения очень важен, поскольку определяет вектор направления научного поиска.

Повышенное внимание в работе уделяется анализу и интерпретации (отвечающих целям данной работы) классических для социологии культуры трудов ученых двадцатого века, в которых подвергалась исследованию и критике социокультурная ситуация какого-то определенного времени. Авторы проявили особый интерес к социодинамике культуры. Такая динамика отражается в работах зарубежных и отечественных авторов двадцатого века, в которых вскрывается логика преобразования культуры, которая в процессе саморазвития неизбежно приобретает характеристики упадка и отчуждения. При этом тенденция такого саморазвития прослеживается в данной работе как восходящая, начиная с самого начала прошлого века и до первых десятилетий нынешнего.

Материалы и методы

Наличие раздела об исходных материалах и методах, используемых в настоящей работе, предполагает не столько банальное перечисление всех существующих в природе методов научного исследования, сколько выявление и репрезентацию своеобразия применяемых научных средств и форм научного поиска. Что касается формального аспекта научного знания, то в нем целесообразно выделить две его формы, реализуемые

в данной статье. С одной стороны, это эмпирическое знание, которое характеризуется направленностью на изучение внешних сторон реальности, приводящее к так называемым эмпирическим обобщениям, то есть описаниям фактов и определениям их связей и взаимозависимостей. С другой стороны, это теоретическая форма знания, которая характеризуется направленностью на выявление каузальных связей между изучаемыми явлениями и их элементами, на выявление внутренней сущности такой реальности, на поиски закономерностей возникновения и протекания происходящих событий. И эмпирические, и теоретические формы научного исследования нашли свое отражение в данной работе. Понятно, что такое понимание форм научного знания характерно лишь для его классической парадигмы. В неклассической парадигме современного знания, как известно, причинное объяснение явлений (в дихотомии причина — следствие) неактуально, а предпочтение отдается вероятностной интерпретации полученных результатов. Не говоря уже о постнеклассической парадигме современного знания.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что для достижения поставленных авторами статьи целей использовались соответствующие материалы и методы. Прежде всего, в работе использовались классические научные труды ведущих ученых в области социологии культуры Н. Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Ницше, А. Молье, Т. Лессинга и других. Именно анализ материалов, содержащихся в их произведениях, позволил проследить социодинамику развития дихотомии культура — цивилизация на протяжении значительного периода европейской истории. Развитию идеи настоящей статьи способствовало также использование других монографий, статей и прочие публикации в области социологии культуры.

К используемым в настоящей работе методам можно отнести и отдельные общенаучные теоретические методы познания реальности. Прежде всего, это использование метода сравнительного анализа и диалектический метод, а также методы теоретического синтеза. При изучении социодинамики культуры сравнительные характеристики всегда играли важную роль для получения обоснованных выводов относительно характеристик разных культурных периодов. Диалектика же является необходимым инструментом для научного анализа взаимодействия культуры и цивилизации в различных переходных процессах.

Результаты и обсуждение

При изложении какой-либо концептуальности в научном обиходе нередко принято сначала приводить всем понятные и даже бесспорные суждения, постепенно усложняя аргументацию, при этом выбирая из множества выработанных человечеством теоретических логик только те интенции, которые годятся для построения именно такой метафизической структуры, какая задумывалась автором. В соответствии с этим вспомним общепризнанное в культурологии положение о том, что человек, выделившись из природы, тем самым начал создавать так называемую вторую природу, то есть культуру.

Понятие культуры в таком прочтении охватывает как сферу материального, так и духовного, а также способы воспроизводства того и другого. Не вступая в дискуссию о культурных приоритетах, отметим, что сам акт творения (превращение Хаоса в Космос), какую бы природу он не имел, означает возникновение у человека представлений о важности установления общественного порядка, что является необходимым условием оптимального бытия любой социальности. Такой порядок способствует установлению общественной дисциплины и сплочению, подкреплённому положительными или отрицательными санкциями (поощрениями и наказаниями), так или иначе одобряемыми общественным мнением. В этом процессе формируется интегральная характеристика общности — общественная культура, включающая в себя совокупность материальных и духовных ценностей, которые создаются общностью, используются в практике, в том числе и такой важный содержательный ее элемент, как общественное сознание, которое фиксируется и анализируется социологами.

В силу неизбежного разнообразия своих проявлений общественная культура, в том числе и общественное сознание, не может существовать как синкретическое единство, в связи с чем возникают ее относительно самостоятельные секторы, которые можно охарактеризовать как субкультуры. При этом изначальная целостность культуры не редуцируется к содержанию и смыслу возникающих и развивающихся ее частей. Такое взаимодействие может быть органичным, когда субкультура дополняет традиционную, или конфронтационным, когда субкультура противостоит общепринятым культурным стандартам и называется контркультурой. Такие элементы общественной культуры в своем социогенезе формируют свой экзистенциальный фундамент — специфические совокупности ценностей, отражающие конкретную социальную необходимость, особенности данного социального бытия.

Социологически при исследовании общественной культуры человек может рассматриваться в объективистском аспекте как самый главный результат саморазвития природы, или надприродной реальности, или объективной реальности в целом. Такой человек социально детерминирован и выстраивает свою жизнедеятельность, ее опредмеченные формы и результаты под приоритеты данной социальной общности как ее непосредственный и непротиворечивый продукт. Однако общественная культура, как представляется, наиболее выпукло предстает в разделяемых в данной общности духовных ценностях, выступает как их онтологическая производная. Социологически человек здесь рассматривается в субъективистском аспекте, как креативный субъект, как создатель и исполнитель аксиологического бытия, его ценностных оснований. В данном отношении субъект оказывается источником одухотворенности общественной культуры, инициатором ее творческого преобразования и изменения.

Не останавливаясь на анализе множественности представлений о сути культуры, приведем в качестве рабочего и соответствующего проблематике данной работы определение французского социолога А. Моля, предложенное им в работе «Социодинамика

культуры» (неоднократно переиздававшейся у нас), в которой акцентирующее внимание сконцентрировано на элементах общественного содержания культуры. В соответствии с теоретической позицией А. Моля, «культура — это интеллектуальный аспект искусственной среды, которую человек создает в ходе своей социальной жизни. Она абстрактный элемент окружающего его мира...» [1]. Развивая свое исследование в рамках рационалистического подхода, А. Моль полагает, что общественная культура «изменяется в зависимости от времени и места; в частности, на Западе существует глубокое органическое различие между гуманитарной культурой, которая основана на связанной и упорядоченной системе главных понятий, рассуждений и результатов с одной стороны, и современным мышлением, составляющим мозаичную культуру, — с другой. Эта последняя — результат случайного скопления разрозненных элементов» [1].

В своем определении А. Моль придает решающее значение интеллектуальным основаниям общественно-культурного процесса, при этом как бы опасаясь нарушения гармоничности последнего чуждыми элементами (в данном случае так называемой мозаичной культурой). Те же сомнения можно встретить в большинстве социокультурных концепций (известных авторам), начиная с первой половины двадцатого века, когда набиравшая силу вычурная эстетика нового нетрадиционного искусства, охватившая всю Европу, казалась ученым и культурному сообществу вызовом хорошему вкусу и общественной нравственности.

Первая методология различения цивилизаций встречается в работе Н. Я. Данилевского «Россия и Европа» [2], где они носят название «культурно-исторический тип». Без ссылок на предшественника, но вполне оригинальное по сравнению с традиционным понимание проблемы развития социокультурного процесса продемонстрировал О. Шпенглер, различив существование культуры и цивилизации, диалектической противоположности которых посвящена эсхатологическая в какой-то мере концептуальность мыслителя. Культура, по О. Шпенглеру, это изначальная духовность и состояние души определенного народа, которое воспроизводит аутентичные экзистенциальные ценности и смыслы, отличающее этот народ от других. Другими словами, некая общность создает своеобразные ценности, материальные и духовные, образующие некое единое пространство культурно-исторических феноменов. Культура, исходя из предложенной концептуальности и в полном соответствии со своей особой сущностью, рождается в глубинах развертывания духа народа. А цивилизация, в свою очередь, проходит процесс становления в глубинах культуры на постепенно оказывающихся доминирующими материалистических основаниях и рационализированных интенциях. «Цивилизация — неизбежная судьба культуры. Здесь достигнут тот самый пик, с высоты которого становится возможным решение последних и труднейших вопросов исторической морфологии. Цивилизации суть самые крайние и самые искусственные состояния, на которые способен более высокий тип людей. Они — завершение, они следуют за становлением как ставшие, за жизнью как смерть, за развитием как оцепенение» [3].

О. Шпенглер тем самым обнажает наиболее примечательные черты цивилизованности как вполне определенного этапа развития общественной культуры, во времена которого индивидуальность постепенно поглощается массой, креативное уступает социальное первенство стандартному, духовное замещается рациональным.

Субъект в процессе социокультурной динамики неизбежно объективируется и со временем постепенно теряет собственную экзистенцию. В атмосфере отмирания созидательных интенций из человеческого мировосприятия почти исчезают феномены трансцендентного и непознаваемого. По сути, цивилизация — это царство доминирующих технологий (политических, технических, социальных, художественных и т. п.). И в конце этого процесса саморазвития наступает время технологий искусственного интеллекта, где изначального родового человека уже нет. Цивилизационного человека фиксирует ницшеанский Заратустра, который при своем появлении в мире застал общность «последних людей». «Последний человек» — это социально-нравственная характеристика, данная Ф. Ницше грядущему цивилизованному человеку, в котором выхолены все ценности родового индивидуума. Он пишет: «Земля стала маленькой, и на ней копошится последний человек, который все делает таким же ничтожным, как он сам. Его род неистребим, как земляные блохи: последний человек живет дольше всех. “Счастье найдено нами”, — говорят последние люди, бессмысленно моргая.

Они покинули страны, где было холодно, ибо нуждались в тепле. Они еще любят ближнего и жмутся друг к другу — потому только, что им нужно тепло... Нет пастыря, есть одно лишь стадо! У всех одинаковые желания, все равны; тот, кто мыслит иначе, добровольно идет в сумасшедший дом. “Прежде весь мир был безумным”, — говорят самые проницательные из них и бессмысленно моргают.

Все они умны, они все знают о том, что было: так что насмешкам их нет конца. Они еще ссорятся, но быстро мирятся — сильные ссоры нарушили бы их покой и пищеварение. Есть у них и свои маленькие удовольствия: одно — днем, другое — ночью; но более всего они пекутся о здоровье. “Мы открыли счастье”, — говорят последние люди и бессмысленно моргают» [4].

Заратустра, который в полной мере транслирует ницшеанское восприятие становящегося человека цивилизации, весьма скептически (даже презрительно) относится к социально-нравственному облику этого индивидуума и полагает, что на смену ему должен прийти новый тип — сверхчеловек, который станет относиться к современному человеку таким же образом, как тот относится к обезьяне [5]. Еще здесь очень важно подчеркнуть, что Ф. Ницше (по свидетельству О. Шпенглера) первый из западных авторов увидел разложение, кризис европейской общественной культуры, ее цивилизационное преобразование, «агонию фаустовской души».

Такую же перспективу социокультурной динамики видит Т. Лессинг. Утверждение буржуазной цивилизации (качественно более сложной структуры по сравнению, например, с феодальной) в европейском обществе он воспринимает как судьбу социу-

ма, как трагическую неизбежность. При этом он не обозначает национальные границы, а значит, определяет этот тренд как общий, когда традиционный сплоченный культурой социум дифференцируется атомарными личностями под воздействием доминирующего общественного порядка. «Культура, — пишет философ, — постепенно превращающая все вулканические душевные страсти в песок сухого, трезвого знания, дробя на мельницах учености образы фантазии и грез, может, пожалуй, прибавить человеку знания за счет того, что он утратил в жизни, ибо знание жизни — лишь прошлая, убитая жизнь, и ученость охраняет трупы наших опытов, для которых затем искусство сооружает саркофаги. Всякая форма убивает, всякое знание связывает!» [6]. Такова, на взгляд культуролога, динамика и даже неизбежная закономерность развития общественной культуры.

Так или иначе процесс нарастающего доминирования цивилизационных принципов общественного бытия отмечается в социокультурных исследованиях практически всех выдающихся европейских мыслителей двадцатого века. Можно назвать такие работы, как «Восстание масс» [7] испанского социолога Х. Ортега-и-Гассета, «Постижение истории» [8] английского социолога А. Тойнби, «Общество потребления. Его мифы и структуры» [9] французского социолога Ж. Бодрийяра, «Одномерный человек» немецкого социолога Г. Маркузе [10], а также исследования русского американца П. Сорокина, который совершенно в духе рассматриваемой здесь концептуальности писал: «Все великие культуры, сохранявшие творческий потенциал, подверглись как раз таким изменениям. С другой стороны, культуры и общества, которые не изменяли форму и не смогли найти пути и средства передачи, стали инертными, мертвыми и непродуктивными. Немезида таких культур — стерильность, непродуктивность, прозябание. Таким образом, вопреки диагнозу шпенглерянцев, их мнимая смертная агония была ни чем иным, как острой болью рождения новой формы культуры, родовыми муками, сопутствующими высвобождению новых созидательных сил» [11]. В современном российском обществознании внутреннюю динамику становления «государства — цивилизации» проанализировал А. Г. Дугин [12].

Несмотря на различающиеся концептуальности, многие авторы приходят к выводу о том, что наступающая цивилизация преобразует ценности общественного бытия, так же как и изменяет сущностные характеристики бытия индивида в обществе. В свое время Карл Маркс в качестве одного из важнейших признаков развития классового общества выделял процесс нарастающего отчуждения, который охватывает все сферы индивидуальной жизнедеятельности [13]. Это явление, как выяснилось, оказалось настолько характерным и наглядным, что стало весьма эвристичным для социального знания и широко используется в современной социальной науке. Э. Гидденс, например, отдает научный приоритет социологическому использованию соответствующего понятия, полагая, что отчуждение используется для характеристики новых (цивилизационных) источников неравенства. Он пишет: «Термин “социальное отчуждение” указывает, каким образом отдельные люди могут оказаться отрезанными от полноценного уча-

ствия в жизни общества в целом. Таким образом, это более широкое понятие, чем низший класс, и оно имеет еще и то преимущество, что подчеркивает процессы — механизмы отчуждения» [14].

Это отчужденный труд и отчужденный продукт труда, отчужденность общественных индивидов друг от друга, отчужденность тех же индивидов от социальной практики и пр. Вся система человеческих отношений живет своей собственной жизнью и по своим собственным законам, она не только не подвластна человеку, но и непременно господствует над ним. Методология цивилизационного подхода, по сути, мало что меняет в понимании процессов отчуждения, даже будучи обращенной на современность. Исследователь современного общества, известный социолог Г. Маркузе пишет: «Несмотря на все исторические изменения, господство человека над человеком в социальной действительности по-прежнему есть то, что связывает дотехнологический и технологический Разум в единый исторический континуум. Однако общество, нацеленное на технологическую трансформацию природы и уже осуществляющее ее, изменяет основу господства, постепенно замещая личную зависимость... зависимостью от “объективного порядка вещей”» [10].

Цивилизации присуща вполне определенная социальная миссия. Цивилизация упорядочивает социальные отношения и статусы, опираясь на эффективные и не отторгаемые массой (признаваемые в качестве легитимных) механизмы. Это осуществляется, например, при помощи денежного эквивалента как критерия ранжирования, или за счет применения различного рода социальных технологий при определении положения индивида в политико-бюрократической иерархии, или использованием критериев массовой культуры и ценностей потребительского общества и т. п. Отсутствие стремления к стандартам высокой духовности и образованности для цивилизованного человека вполне могут компенсироваться деловитостью и предприимчивостью, причем последние оказываются несомненными социальными приоритетами. Х. Ортега-и-Гассет писал: «Мы действительно живем в эпоху всеобщего шантажа, который принимает две взаимно дополнительные формы: шантаж угрозы или насилия и шантаж насмешки и глумления. Оба преследуют одну и ту же цель — чтобы посредственность, человек толпы мог чувствовать себя свободным от всякого подчинения высшему» [8].

Важным фактором в развитии современной общественной культуры является доминирование ценностей потребления во всех его аспектах (вещи, политика, природа, информация и т. п.), причем сам процесс потребления приобретает самостоятельную ценность. Это явление отмечается многими социологами. Ж. Бодрийяр видит в современных процессах потребления не потребление продуктов человеческой деятельности, а потребление знаков, несущих в себе конкретные ценности и признаки того или иного социального статуса — цивилизация живет неравенством, отчуждая индивида от самого себя. Он пишет: «В специфическом способе потребления нет больше трансцендентного, нет даже фетишистской трансцендентности товара, есть только имманентность

в системе знаков. Так же как нет онтологического разделения, а есть логическое отношение между обозначающим и обозначенным, нет онтологического разделения между бытием и его двойником (его тенью, душой, его идеалом), божественным или дьявольским, а есть последовательный подсчет знаков и поглощение в систему знаков. Нет больше зеркала или зеркальной поверхности в современной системе, человек больше не сталкивается со своим образом, лучшим или худшим, взамен появилась *витрина* — геометрическое место потребления, в которой человек сам не отражается, а занимается созерцанием многочисленных предметов-знаков и поглощается системой знаков социального статуса и т. д. Он не отражается там, а поглощается и уничтожается. Субъект потребления — это система знаков» [9].

Пессимистическая концептуальность, однако, не всеобща и имеет свои исключения. Так, например, А. Моль выбивается из общего «хора» (не совсем, на наш взгляд, оправданно) и демонстрирует другие оттенки социального прогноза: «Долгое время цивилизация, полностью сосредоточенная на производстве материальных благ, отводила второстепенную роль продуктам культуры. Ныне положение меняется, и продукты культуры начинают занимать все более важное место в психологии потребителя (а значит, и в его бюджете), а их ничем не ограниченное массовое воспроизводство позволяет уже сейчас в общих чертах представить себе картину наступающей “эры досуга”» [1].

Если обратить внимание на понятийный аппарат, в рамках которого разворачиваются концепции диалектики культуры и цивилизации, то может показаться, что по данной проблематике исследования проводились в основном пессимистами, а в научном словоупотреблении используются преимущественно термины с негативной коннотацией — «кризис», «противоречие», «отчуждение», «трагическая дуальность» и другие. Однако исследователи предпринимают честный анализ актуальных проблем, которые во многом являются общими для стран евразийского пространства, не исключая при этом переходный характер сложившейся ситуации в развитии общественной культуры, которая, возможно, является необходимым моментом на пути к лучшему обществу. Оптимист П. Сорокин полагал, что кризисные проявления цивилизационного развития проявляются на фоне переходных процессов традиционной культуры модерна в ее постмодернистский статус с соответствующей ему новой общественной культурой, и в связи с этим отмечал: «Тщательное изучение ситуации показывает, что настоящий кризис представляет собой лишь разрушение чувственной формы западного общества и культуры, за которым последует новая интеграция, столь же достойная внимания, какой была чувственная форма в дни своей славы и расцвета. Точно так же как замена одного образа жизни у человека на другой вовсе не означает его смерти, так и замена одной фундаментальной формы культуры на другую не ведет к гибели того общества и его культуры, которые подтверждаются трансформациями» [11].

Выводы

В результате проделанной работы авторы исследования пришли к следующим выводам.

Во-первых, в социологической и культурологической литературе в настоящее время не сформирован теоретический консенсус относительно содержания динамики взаимодействия культуры и цивилизации в исторической ретроспективе.

Во-вторых, понятие общественная культура, прежде всего, включает в себя совокупность ценностей в их материальном и духовном воплощении, создаваемых и используемых в социуме. При этом индивид в исследованиях проявляется в двух аспектах: как социально детерминированный субъект, который выстраивает свою жизнедеятельность, ее опредмеченные формы и результаты под приоритеты данной социальной общности как ее непосредственный и непротиворечивый продукт, или же как креативный субъект, как создатель новых форм цивилизационного бытия. В последнем случае индивид оказывается инициатором культурного преобразования, проводником одухотворенности общественной культуры.

В-третьих, в целом современные исследователи согласны, что культура рождается в глубинах развертывания духа народа, а цивилизация, в свою очередь, проходит процесс становления в глубинах культуры на постепенно оказывающихся доминирующими материалистических основаниях и рационализированных интенциях. Цивилизация — неизбежная судьба культуры. По сути цивилизация — это царство доминирующих технологий (политических, технических, социальных, художественных и т. п.).

В четвертых, процесс нарастающего доминирования цивилизационных принципов общественного бытия отмечается в социокультурных исследованиях практически всех выдающихся европейских мыслителей двадцатого века.

В-пятых, в качестве одной из особенностей современных цивилизационных изменений большинством исследователей фиксируется феномен отчуждения, который касается всех аспектов социальной жизни. Это отчужденный труд и отчужденный продукт труда, отчужденность общественных индивидов друг от друга, отчужденность тех же индивидов от социальной практики и пр. Система социальных отношений живет своей собственной жизнью и по своим собственным законам, она не только не подвластна индивиду, но и господствует над ним. Социум строит общественного человека по своим правилам, фактически коверкает его, что вызывает эскапистские явления в обществе. Кто-то видит в этом порочность цивилизационного бытия, кто-то полагает, что это закономерный кризис социального процесса, «родовые муки» на пути его успешного преодоления.

Список источников

1. Моль, А. Социодинамика культуры / А. Моль ; перевод с французского. – 3-е изд. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 416 с. – Перевод изд.: *Sociodynamique de la cultu* / Abraham A. Moles. Paris, 1967. – Текст : непосредственный.

2. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – Москва : Родина. – 2021. – 592 с. – Текст : непосредственный.
3. Шпенглер, О. Закат Европы : Очерки морфологии мировой истории. Т. 1 : Гештальт и действительность / О. Шпенглер ; перевод с немецкого. – Москва : Мысль, 1993. – 666 с. – Перевод изд.: *Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte* / Oswald Spengler. Wien, 1918. – Текст : непосредственный.
4. Ницше, Ф. Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше. – Москва : Интербук, 1990. – 301 с. – Перевод изд.: *Also Sprach Zarathustra. Ein Buch Für Alle Und Keinen* / Friedrich Nietzsche. Chemnitz, 1883. – Текст : непосредственный.
5. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла. Прелюдия к философии будущего. Сочинения в 2-х томах. Т. 2. / Ф. Ницше. – Москва : Мысль, 1996. – 850 с. – Перевод изд.: *Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft* / Friedrich Nietzsches. Leipzig, 1886. – Текст : непосредственный.
6. Лессинг, Т. Ницше. Шопенгауэр. Вагнер / Т. Лессинг. – Текст : непосредственный // *Культурология. XX век. Антология*. – Москва : Юрист, 1995. – С. 399–431.
7. Ортега-и-Гассет, Х. Восстание масс / Х. Ортега-и-Гассет ; перевод с испанского. – Москва : АСТ, 2001. – 509 с. – Перевод изд.: *La rebelión de las masas* / José Ortega y Gasset. Madrid, 1930. – Текст : непосредственный.
8. Тойнби, А. Дж. Постижение истории : сборник / А. Дж. Тойнби. – Москва : Прогресс, 1991. – 736 с. – Перевод изд.: *A Study of History* / Arnold J. Toynbee. Oxford, 1934–1961. – Текст : непосредственный.
9. Бодрийяр, Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / Ж. Бодрийяр ; перевод с французского Е. А. Самарской. – Москва : АСТ, 2023. – 330 с. – Перевод изд.: *La societe de consommation* / Jean Baudrillard. Paris, 1970. – Текст : непосредственный.
10. Маркузе, Г. Одномерный человек / Г. Маркузе. – Москва : REFL-book, 1994. – 340 с. – Перевод изд.: *One-Dimensional Man* / Herbert Marcuse. Boston, 1964. – Текст : непосредственный.
11. Сорокин, П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 542 с. – Текст : непосредственный.
12. Дугин, А. Г. Александр Дугин : Государство-Цивилизация / А. Г. Дугин. – Текст : электронный // *Изборский клуб : сайт*. – 2022. – 31 мая. – URL: <https://izborsk-club.ru/22879> (дата обращения: 03.05.2024).
13. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс. – Москва : Политиздат, 1977. – 287 с. – Перевод изд.: *Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844* / Karl Heinrich Marx. Berlin, 1932. – Текст : непосредственный.
14. Гидденс, Э. Социология / Э. Гидденс ; перевод с английского. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : URSS, 2005. – 629 с. – Перевод изд.: *Sociology* / Anthony Giddens. Cambridge, 1989. – Текст : непосредственный.

References

1. Moles, A. A. (1967). Sociodynamique de la cultu. Paris, 343 p. (In French).
2. Danilevskiy, N. Ya. (2021). Russia and Europe. Moscow, Rodina Publ., 592 p. (In Russian).
3. Spengler, O. (1918). Der Untergang des Abendlandes. Umriss einer Morphologie der Weltgeschichte. Wien, Braumüller Verlag. (In German).
4. Nietzsche, F. (1883). Also Sprach Zarathustra. Ein Buch Für Alle Und Keinen. Chemnitz, 336 p. (In German).
5. Nietzsche, F. (1886). Jenseits von Gut und Böse. Vorspiel einer Philosophie der Zukunft. Leipzig. (In German).
6. Lessing, T. (1995). Nietzsche. Schopenhauer. Wagner. Kul'turologiya. XX vek. Antologiya. Moscow, Yurist Publ., pp. 399-431. (In Russian).
7. Ortega y Gasset, J. (1930). La rebelión de las masas. Madrid. (In Spanish).
8. Toynbee, A. J. (1934-1961). A Study of History. Oxford. (In English).
9. Baudrillard, J. (1970). La societe de consommation. Paris, 318 p. (In French).
10. Marcuse, H. (1964). One-Dimensional Man. Boston, 257 p. (In English).
11. Sorokin, P. (1992). Chelovek. Tsivilizatsiya. Obshchestvo. Moscow, Politizdat, Publ., 542 p. (In Russian).
12. Dugin, A. G. (2022). Aleksandr Dugin: Gosudarstvo-Tsivilizatsiy. (In Russian). Available at: <https://izborsk-club.ru/22879>
13. Marx, K. H. (1932). Ökonomisch-philosophische Manuskripte aus dem Jahre 1844. Berlin, 317 p. (In German).
14. Giddens, A. (1989). Sociology. Cambridge, 815 p. (In English).

Информация об авторах / Information about the authors

Фомичев Игорь Юрьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, fomichevij@tyuiu.ru

Павлова Ирина Владимировна, кандидат геолого-минералогических наук, доцент кафедры геологии месторождений нефти и газа, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Igor Y. Fomichev, Doctor of Sociology; Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, fomichevij@tyuiu.ru

Irina V. Pavlova, Candidate of Geology, Associate Professor at the Department of geology of oil and gas fields, Industrial University of Tyumen

Статья поступила в редакцию 10.06.2024; одобрена после рецензирования 12.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 10.06.2024; approved after reviewing 12.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

УДК 37.048.43

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-90-104

Профориентационная работа в школе: мнение учителей, учащихся и родителей

Н. В. Шаброва*, Т. В. Дмитриева, В. А. Неделина, А. Г. Новоселов, К. А. Шаркунова

Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия

**n.v.shabrova@urfu.ru*

Аннотация. Проблема выбора школьниками будущей профессии в настоящее время сопряжена с многообразием мира специальностей, его постоянной трансформацией и отсутствием у молодых людей представлений о тех компетенциях, которые будут востребованы на рынке труда. Школа — базовый институт, призванный осуществлять профориентационную работу по выбору молодежью направления будущей профессиональной деятельности. Цель статьи — проанализировать мнения участников образовательного процесса (учителей, старшеклассников и родителей) о реализации школой функции профориентационной деятельности.

Эмпирической базой работы выступили результаты массовых онлайн-опросов учителей, школьников и родителей г. Екатеринбурга. Исследование было проведено в декабре 2023 г. при поддержке Департамента образования Администрации г. Екатеринбурга. Объем выборочной совокупности учителей составил 794 чел., старшеклассников (8–11 классы) — 3366 чел., родителей — 2157 чел.

Результаты опроса позволили сделать вывод о том, что старшеклассники, родители и учителя понимают важность получения высшего образования в современном мире, его роли в достижении жизненного успеха. Материальное благополучие и комфорт, достойная заработная плата выступают ключевыми ценностными ориентирами для старшеклассников. Школьники стремятся отсрочить процесс принятия решения о выборе направления профессиональной деятельности, что обусловлено, прежде всего, неопределенностью интересов и страхом неуспеха. Показаны реальные и желаемые формы профориентационной работы в школах уральского мегаполиса. Выделены три ключевые проблемы реализации профориентационной работы в школе: сложности выбора школьниками направлений профессиональной деятельности, нежелание части педагогов вовлекать школьников в процесс выбора направления будущей профессиональной деятельности; невостребованность у школьников и родителей существующих в школах форматов мероприятий профориентационной направленности. Делается вывод о том, что некоторые из выявленных проблем можно решить путем объединения усилий школы и родительского сообщества посредством использования более интересных методов и форм профориентационной работы; разработки муниципальных программ для привлечения в школы квалифицированных специалистов по профориентационной работе; развития партнерских отношений с предприятиями и учреждениями, обеспечивающих большие возможности учащимся знакомиться с разными профессиями.

Ключевые слова: школьники, родители, учителя, направление профессиональной деятельности, профессиональный выбор, профориентационная деятельность, профориентационная работа

Для цитирования: Профориентационная работа в школе: мнение учителей, учащихся и родителей / Н. В. Шаброва, Т. В. Дмитриева, В. А. Неделина [и др.]. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-3-90-104 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 3. – С. 90–104.

Career guidance work at school: opinion of teachers, high school students and parents

Nina V. Shabrova*, Tatyana V. Dmitrieva, Valeria A. Nedelina, Alexey G. Novoselov, Karina A. Sharkunova

Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

**n.v.shabrova@urfu.ru*

Abstract. The problem of students choosing their future profession is currently associated with the diversity of the world of professions, its constant transformation, and the lack of ideas among young people about the competencies that will be in demand in the labor market. The school is a basic institution for carrying out career guidance work on the choice of future professional activity by young people. The purpose of the article is to analyze the opinions of participants in the educational process (teachers, high school students, and parents) about the implementation of the function of career guidance by the school.

The empirical basis of the work was the results of mass online surveys of teachers, high school students, and parents in Yekaterinburg. The study was conducted in December 2023 with the support of the Department of Education of the Yekaterinburg City Administration. The sample population of teachers amounted to 794 people, high school students (grades 8-11) – 3366 people, and parents – 2157 people.

The results of the survey led to the conclusion that high school students, parents, and teachers understand the importance of higher education and its role in achieving success in life. Material well-being and comfort, decent wages are key value orientations for high school students. High school students tend to delay the decision-making process in choosing the direction of professional activity, which is primarily due to the uncertainty of interests and fear of failure. The real and desired forms of career guidance work in schools of the Ural megalopolis are shown. Three key problems of the implementation of career guidance work at school are highlighted: the difficulty of students choosing areas of professional activity, the reluctance of some teachers to involve students in the process of selecting the direction of future professional activity; the lack of demand among high school students and parents of the existing formats of career guidance activities in schools: some of the problems can be solved by integrating the efforts of the school and the parent community through the use of more interesting methods and forms of career guidance; the development of municipal programs to attract qualified career guidance specialists to schools; the development of partnerships with enterprises and institutions that provide great opportunities for students to get acquainted with different professions.

Keywords: high school students, parents, teachers, the direction of professional activity, professional choice, career guidance, career guidance work

For citation: Shabrova, N. V., Dmitrieva, T. V., Nedelina, V. A., Novoselov, A. G., & Sharkunova, K. A. (2024). Career guidance work at school: opinion of teachers, high school students and parents. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 90-104. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-90-104

Введение

Интерес к выбору профессии всегда был и остается значимым аспектом как для учащихся, находящихся в стадии оптации, так и для их педагогов и родителей. Однако, учитывая все многообразие мира профессий и его постоянную трансформацию в условиях глобализации, все чаще можно наблюдать отсутствие у молодежи представлений о навыках и компетенциях, необходимых для получения желаемой профессии.

Актуальность проблемы профессиональной ориентации заключается в том, что быстро меняющийся рынок труда нуждается в специалистах новых профессий и предъявляет особые требования к их подготовке. В связи с этим важным направлением деятельности современных общеобразовательных учреждений должна стать профессиональная ориентация обучающихся, готовых в будущем к жизни в высокотехнологичном и конкурентоспособном обществе [1].

На сегодняшний день отмечается достаточно большой перечень проблем реализации профориентационной деятельности в школах. В зависимости от субъекта профо-

риентационной деятельности можно выделить несколько блоков проблем, решение которых зависит от условий, созданных в самой системе образования, от педагогов, которые реализуют эту деятельность, и от позиции детей и их родителей. К задачам профориентационной работы в школе относится помощь с определением профессиональной сферы и направления профессионального образования, выбор учебного заведения для получения высшего образования [2]. Однако, несмотря на то, что профориентационная деятельность является необходимой частью процесса подготовки молодежи к выбору будущей профессии, во многих школах она носит стихийный и нерегулярный характер [3; 4]. Нередко профориентационная деятельность осуществляется в форме отдельных мероприятий, а не в рамках системного подхода, что может снижать ее эффективность.

Одна из основных проблем реализации профориентационной деятельности в школах — ограниченность финансовых и человеческих ресурсов школ для проведения профориентационных мероприятий [5]. Недостаток финансирования может ограничивать возможности школы осуществлять качественные профориентационные программы, приглашать специалистов из разных областей или создавать информационные материалы. Негативное влияние оказывает и отсутствие квалифицированных специалистов. Некоторые педагоги могут испытывать затруднения в проведении профориентационных мероприятий из-за недостатка знаний и опыта в этой сфере деятельности, а также из-за повышенной учебной нагрузки [6].

Немаловажное значение имеет отсутствие координации и сотрудничества между школами, центрами занятости и работодателями, что затрудняет организацию практической направленности профориентационной деятельности [7]. Без взаимодействия муниципалитета, школ и работодателей представителям школ сложно ориентироваться на потребности рынка труда и представления о трудовых профессиях.

Еще одна проблема — отсутствие актуальной информации. Большая часть информации о профессиях и возможностях нестабильна и очень быстро устаревает. В особенности это касается сферы инновационных технологий и информации о современных профессиях. Это может затруднять выбор школьниками будущей профессии и образовательной траектории ее овладения. Помимо этого, к проблемам реализации профориентационной деятельности относится и ориентация на узкий круг профессий. Многие профориентационные программы сосредоточены на наиболее распространенных или престижных профессиях, оставляя за бортом менее известные или альтернативные варианты карьерного выбора.

Важное место в структуре проблем профориентационной работы в школе имеет непонимание учащимися своих желаний и потребностей, а также неспособность школьных учителей и/или консультантов по профориентации понять предпочтения, интересы учащегося и соотнести их с его способностями. Кроме того, одной из значимых проблем реализации профориентационной работы в школе выступает низкий интерес обучаю-

щихся к мероприятиям по выбору профессий. Некоторые школьники не видят необходимости в профориентации и не желают участвовать в проводимых мероприятиях [8].

Наконец, важную роль в профессиональном становлении ребенка играют родители и учителя [9–11]. В некоторых случаях эти агенты социализации могут оказывать давление на учащихся и способствовать выбору профессий, соответствующих их собственным ожиданиям, не учитывая индивидуальные потребности и интересы ребенка [12].

Все вышесказанное определило наш исследовательский интерес в проведении массового опроса ключевых участников образовательного процесса (учителей, старшеклассников и родителей) для анализа их мнения о реализации школой функции профориентационной деятельности. Цель исследования была конкретизирована тремя задачами: 1) выявить ценность образования для профессиональной деятельности у респондентов разных групп; 2) изучить вовлеченность учащихся в профориентационные мероприятия и проекты; 3) выявить ключевые проблемы реализации профориентационной работы в школе.

Материалы и методы

Массовый онлайн-опрос учителей, школьников г. Екатеринбурга и их родителей был проведен в декабре 2023 г. при поддержке Департамента образования Администрации г. Екатеринбурга. Объем выборочной совокупности учителей составил 794 чел. ($\Delta = 3\%$). Отбор — стихийный, качество информации контролировалось за счет соответствия получаемых данных квотам в генеральной совокупности (по полу, возрасту). В исследовании приняли участие 91,7 % женщин. Средний возраст участников опроса — 44 года. Больше половины учителей имеют высшее образование уровня специалитет (63 %). Абсолютное большинство опрошенных (95,7 %) являются педагогическими работниками.

Объем выборочной совокупности старшеклассников (8–11 классы) составил 3 366 чел. ($\Delta = 2\%$). Отбор — стихийный, качество информации контролировалось за счет соответствия получаемых данных квотам в генеральной совокупности (по полу, типу школы). В исследовании приняли участие 59,6 % девушек. 58,6 % респондентов учатся в общеобразовательной школе, 23,2 % — в школе с углубленным изучением отдельных предметов, а 18,1 % — в лицее или гимназии.

Объем выборочной совокупности родителей старшеклассников г. Екатеринбурга составил 2 157 чел. ($\Delta = 2\%$). Отбор — стихийный. Большинство родителей, принявших участие в исследовании, — женщины (93 %). Больше половины родителей имеют высшее образование (67,4 %), четверть опрошенных работает в сфере услуг (25,6 %).

Опрос был проведен с использованием онлайн-сервиса Yandex Forms. Ссылка на анкету рассылалась по школам города представителем Департамента образования г. Екатеринбурга, ответственным за проведение опроса. Полученные данные были об-

работаны в программе Vortex 10.34.2. Для статистического анализа информации были использованы частотный, корреляционный методы и метод кросстабуляции (сопряжения). В качестве значимых были приняты связи, которые имели асимптотическую значимость (2-стороннюю) $< 0,05$ (далее — значимость).

Результаты и обсуждение

Первая задача проведенного опроса — изучить ценность образования для профессиональной деятельности в представлениях респондентов разных групп. Самым популярным ответом о жизненных ценностях вообще среди школьников, родителей и учителей стала важность взаимопонимания и хороших отношений в семье. Данная ценность одинаково высоко была оценена школьниками (63 %), их родителями (81,5 %) и учителями (67 %). Кроме того, лидирующую позицию у школьников заняла ценность материального благополучия и комфорта (64 %), что говорит о важности фактора оплаты труда будущей профессии. Учителя (65 %) и родители (58 %) сошлись во мнении, что важна хорошая физическая форма и самочувствие, поэтому, по их мнению, профессия не должна быть сопряжена с вредностью для здоровья. Самой непопулярной ценностью стало общественное признание и популярность.

Большинство старшеклассников и их родителей нацелены на получение высшего образования, так как оно дает возможность получить желаемую профессию, интересную работу (60,8 % — школьники и 67,7 % — родители), личностный рост (48,4 % — школьники и 51,2 % — родители), самореализоваться и расширить кругозор (47,1% — школьники и 42,9 % — родители). Иными словами, респонденты понимают важность получения высшего образования в современном мире, его роли в достижении успеха.

По мнению большинства респондентов, будущая профессиональная деятельность должна обеспечивать достойную заработную плату и высокий уровень благосостояния. Так считает 74,2 % старшеклассников, 72,2 % родителей, 62,7 % учителей. Для школьников также важно, чтобы профессия не была утомительной (63,2 %), а для их родителей — чтобы она максимально раскрывала способности ребенка (так ответили 51,1 % опрошенных родителей). Почти половина (47,9 %) опрошенных учителей считают, что будущая профессия должна давать возможность проявлять творческую инициативу и самостоятельность.

Большинство опрошенных сошлись во мнении, что нужно получать образование по востребованному, актуальному направлению. При этом образовательные организации не обязательно должны находиться в месте проживания абитуриента. Главное, чтобы направления в них соответствовали интересам будущего студента. По мнению большинства опрошенных, родителям не стоит выбирать за детей направление профессиональной деятельности. Так сказали 75,7 % старшеклассников, 80,2 % родителей и 77,7 % учителей.

Взрослые респонденты считают обязательным получение высшего образования (родители — 69,8 %, учителя — 50,8 %). А вот у школьников нет четкого мнения по этому вопросу: чуть больше трети (38 %) считают, что высшее образование получать не обязательно, около трети (31,9 %) считают, что получение высшего образования обязательно, а еще часть (30,1 %) затруднилась с ответом. Вместе с тем более трети опрошенных школьников после сдачи экзаменов планируют продолжить обучение в вузе (38,7 %), еще треть (33,8 %) старшеклассников планирует продолжить обучение в колледже, из них 26,6 % — после 9-го класса и 7,2 % — после 11-го.

Результаты исследования показали, что более трети школьников выбрали направление профессиональной деятельности и будут стараться овладеть ею (39,1 %) (табл. 1). У еще трети опрошенных (33,9 %) есть соображения относительно будущего направления профессиональной деятельности, но еще отсутствуют твердые намерения. Данные таблицы 1 демонстрируют важные с точки зрения детско-родительских отношений моменты. Во-первых, это существование в некоторых семьях проблемы доверия и открытости. Родители не знают о том, что их дети выбрали направление профессиональной деятельности. Вместе с тем мы видим, что доля родителей, которые не верят в успешность своих детей, в 4,5 раза меньше, чем самих школьников, считающих, что они не смогут добиться своей цели (1,9 против 8,6 %).

Таблица 1

Четкость планов старшеклассников и родителей относительно направления будущей профессиональной деятельности, % от числа ответивших

План	Старшеклассники	Родители
Да, уже выбрал(а) направление профессиональной деятельности и буду стараться овладеть им	39,1	30,1
Да, есть соображения относительно будущего направления профессиональной деятельности, но еще твердо не решил(а)	33,9	40,7
Да, но не уверен(а), что смогу добиться своей цели	8,6	1,9
Нет, еще не решил(а)	18,4	27,3
Итого	100	100

Второй задачей исследования было изучение вовлеченности учащихся в профориентационные проекты. Результаты опроса показывают понимание школьниками необходимости определения будущей профессии на этапе обучения в школе. Более половины (55,8 %) опрошенных старшеклассников отметили важность раннего принятия решения о том, чем они хотят заниматься в будущем, и стремления к этому. Еще чуть менее трети респондентов (30,7 %) сказали о том, что выбор направления профессиональной деятельности уже на этапе обучения в школе имеет значение, но с этим выбором можно не торопиться, потому что времени еще много. Удивительно, но корреляци-

онный анализ не выявил связи между оценкой школьниками важности выбора направления профессиональной деятельности и классом обучения. Иными словами, в общей сложности чуть меньше половины старшеклассников не торопятся принимать решение и выбирать сферу своей профессиональной деятельности ни в 8-м, ни в 11-м классе.

Полагаем, такая ситуация отчасти складывается потому, что более половины опрошенных (57,1 %) испытывают трудности с выбором будущей профессии. Результаты позволили определить некоторые из этих трудностей. Во-первых, нужно отметить отсутствие профориентационных мероприятий в школе. 20,7 % школьников и 21,6 % родителей заявили, что в школе не проводятся мероприятия, направленные на выбор будущего направления профессиональной деятельности. Обратим внимание на тот факт, что учителей, давших такой же ответ, было в 10 раз меньше — только 2,1 %.

Важным с точки зрения понимания вектора развития профориентационной работы в школе является изучение источников информации о содержании профессиональной деятельности. Для половины школьников (50,1 %) источником информации выступают родители и родственники (табл. 2). Кроме того, почти каждый второй школьник сам ищет необходимую информацию (49,2 %). Данные таблицы 2 указывают на то, что родители лучше, нежели учителя, знают своих детей, поскольку первые лучше отражают структуру источников информации старшеклассников о содержании направлений профессиональной деятельности. В частности, видно, что учителя чаще, чем сами учащиеся, отмечают в качестве источников информации учителей и классного руководителя, СМИ и друзей и реже видят способность учащихся к самостоятельному поиску.

Таблица 2

**Источники информации о содержании направлений профессиональной деятельности,
% от числа ответивших**

От кого Вы чаще всего слышите информацию о содержании направлений профессиональной деятельности?	Старшеклассники	Родители	Учителя
От родителей, родственников	50,1	61,1	57,2
От учителей	36,9	22,2	63,2
От классного руководителя	26,4	17,8	61,1
Сам ищу информацию	49,2	42	29,6
От друзей	21,6	19,6	28,7
Из СМИ	14,8	15,4	30,6
Ваш вариант	1,8	0,6	1,3
Итого	200,8	178,7	271,7

На вопрос о том, предоставляет ли школа возможности для выбора будущего направления профессиональной деятельности, только четверть учащихся (25,1 %) от-

метили, что учебные занятия построены так, что они стимулируют такой выбор. Наряду с этим, 10,8 % отмечают отсутствие подобной работы, 27,3 % — ее бесполезность.

Более половины учащихся (60,6 %) считают, что роль школы в профориентационной деятельности заключается в ознакомлении с профессиями. Еще чуть больше трети — в обеспечении широкого образования с углубленным изучением определенной области знаний (35,9 %) и в ознакомлении с различными учебными заведениями (34,8 %). Необходимость профилизации обучения в стенах школы признает только каждый пятый опрошенный (20,4 %).

Большая часть ответов школьников о видах профориентационных мероприятий так же, как и ответов учителей, демонстрирует акцент школы на теоретических уроках, консультациях, информированию. Вместе с тем 31,9 % старшеклассников, 37 % родителей и 57,9 % учителей отметили наличие выездных экскурсий на предприятия.

В настоящее время в России реализуется широкий спектр различных профориентационных проектов для школьников. Результаты исследования показали, что большинство опрошенных учащихся знакомы с проектами «Билет в будущее» (69,1 %), «Движение первых» (68,8 %). Еще чуть больше половины — с проектом «Россия — мои горизонты» (55,3 %). При этом 37 % учащихся не знают о каких-либо проектах в их школе, а еще 14,4 % отметили, что такие проекты в их школе не реализуются. 45 % хотели бы принять участие в таких проектах, а 55 % принимать участие в подобных проектах не желает. Структура профориентационных проектов, в которых школьники участвуют или участвовали раньше, совпадает со структурой проектов, о которых они информированы. В проект «Билет в будущее» вовлекалось 57,1 % опрошенных школьников, в проект «Движение первых» — 55,6 %, а в проект «Россия — мои горизонты» — 42,7 %.

Одним из аспектов выбора будущей профессиональной деятельности выступает вовлеченность школьников в олимпиадное движение. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в олимпиадах участвовали всего 16 % опрошенных учащихся. Интересно, что вовлеченность школьников в олимпиадное движение не зависит от пола, класса обучения, уровня образования матери и отца. Однако в олимпиадное движение больше вовлечены успешные школьники, которые учатся только на пятерки или преимущественно на пятерки (Коэффициент Крамера = 0,171; вероятность ошибки (значимость) = 0,000). Наибольшей популярностью у школьников пользуются олимпиады по русскому языку (43,4 %), математике (40,4 %), обществознанию (40 %). Вместе с тем ответы учащихся об областях научного знания, которые наиболее интересны им, слабо соотносятся с предметами, по которым обучающиеся участвуют в олимпиадах. В частности, первые две строчки рейтинга областей научного знания, наиболее интересных школьникам, занимают психология (34,7 %) и культура и искусство (32,9 %). Кроме того, среди любимых предметов школьники отмечают обществознание (39,9 %), математику (36,6 %), иностранные языки (28,8 %) и информатику (28,2 %). Любовь к

данным предметам вызвана интересом (83,1 %) и понятностью материала (49,7 %). По мнению родителей, выбор школьниками любимых предметов, помимо интереса (83,0 %), связан с тем, что на этих уроках ребенок чувствует себя успешным (37,9 %).

Заключительной задачей исследования было выявление ключевых проблем реализации профориентационной работы в школе. Первая проблема, выявленная нами, связана со сложностями выбора школьниками направлений профессиональной деятельности. Только 8,2 % школьников уже определились с будущим направлением профессиональной деятельности. Остальные испытывают какие-либо трудности. Как видно из таблицы 3, базовые трудности, с которыми сталкиваются старшеклассники при выборе направления профессиональной деятельности, — это непонимание своих интересов (59,6 %) и страх, что выбранное направление профессиональной деятельности не принесет успеха (53,2 %).

Таблица 3

**Трудности при выборе направления профессиональной деятельности:
мнения старшеклассников и родителей, % от числа ответивших**

Значения	Старшеклассники	Родители
Не знаю, какие направления профессиональной деятельности на самом деле мне интересны	59,6	69,8
Боюсь, что мое выбранное направление профессиональной деятельности может не принести успеха	53,2	25,9
Для того направления профессиональной деятельности, которое я выбрал(а), требуется сдавать экзамены по предметам, в которых я не силен(на)	31	23,8
Необходимость учитывать требования рынка труда и перспективы развития выбранной сферы	24,9	16
Не знаю, где искать информацию об учебных заведениях, которые готовят по направлениям профессиональной деятельности, к которым я склоняюсь	18,1	13,2
Финансовые возможности семьи ограничивают мой выбор направления профессиональной деятельности	18,1	20,2
Давление со стороны родителей, которые настаивают на определенном выборе направления профессиональной деятельности	9,6	2,7
У меня нет сложностей, я уже определился/лась с будущим направлением профессиональной деятельности	8,2	1,3
Ваш вариант	1,9	0,7
Итого	224,6	173,6

Иными словами, в структуре трудностей выбора направления профессиональной деятельности доминируют проблемы, обусловленные внутренними установками и представлениями школьников. В то же время внешние факторы, такие как необходимость сдавать экзамены по предметам, в которых он не силен, требования рынка труда и финансовые возможности семьи для оплаты обучения менее значимы для школьни-

ков (31 %, 24,9 % и 18,1 % соответственно). Обращает на себя внимание тот факт, что родители более чем в два раза реже, чем сами школьники, выделяют такую сложность при выборе детьми направления профессиональной деятельности, как страх быть неуспешным. Эти сложности, в свою очередь, приводят к стремлению старшеклассников отсрочить момент выбора направления профессиональной деятельности (см. табл. 1).

Вторая проблема реализации профориентационной работы в школе — нежелание части педагогов вовлекать школьников в процесс выбора направления будущей профессиональной деятельности. Несмотря на то, что 69,1 % учителей ответили утвердительно на вопрос о вовлечении своих учеников в проекты, нацеленные на выбор направления будущей профессиональной деятельности, все-таки чуть менее трети опрошенных учителей (30,1 %) не участвуют в этом процессе. Анализ результатов исследования о причинах такой ситуации показал, что почти половина учителей (49,8 %) не вовлекают учащихся в проекты выбора будущей профессии, так как не считают это своей обязанностью. У 38,4 % учителей нет на это свободного времени, а еще 14,7 % не видят достаточного стимула для проведения таких проектов. Кроме того, менее половины учителей, которые занимаются профориентационной деятельностью (46,3 %), вовлекают учащихся в проекты, ориентированные на выбор направления будущей профессиональной деятельности по собственной инициативе. 43,5 % учителей осуществляют данную деятельность по инициативе администрации школы, а еще 8 % — по инициативе родителей школьников.

Третья проблема реализации профориентационной работы в школе — формат реализации мероприятий профориентационной направленности. Рассказ о существующих проектах — самый распространенный метод профориентационной работы, который используют учителя. Его отметили 58,8 % опрошенных. Проведение тематических классных часов в школе и организация экскурсий на предприятия также являются популярным методом профориентационной работы в школе (так сказали 53,7 и 43,2 % опрошенных учителей соответственно). Несколько реже используются учителями такие методы работы, как посещение дней открытых дверей учебных заведений (32,1 %), встречи с представителями предприятий и организаций (24,8 %) и встречи с выпускниками школы (18,8 %). Относительно небольшое количество учителей проводят тестирование по профориентации (17,9 %), ведут факультатив по выбору профессиональной деятельности (9,1 %) или проводят профессиональные консультации (5,3 %).

Вместе с тем и родители, и учителя считают необходимыми изменения формата и вектора профориентационной работы школы. Как видно из таблицы 4, в представлениях родителей изменения должны быть ориентированы на внутреннюю трансформацию содержания учебных предметов: расширение предметов и курсов, связанных с профессиональными интересами учащихся (42,9 %), введение вариативных курсов и практик в различных профессиональных областях (36 %) и индивидуального подхода к каждому ученику и его потребностям (38,5 %).

Таблица 4

**Мнения родителей и учителей о необходимых изменениях в работе школы
по профориентационной деятельности, % от числа ответивших**

Изменения в работе школы по профориентационной деятельности	Родители	Учителя
Расширение предметов и курсов, связанных с профессиональными интересами	42,9	29,5
Индивидуальный подход к каждому ученику и его потребностям	38,5	25,4
Введение вариативных курсов и практик в различных профессиональных областях	36	25,4
Внедрение технологий и программ для проведения профориентационных тестов	29,3	23,7
Планирование интегрированных проектов, связанных с изучением профессий	28,0	27,5
Укрепление партнерских отношений	17,3	35,8
Затрудняюсь ответить	12,6	15,6
Ничего не нужно менять. Ребенок и так перегружен	5,2	–
Ничего не нужно менять. И учащиеся, и учителя и так перегружены	–	12
Итого	209,8	194,9

35,8 % учителей считают, что изменения в работе школы по профориентационной деятельности должны быть связаны с укреплением партнерских отношений. Эту проблему педагоги, вовлеченные в профориентационную работу, отмечали и при ответе на вопрос о проблемах, с которыми они сталкиваются в ходе данного вида деятельности. Наряду с нехваткой времени (49,5 %), учителя отмечали проблему поиска специалистов, готовых провести консультации и лекции (39,8 %) и ограниченность бюджета для проведения профориентационных мероприятий (18,5 %). Кроме того, 27 % учителей отметили в качестве проблемы низкий уровень заинтересованности обучающихся в ней.

Выводы

Школа — базовый социальный институт, способствующий профессиональному самоопределению молодежи в прямой и опосредованной форме. Профориентационная деятельность учителей и административного персонала школы является важным направлением формирования профессиональной и квалификационной структуры общества. Поведенное нами исследование позволило определить мнения о реализации школой функции профориентационной деятельности.

Исследование показало, что старшеклассники, родители и учителя понимают важность получения высшего образования, его роли в достижении жизненного успеха. Материальное благополучие и комфорт, достойная заработная плата выступают ключевыми факторами.

выми ценностными ориентирами для старшеклассников. Кроме того, для молодого поколения важно, чтобы работа не была утомительной и соответствовала их интересам. Большинство учителей и почти половина опрошенных родителей считают, что мнение родителей влияет на профессиональный выбор ребенка, несмотря на то, что с этим пунктом согласна только треть школьников.

Одна из проблем профессионального самоопределения старшеклассников связана с неоднородностью понимания ими важности выбора профессиональной деятельности на этапе обучения в школе. Некоторые учащиеся не осознают актуальности принятия такого решения и относятся к этому с недостаточным вниманием. Это может привести к неопределенности и затруднениям в процессе выбора профессии в будущем. Основные сложности профессионального самоопределения школьников обусловлены неопределенностью интересов, страхом неуспеха. Выявлено существование в некоторых семьях проблем доверия и открытости между детьми и родителями. Родители не знают о том, что их дети выбрали направление профессиональной деятельности, однако готовы поддерживать своих детей и верить в их успехи больше, нежели сами школьники.

Более половины учащихся считают, что школа должна знакомить с актуальным миром профессий и создавать условия для обеспечения образования с углубленным изучением определенной области знаний. Вместе с тем, как показали результаты нашего исследования, профориентационная работа школы сосредоточена на теоретических уроках, консультациях и информировании. Несмотря на широкий спектр федеральных программ, проектов и мероприятий, касающихся профориентационной работы, школьники хотя и знают о них, но вовлекаются недостаточно активно.

Выделены три ключевые проблемы реализации профориентационной работы в школе: сложности выбора школьниками направлений профессиональной деятельности, нежелание части педагогов вовлекать школьников в процесс выбора направления будущей профессиональной деятельности, неостребованность у школьников и родителей существующих в школах форматов реализации мероприятий профориентационной направленности. Полагаем, что часть выявленных проблем вполне решаема путем совместной работы школы и родительского сообщества посредством использования более интересных и современных для целевой группы методов и форм профориентационной работы. Важным является разработка муниципальных программ с целью привлечения в школы квалифицированных специалистов по профориентационной работе или организация курсов повышения квалификации для учителей. Еще одним важным направлением совершенствования профориентационной работы школы должно стать развитие партнерских отношений с предприятиями и учреждениями. Они создадут большие возможности для учащихся познакомиться с разными профессиями «в поле»

Список источников

1. Колесникова, Е. М. Профориентация в школе как фактор социальной стратификации : новые практики в российской системе образования / Е. М. Колесникова. – DOI 10.19181/vis.2023.14.3.9. – Текст : непосредственный // Вестник Института социологии. – 2023. – Т. 14, № 3. – С. 197–214.
2. Сардушкина, Ю. А. Сущность понятия профессиональной ориентации с позиции определения ее цели / Ю. А. Сардушкина. – Текст : непосредственный // Психология и педагогика : методика и проблемы практического применения. – 2009. – № 6–2. – С. 42–45.
3. Батырева, М. В. К вопросу об эффективности профориентационной работы в современной общеобразовательной школе / М. В. Батырева, М. Ю. Семенов. – Текст : непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. – 2014. – № 8. – С. 50–56.
4. Прохоров, А. В. Профессиональная проба как инструмент профориентационной работы / А. В. Прохоров. – DOI 10.20310/1810-0201-2023-28-2-258-266. – Текст : непосредственный // Вестник Тамбовского университета. Серия : Гуманитарные науки. – 2023. – Т. 28, № 2. – С. 258–266.
5. Брюхова, О. Ю. Профессиональная ориентация в школе : сущность, актуальные проблемы и пути решения / О. Ю. Брюхова, Т. М. Брюхова. – Текст : непосредственный // XIX Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире : методология, опыт эмпирического исследования» : сборник материалов конференции. – Екатеринбург, 2016. – С. 1706–1717.
6. Олиндер, М. В. Профориентационная работа со старшеклассником : проблемы и перспективы довузовской подготовки / М. В. Олиндер. – Текст : непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – № 63–1. – С. 218–221.
7. Усова, С. Н. Профессиональная ориентация школьников : новые решения и практики школ-лидеров образования Подмосковья / С. Н. Усова. – Текст : непосредственный // Инновационные проекты и программы в образовании. – 2022. – № 2 (80). – С. 46–53.
8. Профориентационная работа в школах как фактор повышения уровня самоопределения обучающихся / С. Н. Казначеева, Н. В. Быстрова, Н. С. Мурыгин, А. С. Пасечник. – Текст : непосредственный // Инновационная экономика : перспективы развития и совершенствования. – 2019. – № 3 (37). – С. 42–47.
9. Шаброва, Н. В. Доверие родителей к системе высшего образования / Н. В. Шаброва. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2019. – № 1. – С. 76–84.
10. Доверие как фундаментальная проблема российского высшего образования : монография / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, В. С. Каташинских [и др.] ; под редакцией Г. Е. Зборовского ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Российское общество социологов. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2020. — 382 с. – Текст : непосредственный.

11. Противоречия трансфера человеческого капитала образовательных общностей в образовательных организациях региона. – Текст : непосредственный // Учащая молодежь : от образовательной неуспешности к образовательной успешности : монография / под редакцией Г. Е. Зборовского. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2021. – С. 301–325.

12. Кошкин, А. П. Профессионально-образовательная траектория современного старшеклассника (по результатам фокус-групповых интервью в Москве и Подмосковье) / А. П. Кошкин, Е. В. Каргаполова, Ю. А. Давыдова. – DOI 10.15838/sa.2023.4.40.9. – Текст : непосредственный // Социальное пространство. – 2023. – Т. 9, № 4. – С. 1–19.

References

1. Kolesnikova, E. M. (2023). Vocational Guidance in Schools as a Factor of Social Stratification: New Practices in the Russian Education System. *Bulletin of the Institute of Sociology*, 14(3), pp. 197-214. (In Russian). DOI: 10.19181/vis.2023.14.3.9
2. Sardushkina, Yu. A. (2009). Sushchnost' ponyatiya professional'noy orientatsii s pozitsii opredeleniya ee tseli. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya*, (6-2), pp. 42-45. (In Russian).
3. Batyreva, M. V., & Semenov, M. Yu. (2014). On the issue of career guidance effectiveness in the modern comprehensive schools. *Tyumen State University herald. Social, economic, and law research*, (8), pp. 50-56. (In Russian).
4. Prokhorov, A. V. (2023). Professional test as a tool of career guidance work. *Tambov University Review. Series: Humanities*, (28-2), pp. 258-266. (In Russian). DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-2-258-266
5. Bryukhova, O. Yu., & Bryukhova, T. M. (2016). Career guidance at school: the essence, actual problems and ways of solutions. *XIX Mezhdunarodnaya konferentsiya pamyati professora L. N. Kogana "Kul'tura, lichnost', obshchestvo v sovremennom mire: metodologiya, opyt empiricheskogo issledovaniya": sbornik materialov konferentsii*. Yekaterinburg, pp. 1706-1717. (In Russian)
6. Olinder, M. V. (2019). Vocational guidance work with a high school student: problems and prospects for pre-university training. *Problems of modern pedagogical education*, (63-1), pp. 218-221. (In Russian).
7. Usova, S. N. (2022). Career guidance for schoolchildren: new solutions and practices of Moscow oblast leading schools. *Academy of public administration*, (2(80)), pp. 46-53. (In Russian).
8. Kaznacheeva, S. N., Bystrova, N. V., Murygin, N. S., & Pasechnik, A. S. (2019). Career guidance work at schools as a factor in increasing the level of self-determination of students. *Innovative economy: prospects for development and improvement*, (3(37)), pp. 42-47. (In Russian).
9. Shabrova, N. V. (2019). The parents trust to the system of higher education. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 76-84. (In Russian).

10. Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A., Katashinskikh, V. S., Shabrova, N. V., & Shuklina, E. A. (2020). Trust as a fundamental problem of Russian higher education. Yekaterinburg, Humanities University Publ., 382 p. (In Russian).

11. Contradictions of the transfer of human capital of educational communities in educational organizations of the region. (2021). Young students: from educational failure to educational success: scientific monograph. Yekaterinburg, University for Humanities Publ., pp. 301-325. (In Russian).

12. Koshkin, A. P., Kargapolova, E. V., & Davydova, Yu. A. (2023). Vocational and educational path of a modern high school student (results of focus group interviews in Moscow and Moscow suburbs). Social area, 9(4), pp. 1-19. (In Russian). DOI: 10.15838/sa.2023.4.40.9

Информация об авторах / Information about the authors

Шаброва Нина Васильевна, доктор социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, n.v.shabrova@urfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5694-1040>

Дмитриева Татьяна Владимировна, магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Неделина Валерия Анатольевна, магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Новоселов Алексей Геннадьевич, магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Шаркунова Карина Алексеевна, магистрант, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Nina V. Shabrova, Doctor of Sociology, Associate Professor at the Department of Sociology and Technologies of Public Administration, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg, n.v.shabrova@urfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5694-1040>

Tatyana V. Dmitrieva, Master's Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

Valeria A. Nedelina, Master's Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

Alexey G. Novoselov, Master's Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

Karina A. Sharkunova, Master's Student, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Ekaterinburg

Статья поступила в редакцию 09.07.2024; одобрена после рецензирования 16.07.2024; принята к публикации 14.08.2024.

The article was submitted 09.07.2024; approved after reviewing 16.07.2024; accepted for publication 14.08.2024.

УДК 351.75

DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-105-125

Продвижение консервативного идеологического дискурса в политико-правовом поле постсоветской России

С. А. Шестаков

*Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Россия
shestakovprof@gmail.com*

Аннотация. Вот уже более двадцати лет в России во все более нарастающем темпе идет процесс вытеснения квазилиберального идеологического дискурса из всего пространства политической жизни страны и замещение его консервативным идеологическим дискурсом. Цель статьи — доказать наличие оформившейся доминанции консервативного идеологического вектора в формате всего политико-правового поля современной России, в том числе в официальных правовых актах. В статье на основании всестороннего анализа, в первую очередь, официальных правовых актов доказано, что к настоящему времени произошла трансформация идейно-политического пространства России, консервативный транзит близок к завершению. Консервативное замещение из формата научно-теоретического, публицистического, аффективного стало в системном порядке переходить в формат реального политико-правового поля, в формат уже целого ряда действующих политико-правовых актов. Верховной государственной властью России, ее обществом в целом сделан консервативный идеологический выбор.

Ключевые слова: идеология, консерватизм, политико-правовое поле, постсоветская Россия

Для цитирования: Шестаков, С. А. Продвижение консервативного идеологического дискурса в политико-правовом поле постсоветской России / С. А. Шестаков. – DOI 10.31660/1993-1824-2024-3-105-125 // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2024. – № 3. – С. 105–125.

The promotion of conservative ideological discourse in the political and legal field of the post-Soviet Russia

Sergey A. Shestakov

*Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russia
shestakovprof@gmail.com*

Abstract. The article is devoted to the problem of the formation and promotion of conservative ideological and political discourse in the format of the political and legal field of Russia in the post-Soviet period. This process has been going on at an ever-increasing pace for more than twenty years: there is a gradual displacement of quasi-liberal ideological discourse from the entire space of political life in Russia and its replacement by conservative ideological discourse. The article, based on a comprehensive analysis, first of all, of official legal acts, proves that to date a transformation of the ideological and political space of Russia has taken place, and the conservative transition is close to completion. Conservative replacement from a scientific-theoretical, journalistic, affective format began to systematically move into the format of a real political and legal field, into the format of

several existing political and legal acts. The supreme state power of Russia and its society as a whole has made a conservative ideological choice.

Keywords: ideology, conservatism, political and legal field, post-Soviet Russia

For citation: Shestakov, S. A. (2024). The promotion of conservative ideological discourse in the political and legal field of the post-Soviet Russia. *Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (3), pp. 105-125. (In Russian). DOI: 10.31660/1993-1824-2024-3-105-125

Введение

Катастрофический распад советской политической системы ознаменовался тотальным и фактически одномоментным распадом всех ее подсистем и элементов, в том числе и распадом ценностно-нормативной сферы. Девяностые годы предшествующего века прошли в России в состоянии полного хаоса, беззакония и неуправляемости, абсолютной психологической подавленности практически всего общества (за исключением ничтожно малой группы бенефициаров развала). Для характеристики такого состояния общества лучше всего подходит дюркгеймовский термин «аномия». Право как исторически сложившаяся система исчезло во всем объеме: искромсанная в угоду демократическим процессам советская Конституция РСФСР, то, что осталось от поправленных советских законов, составляли правовую систему начала 1990-х гг., а точнее, демонстрировали ее отсутствие. После принятия Конституции России в 1993 году правовая система страны еще долго переживала процесс становления, она только начинала наполняться новым содержанием. Для ее более или менее полноценного формирования потребовалось немало времени.

В основе любой правовой системы лежит определенная совокупность ценностей, иначе говоря, правовая система любого общества имеет под собой идеологическое основание, право не может не опираться на исторически сложившуюся ценностную парадигму, оно не может быть вне идеологии. Идеология — имманентная компонента правовой системы. В начале 1990-х годов в России абсолютной доминанцией в общественно-политическом сознании обладала стремительно охватившая всю страну либеральная система ценностей. Идеино-политической основой Конституции России образца 1993 года была именно либеральная идеология. Однако под давлением объективных социально-экономических процессов либеральный идеологический вектор политико-правового поля России претерпел значительную трансформацию в формат консервативной идеологии. Эта трансформация очевидна по целому ряду признаков, по совокупности наблюдений динамики всего социально-политического процесса постсоветской России.

Материалы и методы

Материалами для статьи послужили официальные правовые акты Российской Федерации, статьи, выступления политических лидеров России, а также научные публикации ученых-политологов. Цель статьи — доказать наличие оформившейся доминанции консервативного идеологического вектора в формате всего политико-правового поля современной России, в том числе в официальных правовых актах. В статье использованы общенаучные методы: диалектический метод позволил выявить процессы противоборства в идейно-политическом пространстве современной России; системный метод дал возможность установить системообразующие факторы в процессе трансформации идеологического вектора России из квазилиберального в консервативный; компаративный позволил провести сравнительный анализ различных элементов идейно-политического пространства России; формально-логический позволил выявить историческую последовательность процесса консервативного транзита в формате политико-правового поля современной России, его политическую необратимость; а также социологический метод — анализ документов (правовых актов), позволивший доказать произошедшую в рассматриваемый период трансформацию идеологического дискурса базовых правовых актов российского государства из либерального в консервативный.

Результаты и обсуждение

Статья 13 Конституции Российской Федерации провозглашает идеологическую нейтральность, однако фактически официальной идеологией России в 1990-е годы стал либерализм (точнее, квазилиберализм российского разлива, не имеющий к автохтонному западному либерализму никакого отношения), массивно продвигавшийся и поддерживавшийся в тот период всеми инструментами и методами: государством, СМИ, общественными организациями, лидерами общественного мнения и т. д. Российское общество почти в полном объеме устремилось за либеральными лидерами, однако либеральный эксперимент неизмеримо дорого обошелся российскому обществу. Хаос — вот самая короткая характеристика состояния России 1990-х гг.

Вместе с тем, наряду с тотальным господством в России квазилиберальной идеологии и политической практики, в этот же период стали вызревать робкие ростки альтернативной агрессивному квазилиберализму идеологии — консерватизма. Консерватизм как политическая идеология возник в России в первой половине — середине XIX века, примерно (или немного позднее) в то же время, когда появился западноевропейский консерватизм. В советский период, в эпоху господства единственно верного учения, консерватизм досоветской формации был самой преследуемой советской властью системой взглядов как наиболее реакционная буржуазно-помещичья, клерикальная идеология. Однако в начале шестидесятых годов прошедшего века в интеллектуальной среде правого диссидентства, в обстановке подполья осторожно,

противоречиво стала оформляться модернизированная версия российского консерватизма. Происходил неведомый большинству советских людей процесс постепенной кристаллизации новой российской консервативной идеологии, беспощадно и жестоко подавляемой властью. Среди советских диссидентов самые большие сроки наказания за антисоветскую деятельность получали именно правые диссиденты. В эпоху поздней горбачевской перестройки, в условиях гласности, в конце 1980-х гг. начался фактически легальный процесс реабилитации российского консерватизма. В ряде периодических изданий сначала эпизодически, а к началу 1990-х годов и более систематически стали публиковаться различные материалы консервативного характера. Однако тотально доминирующим, мейнстримным идеологическим вектором конца 1980-х — начала 1990-х годов в российском обществе был квазилиберализм: общество искренне желало приобщения к общечеловеческим ценностям.

В этот период консерватизм занимал достаточно узкую нишу в российском идейно-политическом пространстве, и подавляющее большинство российского общества скептически, иронично и даже презрительно относилось к идеологическим установкам консервативного характера; консервативные литераторы и идеологи зачастую в гротескных формах характеризовались как люди, выпавшие из современности, ведь наступил конец истории. Однако катастрофические результаты российских квазилиберальных реформ девяностых годов, шок новой реальности очень быстро аннулировали, аннигилировали примитивные квазилиберальные идеологические постулаты в большей части российского политического сознания. Этот процесс переоценки квазилиберальных ценностей, их отторжения произошел, в первую очередь, в стихийных, неотрефлексированных формах — в массовом общественно-политическом сознании, поскольку большинство населения, простые люди, на себе ощутили шоковую терапию. Что же касается правящего класса постсоветской России, большинство которого составила бывшая советская партийно-хозяйственная номенклатура, одновременно перевоплотившаяся в адептов общечеловеческих ценностей и рыночной экономики, то их корпоративное общественно-политическое сознание с начала 1990-х годов постепенно, а со второй половины 1990-х уже значительно быстрее претерпевало противоречивые метаморфозы. С одной стороны, новый политический класс, сформировавшийся из бывшей советской верхушки, активно и с большим энтузиазмом организовывал приватизацию государственных экономических активов и принимал в ней бурное участие, а приватизация получила идеологическое обоснование именно в формате квазилиберальной идеологии (главные герои — реформаторы 1990-х снискали в политической публицистике прозвище либерал-большевики); с другой стороны, опытная, осторожная, обладающая сверхострым политическим чутьем бывшая номенклатура стала осознавать, что всеобщее отторжение российским обществом квазилиберальной идеологии и практики невозможно игнорировать — есть риск потерять все (статус, богатство, власть). Процесс идейно-политической трансформации российского правящего класса имеет

под собой объективную природу и был отмечен А. С. Панариным в его статье «После юбилея». «Любая партия в России, — утверждал он, — рано или поздно обнаруживает: для того, чтобы сохранить власть, ей необходима государственная и даже мессианская идея» [1].

Постсоветская консервативная идеология начала активно формироваться в конце 80-х — начале 90-х гг. XX века и изначально выстраивалась в формате жесткой оппозиции ельцинскому политическому режиму. Однако явного политического преследования со стороны ельцинской власти консервативного движения не было (хотя и были эксцессы запретительного характера); антиконсерватизм режима проявлялся, как правило, в форме игнорирования, тотального замалчивания постсоветского консервативного дискурса в общероссийских СМИ. Консервативная идеология в начале 1990-х гг. продуцировалась в малотиражных изданиях весьма ограниченным кругом консервативно ориентированных философов, публицистов, писателей, тем не менее очень известных в интеллектуальной среде (но сознательно лишенных публичности провластными СМИ). Из самых значимых консервативных мыслителей — продуцентов консервативной идеологии того периода следует указать всемирно известных писателей В. Г. Распутина, А. И. Солженицына, публициста и писателя А. А. Проханова, философов А. С. Панарина, А. Г. Дугина, С. Е. Кургиняна и др. Со второй половины 1990-х годов провластные идеологи стали сначала дозированно, а потом все в большем объеме инкорпорировать консервативные идеологемы (рожденные в среде антиельцинской консервативной оппозиции и позаимствованные ими) в формат идеологического официоза. На самом высоком политическом уровне этот процесс впервые проявился в программе давно забытой политической партии «Наш дом — Россия», патронируемой бывшим Председателем Правительства России В. С. Черномырдиным. К концу 1990-х годов процесс осторожного консервативного сдвига в политических верхах стал вполне очевидным.

В формате российского политического поля, в условиях исторически сложившейся сильной вертикали власти, очень многое зависит от идеологической приверженности, политических установок первого лица в государстве, в современных условиях — от главы государства, Президента России В. В. Путина (в России традиционно, независимо от характера политической системы, политическую линию государства в значительной мере задает именно глава государства). Конечно, объективные социально-политические обстоятельства имеют решающее значение, но личностный, субъективный фактор в России в силу исторических и геополитических причин играет большую роль. Идеологические установки, изложенные в том или ином виде главой государства, неформально приобретают директивный характер, являются весомым управленческим фактором, имеют качество сигнала для управленческого аппарата и формируют сумму конкретных правовых и политико-управленческих действий, политическую деятельность в целом.

В течение более чем двадцатилетнего пребывания В. В. Путина на высшей государственной должности его идейные взгляды претерпели немалую эволюцию. Эту эволюцию идейно-политических установок Президента России можно проследить хронологически, изучая его статьи и выступления. В конце 1999 года, будучи еще Председателем Правительства России, В. В. Путин публикует в «Независимой газете» свою статью «Россия на рубеже тысячелетий», в которой обозначает контуры необходимой идеологической трансформации российского общества: «Каждая страна, в том числе и Россия, обязана искать свой путь обновления» [2]. В качестве традиционных ценностей россиян он определил патриотизм, державность, государственничество и социальную солидарность. В этой же статье В. В. Путин указал на недопустимость равнодушия к патриотизму, которое доминировало в 1990-е гг.: «Утратив патриотизм, связанные с ним национальные гордость и достоинство, мы потеряем себя как народ» [2]. Это был очевидный сигнал к необходимости разворота от квазилиберального идеологического вектора, господствовавшего в российском обществе в тот период, к традиционным российским ценностям, которые являются базовым принципом в структуре консервативной идеологии.

В 2000-е — 2010-е гг. идет непростой и противоречивый процесс эволюции российского общества к традиционным, консервативным ценностям; постепенно происходит консервативный разворот России. В сентябре 2013 года на Валдайском форуме В. В. Путин в своем выступлении озвучил установки знакового характера, призванные определить идеологический вектор российской государственной политики. «Необходимо историческое творчество, синтез лучшего национального опыта и идеи, осмысление наших культурных, духовных, политических традиций с разных точек зрения с пониманием, что это не застывшее нечто, данное навсегда, а это живой организм. Только тогда наша идентичность будет основана на прочном фундаменте, будет обращена в будущее, а не в прошлое», — подчеркнул В. В. Путин невозможность общественного развития без опоры на собственную традицию [3]. В своем выступлении на форуме Президент определяет в качестве главного мировоззренческого принципа российского общества патриотизм: «Дискуссия об идентичности, о национальном будущем невозможна без патриотизма всех ее участников. Патриотизма, конечно, в самом чистом значении этого слова» [3].

В декабре этого же года В. В. Путин в своем Послании Президента Российской Федерации Федеральному собранию уже прямо определяет консерватизм как приоритетную, базовую идеологию современного российского общества: «В мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа... Конечно, это консервативная позиция» [4]. Консерватизм был провозглашен в качестве базовой идеологической доктрины современной России на самом высоком уровне государственной власти.

В выступлении В. В. Путина на все том же Валдайском форуме в октябре 2021 года установка на необходимость именно консервативного доминирования в общероссийском идейно-политическом пространстве получила свое дальнейшее развитие. В своей речи Президент отметил: «Когда-то уже говорил, что, формируя свои подходы, мы будем руководствоваться идеологией здорового консерватизма... Сейчас, когда мир переживает структурный слом, значение разумного консерватизма как основы политического курса многократно возросло именно в силу множасьихся рисков и опасностей, хрупкости окружающей нас реальности. Консервативный подход не бездумное охранительство, не боязнь перемен и не игра на удержание, тем более не замыкание в собственной скорлупе. Это прежде всего опора на проверенную временем традицию, сохранение и приумножение населения, реализм в оценке себя и других, точное выстраивание системы приоритетов, соотнесение необходимого и возможного, расчетливое формулирование цели, принципиальное неприятие экстремизма как способа действий. И, скажем прямо, на предстоящий период мирового переустройства... умеренный консерватизм — самая разумная, во всяком случае, на мой взгляд, линия поведения» [5]. Консерватизм фактически определен главой государства как приоритетный идеологический вектор в структуре политического сознания российского общества, как идеологическая основа российской государственной политики.

В феврале 2024 года в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию В. В. Путин вновь указал на неизменную приверженность российского общества и государственной власти традиционной системе ценностей: «Мы видим, что происходит в некоторых странах, где сознательно разрушают нормы морали, институты семьи, толкают целые народы к вымиранию и вырождению, а мы выбираем жизнь. Россия была и остается оплотом традиционных ценностей, на которых строится человеческая цивилизация. Наш выбор разделяет большинство людей в мире, в том числе миллионы граждан западных стран» [6].

Таким образом, на протяжении всего периода нахождения В. В. Путина в должности Президента России традиционалистский, консервативный идеологический стержень его посланий с течением времени все в большей степени усиливается. Президент настаивает именно на консервативном идейно-политическом содержании российской государственной политики во всем ее объеме, во всех ее направлениях.

Со второй половины 1990-х гг. в ситуации нарастания процесса усиления консервативных идеологических тенденций в формате идейно-политического поля России правящий класс страны сначала редко, а затем все чаще стал демонстрировать интерес к проблемам патриотизма, патриотического воспитания, иногда приобретающий необычный вид. Так, в 1998 году Б. Н. Ельцин объявил конкурс на российскую национальную идею. Писатель В. Распутин в беседе с В. Кожемяко «У нас поле Куликово, у них — Поле чудес» заявил, что объявлять конкурс на национальную идею все равно, что объявлять конкурс на родную мать [7].

В обществе пришло осознание того, что идеологический фактор имеет большое значение в общественной жизни, власть начала признавать роль патриотической идеологии, значение патриотического воспитания. Когда В. В. Путин стал Президентом России, эти процессы ускорились, стала оформляться нормативная база, призванная обеспечить процесс патриотического воспитания российского общества, она стала приобретать черты системности. Появились нормативные документы, посвященные проблемам патриотического воспитания: федеральные законы, указы Президента, постановления Правительства и другие.

Так, в Постановлении Правительства Российской Федерации «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» от 24 июля 2000 года № 551 говорится о необходимости воспитания чувства патриотизма, формирования у подрастающего поколения верности Родине, готовности к служению Отечеству и его вооруженной защите; изучения истории и культуры Отечества и родного края; участия в подготовке и проведении мероприятий по увековечению памяти защитников Отечества; передачи и развития лучших традиций российского воинства [8].

В распоряжении Правительства Российской Федерации «О Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 18 декабря 2006 года № 1760-р (в редакции от 16 июля 2009 года) указывается на важность совершенствования государственной политики в сфере духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи, защиты их нравственности; на необходимость развития системы гражданского и патриотического воспитания молодых людей [9].

Общероссийская Программа по патриотическому воспитанию граждан России, принятая в 2001 году, заслуживает особого внимания. Ее реализация уже в расширенном, трансформированном виде продолжается по настоящее время. В марте 2001 года Правительством России была принята Государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы», целью которой, как в ней было указано, являлось «формирование патриотических чувств и сознания граждан на основе исторических ценностей и роли России в судьбе мира, сохранение и развитие гордости за свою страну; воспитание личности гражданина — патриота Родины, способного встать на защиту государственных интересов страны» [10]. Впервые после распада советской политической системы деятельность по патриотическому воспитанию в масштабах всей страны была поставлена на перспективную плановую основу. После завершения срока действия этой программы пятилетнее планирование работы по патриотическому воспитанию граждан продолжилось. Правительством России были приняты Программы патриотического воспитания граждан Российской Федерации на 2006–1010, 2011–2015 гг., проводилась работа по их реализации, были разработаны и утверждены аналогичные региональные программы по патриотическому воспитанию граждан в субъектах Российской Федерации. Интересно новое качество содержания Государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Феде-

рации на 2016–2020 годы», принятой постановлением Правительства РФ 30 декабря 2015 года № 1493. Здесь обозначена важность системного научного подхода к проблеме патриотического воспитания. Программа предписывала необходимость научного и методического сопровождения системы патриотического воспитания граждан; были установлены такие задачи, как подготовка научно обоснованных учебно-методических пособий и рекомендаций в области патриотического воспитания для всех социально-возрастных категорий граждан, апробация и внедрение современных программ, методик и технологий в деятельность по патриотическому воспитанию; вовлечения молодых ученых и преподавателей в развитие научно-методической базы патриотического воспитания, содействие формированию экспертного сообщества в сфере патриотического воспитания граждан, улучшение качества работы образовательных организаций по патриотическому воспитанию обучающихся и повышению их мотивации к службе Отечеству и т. д. Основным результатом реализации Программы должно было стать формирование системы патриотического воспитания граждан, отвечающей современным вызовам и задачам развития страны [11]. В настоящее время Программа патриотического воспитания действует в мультипликативном формате, она состоит из многих сегментов, и работа по ее реализации поставлена на системную основу под руководством и контролем государства.

Важнейшим этапом, имеющим символическое значение в процессе формирования консервативного идеологического дискурса в структуре политико-правового поля России, стало внесение ряда поправок принципиального характера в Конституцию России в 2020 году. Законодательство, право, правовая система всегда пронизаны тем или иным идеологическим содержанием, как правило, идеологией, доминирующей в обществе. Законодательство во всем своем объеме отражает господствующую в данном социуме идеологию. Законодательство по своему существу не может быть вне идеологии. Именно поэтому поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации вызвали серьезный как внутрироссийский, так и международный резонанс — они носили не только технический, но и идейно-политический, и даже онтологический характер. Так, в 1 части 67 новой статьи Конституции РФ речь идет об исторической преемственности, приверженности традиции, гордости за Отечество, патриотизме — все эти ценности фундаментально консервативные. «Российская Федерация, — гласит часть 1 статьи 67, — является правопреемником Союза ССР на своей территории... Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, переданных нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство... Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается... Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие... воспитанию в них патриотизма» [12].

В статье 68 Конституции РФ в качестве поправки особо выделена роль русского народа — эта идейная установка также входит в структуру российской консервативной идеологии: «Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации» [12].

В часть 1 статьи 72 Конституции добавлен новый пункт Ж.1, посвященный семейным ценностям. В сферу ответственности государства входит «защита семьи, материнства, отцовства и детства; защита института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях» [12]. Защита, бережное отношение к семье как особо охраняемому священному союзу входит в число базовых консервативных ценностей. Неудивительно, что определение в Конституции России «брака как союза мужчины и женщины» вызвало особое возбуждение и ярость у прогрессивной европейской общественности и евросоюзного политикума, требовавших от России отменить в российской Конституции указанное определение брака как дискриминационное.

С конца прошлого — начала нынешнего века в формате общегосударственных документов концептуального характера, определяющих общую стратегию основных направлений государственной политики Российской Федерации, происходят фундаментальные подвижки идеологического дискурса по направлению к консерватизму.

Так, консервативное идейно-политическое содержание базовых нормативных актов, определяющих стратегическую линию обеспечения национальной безопасности России, от документа к документу неизменно усиливается. В настоящее время в рамках проблемы обеспечения национальной безопасности действует правовой акт «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», утвержденный Указом Президента России от 2 июля 2021 года № 400. Практически весь текст этого документа составлен в поле консервативного дискурса, он пронизан консервативными идейными установками, которые являются идейно-политическим фундаментом этого правового акта. Это утверждение касается всех разделов документа, но в первую очередь обращает на себя внимание подраздел «Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти» (само название и отсылка к традиции указывают на консервативный характер этого правового акта). В тексте Стратегии национальной безопасности России изложены вызовы духовно-нравственного характера, которые встали перед человечеством, указаны недостатки консервативного свойства: «Все более разрушительному воздействию подвергаются базовые моральные и культурные нормы, религиозные устои, институт брака, семейные ценности. Абсолютизируется свобода личности, осуществляется активная пропаганда вседозволенности, безнравственности и эгоизма, насаждается культ насилия, потребления и наслаждения... Насаждение чуждых идеалов и ценностей, осуществление без

учета исторических традиций и опыта предшествующих поколений... разрушают фундамент культурного суверенитета, подрывают основы политической стабильности и государственности» [13]. И далее в тексте документа указывается эпицентр современной глобальной безнравственности — это объединенный Запад во главе с США: «Традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности подвергаются активным нападкам со стороны США и их союзников... Информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры усиливают угрозу утраты Российской Федерацией своего культурного суверенитета» [13].

В тексте Стратегии перечисляются духовные ценности, которые являются фундаментальными в российской консервативной идеологии: «К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [13]. Документом определены задачи по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей: сохранение исторической памяти, исторической правды, укрепление института семьи, сохранение традиционных семейных ценностей, преемственности поколений россиян, поддержка общественных проектов, направленных на патриотическое воспитание граждан, развитие коллективных начал российского общества, поддержка религиозных организаций традиционных конфессий и т. п. [13]. Консервативный характер поставленных задач, их консервативный идейно-политический вектор совершенно очевидны.

В формате внешнеполитического контура защиты национальной безопасности России в полном соответствии с консервативным видением внешнеполитической проблематики в тексте Стратегии национальной безопасности изложена жесткая критика агрессивного курса Запада: «Стремление стран Запада сохранить свою гегемонию... [сопровождается] обострением внутривнутриполитических проблем, усилением межгосударственных противоречий, ослаблением влияния международных институтов и снижением эффективности системы глобальной безопасности» [13]. В подразделе Стратегии «Оборона страны» продолжена жесткая критика западного блока: «Усилению военных опасностей и военных угроз Российской Федерации способствуют попытки силового давления на Россию, ее союзников и партнеров, наращивание военной инфраструктуры Организации Североатлантического договора вблизи российских границ, активизация разведывательной деятельности, отработка применения против Российской Федерации крупных военных формирований и ядерного оружия... Соединенные Штаты Америки... проводят последовательный курс на отказ от международных обязательств в области контроля над вооружениями» [13]. В Стратегии национальной безопасности России напрямую указана главная военная угроза России — США и военно-политический блок

НАТО. Антизападничество как принцип российского консерватизма во многом определяет содержание действующей Стратегии национальной безопасности.

С позиции защиты национальных интересов страны в масштабе уже глобальной безопасности Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, очевидно, находится в формате консервативного идеологического дискурса. Стратегия во многом исходит из логики геополитического подхода, в ракурсе стратегического обеспечения интересов так называемой Большой Евразии: документом предписывается необходимость приоритетного сотрудничества со странами Содружества Независимых Государств (СНГ), Китайской Народной Республикой, Индией. В тексте Стратегии национальной безопасности говорится о том, что необходимо «обеспечение интеграции... и развитие многостороннего сотрудничества в рамках Большого Евразийского партнерства» [13] — и здесь сказывается влияние евразийских идей А. С. Панарина, С. Е. Кургина, А. Г. Дугина и других консервативных философов и идеологов. Весьма символично, что о стратегическом сотрудничестве с западными странами в Стратегии практически ничего не говорится, очевиден сигнал о смене глобальных приоритетов России, и это соотносится с российским консервативным видением проблемы взаимодействия в формате Россия — Запад.

Оформившаяся к настоящему времени в российском социально-политическом пространстве консервативная идейно-политическая доминация в решающей степени отразилась на характере и содержании действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Весь дух Стратегии, весь ее идейно-политический дискурс во всем ее объеме соответствует консервативному видению проблемы национальной безопасности России.

Еще одним документом стратегического характера, определяющим такое важнейшее направление политической деятельности государства, как внешняя политика, является «Концепция внешней политики Российской Федерации», утвержденная Указом Президента России от 31 марта 2023 года № 229. Уже в I разделе Концепции — «Общие положения» — характеристика российской государственности дается сугубо в формате консервативной идеологии: «Более чем тысячелетний опыт самостоятельной государственности, культурное наследие предшествовавшей эпохи, глубокие исторические связи с традиционной европейской культурой и другими культурами Евразии, выработанное за много веков умение обеспечивать на общей территории гармоничное сосуществование различных народов, этнических, религиозных и языковых групп определяют особое положение России как самобытного государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную сущность русского мира» [14]. Россия характеризуется в документе как государство-цивилизация, а цивилизационный подход является фундаментально консервативным.

В отличие от квазилиберального периода 1990-х гг., в ходе которого правящим классом общественно-политическому сознанию страны навязывалась лживая, унижительная характеристика России как страны-неудачницы, Концепцией определено высокое и достойное, подобающее великому государству место в системе глобального мироустройства: «Место России в мире определяется наличием у нее значительных ресурсов во всех сферах жизнедеятельности, ее статусом постоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций (ООН), участника ведущих межгосударственных организаций и объединений, одной из двух крупнейших ядерных держав, государства-правопреемника (правопродолжателя) Союза ССР. Россия с учетом ее решающего вклада в победу во Второй мировой войне, а также деятельной роли в создании современной системы международных отношений и ликвидации мировой системы колониализма выступает в качестве одного из суверенных центров мирового развития и выполняет исторически сложившуюся уникальную миссию по поддержанию глобального баланса сил и выстраиванию многополярной международной системы» [14].

В Концепции ясно и четко обозначен антиквазилиберальный характер актуальной внешней политики России, в отличие от «kozyревской», угоднической коллективному Западу внешнеполитической линии 90-х, а одним из базовых принципов российского консерватизма является антилиберализм (в большей или меньшей степени жесткости). По поводу деструктивной внешней политики Запада, руководствующегося либеральной идеологией, в Концепции отмечается: «Распространенной формой вмешательства во внутренние дела суверенных государств стало навязывание им деструктивных неолиберальных идеологических установок, противоречащих традиционным духовно-нравственным ценностям. Как следствие, разрушительное воздействие распространяется на все сферы международных отношений» [14]. По поводу разрушительной роли конкретно США отмечается: «Курс России в отношении США носит комбинированный характер с учетом роли этого государства как одного из влиятельных суверенных центров мирового развития и в то же время главного вдохновителя, организатора и исполнителя агрессивной антироссийской политики коллективного Запада, источника основных рисков для безопасности Российской Федерации» [14].

В формате геополитического измерения, в глобальном масштабе современная российская консервативная идеология исходит из приоритетного значения евразийского, а не западного вектора внешней политики России, что находит свое отражение в действующей Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой сказано: «Особо важное значение для достижения стратегических целей и выполнения основных задач внешней политики Российской Федерации имеет всеобъемлющее углубление связей и координации с дружественными суверенными глобальными центрами силы и развития, расположенными на Евразийском континенте и приверженными подходам, принципиально совпадающими с российскими подходами к будущему мироустройству и решению ключевых проблем мировой политики» [14]. Так же сказано о приоритете

евразийского вектора во внешнеполитической стратегии российского государства: «Россия стремится к преобразованию Евразии в единое общееконтинентальное пространство мира, стабильности, взаимного доверия, развития и процветания. Достижение этой цели предполагает... формирование широкого интеграционного контура — Большого Евразийского партнерства — посредством объединения потенциалов всех государств, региональных организаций и объединений Евразии с опорой на ЕАЭС, ШОС и Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН)» [14].

Консервативный характер, консервативный идейно-политический стержень, сам консервативный дух Концепции внешней политики Российской Федерации не вызывает никаких сомнений, а весь объем современной реальной внешней политики России, вставшей на защиту коренных национальных интересов нашей страны, фактически возглавившей глобальное антиимпериалистическое, анти-неоколониальное сопротивление коллективному Западу, подтверждает это.

Важнейшим общегосударственным правовым документом стратегического значения, который можно охарактеризовать в какой-то степени даже как революционный, стал правовой акт «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденный Указом Президента России от 8 ноября 2022 года № 809. В нем указано, что он является «документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности России» [15]. Тем самым духовно-нравственная, ценностная, идеологическая сфера как сегмент социальной системы России вынесена на самый высокий уровень государственной заботы, государственной политики — на уровень обеспечения национальной безопасности. Принятие данного правового акта стало очередным, очень важным, знаковым этапом в процессе дальнейшего поступательного продвижения консервативного идеологического дискурса в структуру как российского общественного сознания, так и государственной политики. Документ весьма конкретен в формулировках и оценках, он представляет собой почти поэтапно расписанный план, пошаговую инструкцию по преодолению негативных последствий доминирования квазилиберальной идеологии в России, приведших к национальной катастрофе, вылившейся в конечном счете в войну с коллективным Западом, балансирующую на грани ядерного Апокалипсиса.

В документе дается консервативная по своему характеру дефиниция традиционным ценностям, они определяются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России... К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидатель-

ный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [15].

В документе подчеркивается роль российских традиционных конфессий в сохранении единства, поддержке процесса интеграции российского общества: «Христианство, ислам, буддизм, иудаизм и другие религии, являющиеся неотъемлемой частью российского исторического и духовного наследия, оказали значительное влияние на формирование традиционных ценностей, общих для верующих и неверующих граждан. Особая роль в становлении и укреплении традиционных ценностей принадлежит православию... Российская Федерация рассматривает традиционные ценности как основу российского общества» [15]. Одним из базовых в консервативной идеологии является принцип опоры на религию как фундамент любого общества, как его становой хребет, как духовный стержень.

Консервативный принцип антизападничества также нашел свое отражение в документе, в котором сказано: «Угрозу традиционным ценностям представляют деятельность экстремистских и террористических организаций, отдельных средств массовой информации и массовых коммуникаций, действия Соединенных Штатов Америки и других недружественных иностранных государств, ряда транснациональных корпораций и иностранных некоммерческих организаций, а также деятельность некоторых организаций и лиц на территории России» [15].

Следует обратить особое внимание на то, что документом фактически за основу взята концепция идеологического противостояния, можно даже констатировать, что речь идет в какой-то степени о возврате к концепции идеологической борьбы, что не удивительно в условиях современного глобального противостояния во всех сферах общественной жизни с коллективным Западом, в условиях объявленной Западом политики отмены России: «Идеологическое и психологическое воздействие на граждан ведет к насаждению чуждой российскому народу и разрушительной для российского общества системы идей и ценностей (далее — деструктивная идеология), включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма, служения Отечеству, естественного продолжения жизни, ценности крепкой семьи, брака, многодетности, созидательного труда, позитивного вклада России в мировую историю и культуру, разрушение традиционной семьи с помощью пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений» [15]. В документе прослеживается предупреждение о субъективных носителях и трансляторах враждебной идеологии: «Деятельность публично-правовых образований, организаций и лиц, способствующая распространению деструктивной идеологии, представляет объективную угрозу национальным интересам Российской Федерации» [15]. Отчасти в основах в некотором роде сделана заявка на некую идеологическую революцию: «В целях сохранения и укрепления традиционных ценностей, пресечения распространения деструктивной идеологии

реформы в области образования и воспитания, культуры, науки, средств массовой информации и массовых коммуникаций должны проводиться с учетом исторических традиций и накопленного российским обществом опыта при условии проведения широкого общественного обсуждения» [15]. В документе предложены пути решения проблем в области сохранения и укрепления традиционных ценностей: «Корректировка документов стратегического планирования в целях более эффективного решения задач по сохранению и укреплению традиционных ценностей,... совершенствование системы государственной поддержки проектов в области культуры и образования с учетом целей государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей;... развитие и совершенствование форм и методов противодействия рискам, связанным с распространением деструктивной идеологии в информационном пространстве;... совершенствование форм и методов воспитания и образования детей и молодежи в соответствии с целями государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей;... повышение эффективности деятельности научных, образовательных, просветительских организаций и организаций культуры по защите исторической правды, сохранению исторической памяти, противодействию фальсификации истории;... совершенствование деятельности правоохранительных органов по профилактике и пресечению противоправных действий, направленных на распространение деструктивной идеологии» [15].

Можно подчеркнуть, что принятие «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» стало важным этапом по дальнейшему продвижению консервативной идеологии в политическую жизнь современного российского общества.

Политическая линия государства на полное переформатирование идеологического вектора российского общества, его ценностно-нормативной системы в консервативный формат находит свое дальнейшее продолжение и конкретизацию в принятии правового акта «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения», утвержденного Указом Президента России от 8 мая 2024 года № 314. Определение историческому просвещению в документе дается в рамках консервативного дискурса: «историческое просвещение — регулируемая государством деятельность по распространению в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний в целях формирования научного понимания прошлого и настоящего России, являющегося одной из основ общероссийской гражданской идентичности и коллективной исторической памяти, а также в целях противодействия попыткам умаления подвига народа при защите Отечества;... государственная политика в области исторического просвещения — совокупность действий, реализуемых субъектами государственной политики в области исторического просвещения, направленных на распространение в обществе достоверных и научно обоснованных исторических знаний,

поддержку и развитие системы научного исторического знания, формирование личности на основе присущей российскому обществу системы ценностей и любви к Родине» [16].

В документе вновь в корреляции с предыдущими документами соответствующего содержания дается характеристика России в соответствии с консервативным подходом: «Россия — великая страна с многовековой историей, государство-цивилизация, сплотившее русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшее огромный вклад в общемировое развитие. В основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» [16].

В документе указаны причины системного характера, риски и угрозы, обусловившие необходимость усиления особого внимания государства к проблеме исторической памяти российского общества: «В условиях роста международной напряженности и кризиса национальной идентичности, в основе которого лежат уничтожение исторической памяти, реабилитация и воскрешение неокOLONиализма, неоимпериализма и неонацизма, российское общество и государство сталкиваются с целым рядом явлений, несущих в себе риски и угрозы, к числу которых относятся: а) недружественные действия иностранных государств, направленные на отрицание или преуменьшение исторического вклада России в развитие мировой цивилизации; б) попытки деформации исторической памяти и искажения исторической правды, негативные оценки событий и периодов отечественной истории, распространение ложных представлений о России; в) использование коллективным Западом фальсификации истории в качестве оружия в информационной войне, направленной на разрушение целостности российского общества и государства» [16].

Как указано в документе, целями государственной политики в области исторического просвещения являются формирование общероссийской гражданской идентичности и укрепление общности Русского мира на основе традиционных российских духовно-нравственных и культурно-исторических ценностей [16]. Документом обозначены конкретные и подробные задачи по историческому просвещению граждан, российского общества в соответствии с поставленными целями. Эти цели имеют абсолютно консервативный характер и предполагают полную деконструкцию все еще сохраняющей некоторую инерцию неосуществимой, губительной и чуждой российскому обществу долго навязываемой ему квазилиберальной идейно-политической линии.

Выводы

Трансформация идейно-политического пространства постсоветской России из квазилиберального к консервативному по своему содержанию, начавшаяся с конца 1990-х —

начала 2000-х годов прошедшего века, идет нарастающим темпом вот уже более двадцати лет. К настоящему времени происходит оформление нового качества идеологического дискурса российской ценностно-нормативной системы: консервативный транзит по всем признакам близок к завершению.

Консервативное замещение из формата научно-теоретического, публицистического, аффективного стало переходить в системном порядке в формат реального политико-правового поля, в формат уже целого ряда официально действующих политико-правовых актов, таких как государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», «Концепция внешней политики Российской Федерации», «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», «Основы государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» и др.

Мощнейшим катализатором консервативного транзита в российском обществе стал государственный переворот в 2014 году в г. Киеве как результат антироссийской политики коллективного Запада и развязанное Западом во главе с США открытое военное противостояние с Россией с использованием украинских прокси и вооруженных наемников. Эта война окончательно разоблачила в глазах практически всего российского общества квазилиберальную идеологическую витрину и продемонстрировала реальный облик фальшивой либеральной сказки. Российское общество, наконец, проснулось (к сожалению, в результате ужасного воздействия войны) и возвращается к своим духовно-нравственным и идейно-политическим истокам.

Список источников

1. Панарин, А. С. После юбилея / А. С. Панарин. – Текст : непосредственный // Новый мир. – 1995. – № 9.
2. Путин, В. Россия на рубеже тысячелетий / В. Путин. – Текст : электронный // Независимая газета. – 1999. – 30 дек. – URL: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html.
3. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – 2013. – 19 сен. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>.
4. Послание Президента Федеральному собранию. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – 2013. – 12 дек. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>.
5. Заседание международного дискуссионного клуба «Валдай». – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – 2021. – 21 окт. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>.

6. Послание Президента Российской Федерации от 29.02.2024 г. б/н. – Текст : электронный // Президент России : официальный сайт. – 2024. – 29 фев. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431>.

7. Распутин, В. У нас поле Куликово, у них — «Поле чудес» / В. Распутин. – Текст : непосредственный // Советская Россия. – 1998. – 2 апр.

8. Постановление Правительства Российской Федерации «О военно-патриотических молодежных и детских объединениях» от 24.07.2000 № 551 (ред. от 24.12.2014). – URL: <https://www.mos.ru/donm/documents/normativnye-pravovye-akty/view/166874220>. – Текст : электронный.

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации об утверждении «Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации» от 18 декабря 2006 года № 1760-р (с изменениями на 16 июля 2009 года). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/902020299>. – Текст : электронный.

10. Постановление Правительства Российской Федерации о государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2001–2005 годы» от 16 февраля 2001 года № 122. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901781482>. – Текст : электронный.

11. Постановление Правительства Российской Федерации о государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» от 30 декабря 2015 года № 1493 (с изменениями на 30 марта 2020 года). – URL: <https://docs.cntd.ru/document/420327349>. – Текст : электронный.

12. Конституция Российской Федерации. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>. – Текст : электронный.

13. Указ Президента Российской Федерации «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации» : введ. в действие с 02.07.21. – Москва, 2021. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>. – Текст : электронный.

14. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» : введ. в действие с 31.03.23. – Москва, 2023. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>. – Текст : электронный.

15. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» : введ. в действие с 09.11.22. – Москва, 2022. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>. – Текст : электронный.

16. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения» : введ. в действие с 08.05.24. – Москва, 2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>. – Текст : электронный.

Reference

1. Panarin, A. S. (1995). Posle yubileya. Novyy mir, (9). (In Russian).
2. Putin, V. (1999). Rossiya na rubezhe tysyacheletiy. Nezavisimaya gazeta. (In Russian). Available at: https://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millennium.html
3. Zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday". (2013). (In Russian). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/19243>
4. Poslanie Prezidenta Federal'nomu sobraniyu. (2013). (In Russian). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/19825>
5. Zasedanie mezhdunarodnogo diskussionnogo kluba "Valday". (2021). (In Russian). Available at: <http://kremlin.ru/events/president/news/66975>
6. Poslanie Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 29.02.2024 g. b/n. (2024). (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50431>
7. Rasputin, V. (1998). U nas pole Kulikovo, u nikh - "Pole chudes". Sovetskaya Rossiya, 2 april. (In Russian).
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 24.07.2000 N 551 (red. ot 24.12.2014) "O voenno-patrioticheskikh molodezhnykh i detskikh ob"edineniyakh". (In Russian). Available at: <https://www.mos.ru/donm/documents/normativnye-pravovye-akty/view/166874220/>
9. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 18 dekabrya 2006 goda No 1760-r "Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoy molodezhnoy politiki v Rossiyskoy Federatsii" (s izmeneniyami na 16 iyulya 2009 goda). (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/902020299>
10. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 16 fevralya 2001 goda No 122 O gosudarstvennoy programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2001-2005 gody". (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/901781482>
11. Postanovlenie Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 30 dekabrya 2015 goda No 1493 O gosudarstvennoy programme "Patrioticheskoe vospitanie grazhdan Rossiyskoy Federatsii na 2016-2020 gody" (s izmeneniyami na 30 marta 2020 goda). (In Russian). Available at: <https://docs.cntd.ru/document/420327349>
12. Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii. (In Russian). Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>
13. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "O strategii natsional'noy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii". (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>.
14. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhdenii Kontseptsii vneshney politiki Rossiyskoy Federatsii". (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49090>

15. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki po sokhraneniyu i ukrepleniyu traditsionnykh rossiyskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostey". (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502>

16. Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy politiki Rossiyskoy Federatsii v oblasti istoricheskogo prosveshcheniya". (In Russian). Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50534>

Информация об авторе / Information about the author

Шестаков Сергей Александрович, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, shestakovprof@gmail.com

Sergey A. Shestakov, Doctor of Political Sciences, Assistant Professor, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, shestakovprof@gmail.com

Статья поступила в редакцию 24.07.2024; одобрена после рецензирования 14.08.2024; принята к публикации 15.09.2024.

The article was submitted 24.07.2024; approved after reviewing 14.08.2024; accepted for publication 15.09.2024.

На научный журнал

«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»

(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,

а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:

<https://www.akc.ru/itm/izvestiy-a-vy-iss-hih-uc-hebny-ih-zavedeniy-sot-siologiy-a-y-ekonomika-politika/>

Дата выхода в свет 30.09.2024. Формат 60x90 1/8.

Уч.-изд. л. 8,51. Усл. печ. л. 15,75 Тираж 500. Заказ № 2913.

Распространяется по подписке. Цена свободная.

Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Тюменский индустриальный университет».

625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ

625027, Тюмень, ул. Киевская, 52.